

Серия «Высшее образование»

Г.А. ПОЛЯНИЧКИНА

ЭТНОГРАФИЯ

Учебное пособие

Рекомендовано УМО по образованию в области народной художественной культуры, социально-культурной деятельности и информационных ресурсов в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности

071301 — Народное художественное творчество.

Дисциплина СД.Ф.01.04 — «Этнография»

УДК 39(075.8)

ББК 63.5я73

КТК 037

П54

Рецензенты:

Витвар О.И., кандидат педагогических наук;

Лосева Л.В., кандидат педагогических наук

Поляничкина Г.А.

П54 Этнография: учеб. пособие / Г.А. Поляничкина. — Ростов н/Д: Феникс, 2006. — 159 с. — (Высшее образование).

ISBN 978-5-222-07349-0

Пособие дополняет и систематизирует теоретические материалы учебника по этнографии. Представляет основные разделы этнографического описания восточных славян, народов Красноярского края и Таймыра: историю формирования этносов, особенности среды обитания, традиционную материальную культуру, наиболее характерные обряды и праздники.

Выполнено в соответствии с требованиями государственного стандарта федерального (вузовского) компонента, предназначено для студентов и преподавателей народной художественной культуры, менеджеров социально-культурной деятельности.

УДК 39(075.8)

ISBN 978-5-222-07349-0

ББК 63.5я73

© Поляничкина Г.А., 2006

© Изд-во «Феникс»: оформление, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Главной задачей пособия (курса лекций) является оказание помощи студентам в качественном освоении этнографии в соответствии с требованиями национально-регионального (вузовского) компонента.

В пособии содержатся сведения, представляющие собой основные теоретические положения этнографии (понятия, теории, концепции), конкретный этнографический материал, позволяющий представить современную этническую картину населения. Исторический обзор исследований отечественных ученых позволяет оценить их вклад в мировую этнографическую науку.

Структура содержания части пособия о роли материальной культуры в этнографических исследованиях, по сути, является алгоритмом для анализа культуры этносов в самостоятельной работе студентов.

Содержание регионального материала не претендует на отражение в полной мере объема всех этнографических знаний о народах Сибири и Таймыра, но дает систематизированные представления, достаточные для общекультурной подготовки студентов.

Контрольные вопросы и задания предполагают понимание и сознательное воспроизведение информации, умение обобщать и оценивать научные данные.

К каждой теме с целью более эффективного проведения семинарских занятий, зачетов и экзаменов прилагается список справочной, учебной и исследовательской литературы по этнографии.

В список рекомендуемой литературы включены источники, издание которых относится к давнему времени, поэтому они не могут быть доступны для широкого пользования. Тем не менее, знание о наличии таких публикаций является ценной информацией для студентов и профессионалов, занимающихся вопросами этнографии.

ЭТНОГРАФИЯ КАК НАУКА И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

ПЛАН

1. Предмет и задачи этнографии.
2. Связь этнографии с другими науками.
3. Методы исследования этнографии.
4. Развитие этнографической школы в России.

1. Предмет и задачи этнографии

Термин «этнография» происходит от греческих слов «ethnos» — «народ» и «grapho» — «писать, описывать».

Древние греки применяли понятие «этнос» к другим народам (не грекам), которые отличались от них языком, обычаями, верованиями, образом жизни, ценностями, привычками и т. п.

В научной литературе существует множество различных значений и интерпретаций понятия «этнография». Середина XIX в. стала временем интенсивного развития этнографии в ряде западных стран, что обуславливалось потребностями колониальных держав, поработивших сотни народов, имевших различные культуры и образ жизни. Для эффективного управления покоренными народами необходимо было знание их психологии, традиций, обычаев, ритуалов, верований и т. п. Эти и другие сведения могла дать этнография, поэтому она пользовалась поддержкой официальных властей.

Первоначально этнография (за рубежом этнология) развивалась как наука об отсталых народах всех континентов. В 1839 г. было основано Парижское общество этнологии, Франция стала одним из первых центров этнологических исследований. В 1842 г. возникло Американское этнологическое общество. В Германии в конце XVIII в. сформировалось научное направление, ставившее своей целью изучение неевропейских народов и культур; в качестве общего названия описаний народов, представленных немецкими путеше-

ственниками и учеными, стал использоваться термин «этнология».

В англоязычных странах наука о народах развивалась как составная часть антропологии, а именно ее направление социальная антропология. В научный оборот это название в 1906 г. ввел один из основателей английской этнологии Джеймс Фрэйзер. Понятие «социальная антропология» получило распространение и стало английским эквивалентом понятия «этнология».

В отличие от Англии, в США этнология развивалась под названием «культурная антропология». Здесь внимание сосредоточивалось на изучении различных этнических групп как носителей разнообразных культурных традиций. Начиная с 50-х гг. XX в. данное направление ориентируется на изучение только проблем культурных особенностей народов, т. е. любых этнокультурных процессов.

В России с середины XVIII в. стали уделять большое внимание этническим проблемам. Связано это было не только с расширением Российского государства и вхождением в его состав многих народов, но и с возросшим в обществе интересом к судьбе русского народа, его историческим корням, особенностям русской культуры. Вплоть до 1990 г. термин «этнология» в русской науке употреблялся в качестве синонима термина «этнография». Поэтому историю становления этнографии и этнологии в России до этого периода следует рассматривать, скорее всего, как одну.

В числе принципиальных теоретических проблем этнографической науки важнейшее место занимает наиболее общая проблема: определение предмета науки. *Этнография есть изучение народов, их быта и культуры в историческом развитии* — таково наиболее простое и сравнительно точное определение ее предмета.

Есть мнение, что этнография должна описывать лишь культурно отсталые народы. Согласиться с таким ограничением задач этнографической науки нельзя уже по тому, что резкой грани между «отсталыми» и «передовыми» народами нет. Народы с более развитой культурой (в Европе, Америке) и народы, сохранившие до наших дней самые отсталые фор-

мы быта (аборигены Австралии), представляют собой крайние точки непрерывной цепи, каждое звено которой лишь незначительно отличается от соседнего, четкой границы между ними нигде нет. Кроме того, уровень культуры всякого отдельного народа меняется, многие народы, еще недавно отсталые, за короткий срок выдвинулись в число передовых.

Нельзя считать обоснованным и мнение, что этнография должна изучать у народов развитых стран только крестьянскую, деревенскую культуру или архаические, пережиточные черты культуры. Этот предпочтительный интерес к крестьянству, к деревенскому быту сохранился в этнографической науке как за рубежом, так и у нас. Если он исторически и объясним, то теоретически такое ограничение предмета этнографических исследований неоправданно.

Задача этнографии — изучить лицо каждого данного народа (как народа, т.е. как этнической общности), весь его облик, включая как архаические, пережиточные стороны его быта, так и все наиболее развитые формы, наиболее сложные явления его общественной жизни и культуры. Это одинаково относится и к народам исторически отсталым, и к самым передовым. При этом этнограф изучает не только специфические особенности, отличающие данный народ от других, но и черты, общие с другими народами. Именно этот аспект этнографических исследований особенно важен для науки, так как помогает вскрыть общие закономерности исторического процесса, охватывающего все человечество. Как общие, так и специфические черты быта и культуры каждого народа должны изучаться в динамике, в историческом развитии, вплоть до сегодняшнего дня, а в историческое прошлое проникать надо настолько, насколько это возможно.

Этнографы интересуют в значительной мере те же явления и стороны жизни любого народа, какие изучаются другими науками: явления материальной и духовной культуры, формы общественного и семейного быта. В этих случаях сам предмет исследования этнографической науки может совпасть с предметом других наук: истории, экономики, демографии, правоведения, литературоведения, истории искус-

ства, религиоведения и др.), а также естественных и технических наук.

Угол зрения, под которым любая наука рассматривает свой предмет, определяется проблематикой науки. Проблематика же вытекает из существа данной науки. Это касается в полной мере и этнографии.

Этнография есть историческая наука, изучающая быт и культуру народов. Проблематика ее очень разнообразна. В числе наиболее общих проблем этнографии следует указать прежде всего следующие.

- 1) Этногенез, этническая история и этнические связи между народами, их отражение в быту и культуре современных народов.
- 2) Этнический состав населения отдельных стран (и всего мира).
- 3) Этническая традиция, ее отражение в явлениях быта и культуры, ее положительное или отрицательное влияние на развитие народов.
- 4) Закономерности возникновения одинаковых черт быта и культуры у народов, стоящих на одинаковой ступени исторического развития или живущих в сходных условиях среды.
- 5) Закономерности взаимного влияния культуры народов.
- 6) Судьбы этнической традиции в наши дни в сложно дифференцированном обществе, ломка или видоизменение ее в быту отдельных классов или иных социальных групп населения, в деревне и городе.
- 7) Проблема оценки в изучении явлений быта и культуры народов, критерий общечеловеческих и ограниченных ценностей, критерий практической полезности в наше время.
- 8) Изучение перспектив развития этнических общностей в наши дни: этническая консолидация, ассимиляция, пути национального развития отдельных народов.

¹ Илс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991. С. 9.

Одна из важнейших сторон этнографического изучения жизни народов на всех уровнях развития культуры — его практическая направленность. Этнография должна рассматривать проблемы, которые востребованы современностью. Это в первую очередь:

- ✦ материальная культура народов;
- ✦ семейно-брачные отношения;
- ✦ ритуалы, обычаи, нравы, верования различных народов;
- ✦ системы воспитания, присущие разным народам;
- ✦ расселение народов;
- ✦ демографические процессы, происходящие в этносах;
- ✦ названия и самоназвания народов (этнонимика);
- ✦ субэтнические группы и образования;
- ✦ хозяйственные занятия, экономическая деятельность и их воздействие на этносы;
- ✦ социальная и политическая структура народов;
- ✦ языковое поведение и его влияние на этносы;
- ✦ этническое сознание и самосознание;
- ✦ политические вопросы, связанные с этническими интересами, межэтническими (в том числе конфликтными) отношениями².

Все перечисленные проблемы специфичны именно для этнографической науки, и каждая из них в отдельности может служить критерием этнографического подхода к изучению любого явления быта и культуры любого народа, начиная от самых отсталых и до самых передовых и высокоразвитых.

2. Связь этнографии с другими науками

Объект исследования этнографии — этнос, возникший на заре человеческой истории. По мнению ученых, этнография значительно полнее во временном и пространственном

---

² Тавадов Г.Т. Этнология. Учебник для вузов. М.: Проект, 2002. С. 19.

отношении, чем история, способна дать картину этнических и социальных изменений, пережитых человечеством.

История народа сохраняется не только в письменных данных, но и в его традициях и обычаях, его представлениях об окружающем мире и верованиях, орудиях труда, пище, одежде и жилище, в памятниках древности, которые встречаются на могильных полях и местах древних поселений, в легендах и эпических сказаниях — т. е. во всем комплексе культуры, созданном данным этносом и отличающем его от других. Только этнографическими методами можно по этим следам восстановить путь, пройденный народами.

Изучая этносы во всей совокупности, подчеркивая связь этнической истории с социальной, рассматривая изменения во всех сферах культуры, этнография способна представить существенный материал для характеристики национально-культурной специфики при исторических, археологических, экономико-географических и других исследованиях отдельных народов или стран. Другие науки пользуются этнографическими материалами как дополнительными данными, помогающими раскрывать те или иные историко-археологические, экономико-географические либо другие аспекты. Задача всесторонней характеристики народов-этносов и этнических процессов может быть решена лишь на основе специального исследования всех компонентов, в которых проявляется этническая специфика. Отсюда — особое значение для этнографии комплексного подхода к предмету исследования и использованию данных, полученных другими науками. При этом этническая специфика выступает в качестве основного ориентира для определения ее взаимоотношений со смежными дисциплинами.

Несомненна политическая актуальность этнографических исследований в настоящее время в области изучения современных этнических процессов, преобразования культуры и быта. Знание объективной этнической истории, закономерностей культурной интеграции и ассимиляции, аспектов соответствия этнических территорий государственным границам способствует решению чрезвычайно острых по

своим коллизиям и последствиям проблем межнациональных этнических взаимоотношений. Этнографии следует придавать в общей системе гуманитарных наук вполне самостоятельное мировоззренческое (методологическое) значение, не ограничивая при этом ее общенаучную роль. Этнография, с точки зрения ее общенаучного и социального значения, должна рассматриваться как

- 1) мировоззренческая наука, способная решать самостоятельно важные методологические проблемы истории человечества и отдельных (прежде всего бесписьменных) народов;
- 2) вспомогательная дисциплина, дающая особый, этнически специфический материал для других наук о человеке и обществе.

Будучи одной из исторических дисциплин, этнография имеет немало точек соприкосновения с общей историей в изучении первобытнообщинной эпохи и в вопросах этнической истории; велико познавательное значение историко-этнографических процессов, создание обобщающих характеристик народов мира в форме сводных трудов, историко-этнографических атласов, этнических карт.

Исследуя вопросы этногенеза, этнограф постоянно обращается к материалам археологии; археология же для своих реконструкций, в том числе для определения этнической принадлежности археологических памятников, также широко использует данные этнографии.

С историей культуры, искусствоведением, фольклористикой этнография соприкасается при изучении народного художественного творчества, с экономическими науками — при изучении хозяйственной деятельности³.

С социологией этнографию связывает изучение взаимодействия социально-классовых и этнокультурных явлений (этническая социология). Ученых обеих специальностей нередко интересуют одни и те же сферы общественной жизни (быт, семья и т. п.). Однако социолог и этнограф отнюдь не

³ Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982. С. 13.

дублируют друг друга: они под разными ракурсами рассматривают свои объекты. При изучении, например, семьи социолога главным образом интересуют воплощенные в ней социальные связи, тогда как этнограф — ее этнические особенности. Вместе с тем, в силу теснейшего переплетения социально-классовых и этнических отношений, их подчас практически невозможно изучать порознь. С социальной психологией этнография имеет общий раздел — этническую психологию.

С лингвистикой этнографию связывают изучение языкового родства народов, взаимных языковых влияний и заимствований, диалектологические и ономастические исследования, взаимодействие языковых и этнических процессов (этнолингвистика).

С географией этнография контактирует в изучении взаимодействия этноса и природной среды, типов расселения, а также по вопросам этнического картографирования. В исследовании численности народов мира, миграционных процессов она смыкается с демографией (этнодемография). С антропологией этнография наиболее тесно сопряжена в исследовании этногенеза (этническая антропология), а также истории первобытного общества. В той или иной мере этнография взаимодействует и со многими другими естественнонаучными дисциплинами (ботаникой, зоологией, океанологией и т. д.), данные которых способны дополнить этническую историю человечества.

В современном мире в обозримом будущем, даже в условиях грандиозных социальных и научно-технических изменений на Земле, сохранятся те особенности, которые отличают один этнос от другого, сами этносы, несмотря на прогрессивную тенденцию к интеграции, следовательно, сохранится, хотя и в измененном виде, потребность их изучения, т. е. необходимость этнографической науки. Любая сторона жизни народа может изучаться с точки зрения той или иной из названных выше проблем, и это будет этнографическое изучение важное для специалистов социокультурной сферы.

своим коллизиям и последствиям проблем межнациональных этнических взаимоотношений. Этнографии следует придавать в общей системе гуманитарных наук вполне самостоятельное мировоззренческое (методологическое) значение, не ограничивая при этом ее общенаучную роль. Этнография, с точки зрения ее общенаучного и социального значения, должна рассматриваться как

- 1) мировоззренческая наука, способная решать самостоятельно важные методологические проблемы истории человечества и отдельных (прежде всего бесписьменных) народов;
- 2) вспомогательная дисциплина, дающая особый, этнически специфический материал для других наук о человеке и обществе.

Будучи одной из исторических дисциплин, этнография имеет немало точек соприкосновения с общей историей в изучении первобытнообщинной эпохи и в вопросах этнической истории; велико познавательное значение историко-этнографических процессов, создание обобщающих характеристик народов мира в форме сводных трудов, историко-этнографических атласов, этнических карт.

Исследуя вопросы этногенеза, этнограф постоянно обращается к материалам археологии; археология же для своих реконструкций, в том числе для определения этнической принадлежности археологических памятников, также широко использует данные этнографии.

С историей культуры, искусствоведением, фольклористикой этнография соприкасается при изучении народного художественного творчества, с экономическими науками — при изучении хозяйственной деятельности³.

С социологией этнографию связывает изучение взаимодействия социально-классовых и этнокультурных явлений (этническая социология). Ученых обеих специальностей нередко интересуют одни и те же сферы общественной жизни (быт, семья и т. п.). Однако социолог и этнограф отнюдь не

³ Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982. С. 13.

дублируют друг друга: они под разными ракурсами рассматривают свои объекты. При изучении, например, семьи социолога главным образом интересуют воплощенные в ней социальные связи, тогда как этнографа — ее этнические особенности. Вместе с тем, в силу теснейшего переплетения социально-классовых и этнических отношений, их подчас практически невозможно изучать порознь. С социальной психологией этнография имеет общий раздел — этническую психологию.

С лингвистикой этнографию связывают изучение языкового родства народов, взаимных языковых влияний и заимствований, диалектологические и ономастические исследования, взаимодействие языковых и этнических процессов (этнолингвистика).

С географией этнография контактирует в изучении взаимодействия этноса и природной среды, типов расселения, а также по вопросам этнического картографирования. В исследовании численности народов мира, миграционных процессов она смыкается с демографией (этнодемография). С антропологией этнография наиболее тесно сопряжена в исследовании этногенеза (этническая антропология), а также истории первобытного общества. В той или иной мере этнография взаимодействует и со многими другими естественнонаучными дисциплинами (ботаникой, зоологией, океанологией и т.д.), данные которых способны дополнить этническую историю человечества.

В современном мире в обозримом будущем, даже в условиях грандиозных социальных и научно-технических изменений на Земле, сохранятся те особенности, которые отличают один этнос от другого, сами этносы, несмотря на прогрессивную тенденцию к интеграции, следовательно, сохранится, хотя и в измененном виде, потребность их изучения, т. е. необходимость этнографической науки. Любая сторона жизни народа может изучаться с точки зрения той или иной из названных выше проблем, и это будет этнографическое изучение важное для специалистов социокультурной сферы.

3. Методы исследования этнографии

Для определения общенаучного и социального значения этнографии рассмотрим проблемы, которые она способна решать и решает, пользуясь только ей присущими методами исследования.

Методы исследования — это средства анализа, а также способы проверки и оценки теории. Методов познания объекта и предмета конкретной науки существует много. В целом все методы можно разделить на общенаучные и специально-научные. Такая классификация применима и к этнографии. Из общенаучных методов здесь используются исторический, социологический, сравнительный, антропологический, культурологический и др. Рассмотрим специальные методы, используемые в этнографии.

Важное значение имеет сбор и накопление разнообразного материала для научного анализа. Это могут быть наблюдения и описания ученых-этнографов, записки путешественников, экспедиционные исследования, фольклорные материалы, литературные источники, изучение письменных источников и устных преданий, описание археологических и антропологических данных и т. п.

Особая категория этнографических источников — музейные собрания. В мире насчитывается не один десяток специальных этнографических музеев, где собраны более или менее полно предметы быта и культуры народов мира или отдельных групп народов. В них отражены самые разные стороны их жизни: хозяйство, одежда, жилище, украшения, утварь, предметы культа, образцы искусства. Богатейшими коллекциями располагают и музеи нашей страны — Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, краеведческие музеи и др. При МГУ создан музей (ныне Музей антропологии), включающий этнографические, археологические и антропологические коллекции.

Музейные собрания позволяют наглядно представить себе особенности культуры и быта различных народов, проводить сравнительно-типологическое изучение предметов,

устанавливая их сходство и различия. Музейные экспонаты несут в себе и *скрытую информацию*, так как развитие методик анализа, расширение объема самих материалов нередко позволяют сделать новые выводы и обобщения⁴.

Одним из основных методов изучения жизни народов являются так называемые *полевые исследования*. Этот метод стал широко практиковаться с середины XIX в., когда возникла потребность иметь более полные и подробные знания о колониальных народах, их хозяйстве, общественном устройстве, обычаях, верованиях, психологии с целью решения задач по управлению населением зависимых стран.

Обычно метод полевого исследования предполагает длительное пребывание исследователя в месте проживания изучаемого этноса. Примером всестороннего и глубокого изучения этносов являются выдающиеся результаты американца Л. Моргана, долгое время жившего среди ирокезов, и русского исследователя Н. Миклухо-Маклая, который несколько лет провел среди папуасов Новой Гвинеи. Ценность данных стационарного метода полевых исследований обусловлена тем, что этнограф становится свидетелем и соучастником повседневной жизни этноса, этнической группы.

Следует отметить, что в последние десятилетия этот метод чаще стал применяться в виде *срочного* или *сезонного* выезда для полевых исследований. Такие срочные и сезонные экспедиции широко практиковались Институтом этнографии Академии наук в 60–80-е гг. XX в., а результаты исследований воплощались в издаваемых научных трудах. Подобный характер полевых исследований современен и экономически оправдан, но имеет свои недостатки. Достаточно сказать, что «срочный», «сезонный» выезд обычно проводится в наиболее удобный для исследования период работы на месте (например, более благоприятный в климатическом отношении), следовательно, исключается наблюдение жизни этноса в межсезонный период.

⁴ Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982. С. 23.

Определены способы обследования во время экспедиций (*маршрутный, кустовой*). Разработаны приемы изучения отдельных явлений и элементов культуры, правила их фиксации в полевых документах и пр.

Важный метод этнологии — изучение *письменных источников*, которые обеспечивают исследователя разнообразной и достоверной информацией об изучаемых народах. Письменными источниками обычно являются написанные многими народами их собственные истории или описания их культур, представляющие интерес не только для этнографов. Наряду с различного рода историческими материалами существуют и другие типы письменных источников: доклады и научные отчеты географов, отчеты посланников и дипломатов, сообщения капитанов морских судов, торговцев, путешественников и т. п. Такие источники содержат много полезной и ценной информации о жизни и культурах разных народов.

Немалую ценность представляет метод *изучения археологических материалов*, что имеет особое значение для восстановления этнической истории и истории культуры. Археологические материалы ценны тем, что позволяют более точно, чем другие источники, определить время отдельных исторических событий или возраст предметов культуры⁵.

В этнографии используется и *метод сравнительного языкознания*, суть которого в сравнении определенных слов из разных языков, позволяющих установить границы соотношения близких языков и степень их родства. Методом сравнительного языкознания можно проследить развитие культуры и этнокультурных отношений разных народов. Это достигается путем систематизированных сравнений слов из нескольких языков, что дает особенно интересные и важные для этнологии результаты. Так, исчезновение определенных слов или их замена синонимами из других языков — важный показатель взаимодействия культур. При этом нужно иметь

⁵ Этнография. Учебник для вузов / Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994. С. 28.

в виду, что метод сравнительного языкознания требует от этнографов хорошего знания соответствующих языков, в том числе основ этнолингвистики.

В XX в. в этнологии стали широко применяться *статистические* источники, среди которых наиболее важными и полными являются переписи населения, дающие этническую информацию разнообразного характера, причем в систематизированном и упорядоченном виде. Вместе с текущим учетом переписи образуют стройную систему социально-демографических и этноязыковых показателей, характеризующих различные стороны развития населения. Группа вопросов о национальности и родном языке отражает этноязыковой состав населения, ассимиляционные и этномиграционные процессы, динамику национально-смешанных браков и другие этнонациональные характеристики. Данные переписи имеют исключительную ценность, они не только позволяют установить общую этническую картину, но также помогают определить динамику этнических процессов путем сравнения материалов нескольких переписей.

В последние десятилетия во всем мире широкое распространение в этнологии получили *методы социологических исследований*. К ним относятся: опросы, анкетирование, интервью, наблюдение, тестирование, шкалирование, выборка и др. Эти методы используются для получения данных по определенным вопросам или в связи с теми или иными событиями или планами (межэтнические конфликты, изменение статуса языка, этнических границ, вопросы этнической самоидентификации, отношение к этнической миграции, межэтнические контакты и т. п.)⁶. Социологические данные дают оперативную картину по изучаемому вопросу этнографии и широко применяются в практических целях государственными и общественными институтами. Методами научной работы овладевают не только специалисты, получающие этнографическое образование, но и широкий круг работников краеведческих музеев.

⁶ Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982. С. 18.

4. Развитие этнографической школы в России

Этнография в России — общественная наука, изучающая происхождение этносов, их основные характеристики и свойства, социально-культурные изменения в жизни сообществ. Основным объектом исследования этнографии в России является культура народов, описываемая, классифицируемая и анализируемая преимущественно с точки зрения выявления ее этнической специфичности.

Одна из особенностей русской этнографии — то, что изучение собственно русского народа в отечественной науке началось значительно позже других народов России. Диктовалось это практическими административными интересами управления окраинами империи⁷.

Важнейшей предпосылкой возникновения этнографии в России стали результаты географических экспедиций XV–XIX вв. В числе первых российских ученых-этнографов следует назвать Г. Новицкого, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, В.В. Радлова и др.

Большую роль в развитии этнографии сыграло учреждение в 1846 г. Русского географического общества. В 1849 г. в составе Географического общества было открыто Отделение этнографии. Государственные интересы требовали всестороннего исследования России, нужны были сведения о народах Сибири, Средней Азии и Кавказа. С этой целью в середине и второй половине XIX в. были организованы академические этнографические экспедиции в Сибирь, другие регионы, созданы подробные этнографические карты Европейской России.

На одном из первых заседаний Русского географического общества 6 марта 1846 г. председатель его, академик К.М. Бэр выступил с докладом «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности». В этом докладе К.М. Бэр развил ряд интересных мыслей, свидетельствующих о серьезном понимании задач этнографической науки

⁷ Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1978. С. 31.

в России, определении ее места среди других наук, ее специфики, ее метода.

Одним из учредителей Русского географического общества был Н.И. Надеждин (1804–1856), с 1848 г. он возглавлял отделение этнографии. В докладе, прочитанном 29 ноября 1846 г., он выступил с программой «Об этнографическом изучении народности русской», где попытался теоретически обосновать задачи этнографии как самостоятельной науки, выделив при этом три основных ее направления: язык, «этнографию физическую» и «этнографию психическую»⁸.

«Наука, — сказал он, — является только тогда, когда, во-первых, сбор материалов производится не набегом и урывочно, как где пришлось, как попало под руку, но систематически, в порядке, связи и полноте, требуемых Наукою»; во-вторых же, собранный материал должен быть пропущен сквозь «чистительное горнило строгой, разборчивой критики»⁹. «Народности» — это «естественные разряды» в «человечестве», они и составляют содержание этнографии. Вернейшее средство различать народы — язык, изучение народного (а не книжного) языка составляет первую задачу этнографа. «Лингвистическая этнография» составляет первый раздел этой науки, за ней идет «физическая» (т.е. антропология) и «психическая».

Ценен вклад в разработку этнографической теории третьего активного деятеля Географического общества — К.Д. Кавелина. В статье «Взгляд на юридический быт древней России» (1846)¹⁰ Кавелин ставит вопрос о том, где «ключ» к правильному пониманию истории народа и отвечает: «Ищите в основании обрядов, поверий, обычаев-былей... когда-то живых фактов, ежедневных, нормальных, естественных условий быта, и вы откроете целый исторический мир, которого тщетно будем искать в летописях, даже в самых преданиях. Народные обычаи — ключ к истории народа». «Наши простонародные обряды, приметы и обычаи, — разъясняет далее Кавелин, — в том виде, как мы их теперь знаем, очевид-

⁸ Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1978. С. 157.

⁹ Там же. С. 158.

¹⁰ Там же. С. 312.

но, сложились из разнородных элементов и в продолжение многих веков». Вследствие многовековой непрерывной «перестройки» исторического быта народа «наши обычаи и обряды представляют самый нестройный хаос...». Для объяснения всей этой массы обычаев и обрядов «остается одно средство: разобрать их по эпохам, к которым они относятся, по элементам, под влиянием которых они образовались...». «По примеру геологии, критика должна найти ключ к этим ископаемым исчезнувшего исторического мира». «Ключ» же этот заключается в следующем: «Всякий обряд, поверье, обычай непременно имеют исторически, в основании своем, действительный факт, естественный или бытовой. Сначала они не поверье, не обряд, а простое понятие или живое действие». Лишь позже, с изменением исторических условий, представление становится поверьем, действие — обрядом; им придают тогда новое толкование, не соответствующее их подлинному историческому происхождению. Вместе с тем, по мнению Кавелина, народным осмыслениям обрядов верить нельзя, ибо народ сам не помнит первоначального их смысла. Кавелин критически относился и к гипотезе «заимствования»: нельзя, говорил он, рассматривать наши обычаи, поверья как от кого-то заимствованные только на том основании, что они сходны с чужими.

Большой вклад в организацию и становление этнографической науки внес академик Д.Н. Анучин (1843–1923). Работы Анучина оставили заметный след в этнографической науке: «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда» (1890); «Древнерусское сказание “О человецех незнаемых в восточной стране”» (1890) и др. В программной статье «О задачах русской этнографии» Анучин подчеркивает большое общенаучное значение этнографии, ее крупное общественное и просветительское значение. Анучину и русская и мировая наука обязаны серьезным обоснованием необходимости тесной координации трех наук — этнографии, археологии и антропологии. «Анучинская триада» получила свое воплощение и в системе преподавания в Московском университете, и в созданном им музее, послужившем моделью для некоторых западноевропейских музеев.

Большую известность в истории русской науки о народах приобрела научная деятельность Н.Н. Миклухо-Маклая (1846–1888), который исследовал материальную и духовную культуру, быт и обычаи папуасов Новой Гвинеи и народов Океании. Работы Миклухо-Маклая, в отличие от работ многих других русских ученых, хорошо известны европейско-американским ученым, ибо значительную часть своих материалов Маклай печатал в иностранных журналах.

В конце XIX — начале XX в. А.Н. Пышин подготовил 4-томную «Историю русской этнографии».

В истории русской этнографии видное место занимают Н.Н. Харузин (1865 — 1900) и В.Н. Харузина (1866–1931) — брат и сестра. Н.Н. Харузин первым в России (с 1889 г.) читал курс этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков. Основные его труды — по этнографии финских, тюркских и монгольских народов. Большое значение до наших дней сохраняют лекции Харузина, изданные посмертно под общим названием «Этнография» (т. I–IV, СПб., 1901–1905). В.Н. Харузина занималась преимущественно проблемами верований и фольклором. Она читала этнографические курсы в Московском археологическом институте и на Высших женских курсах, в советское время — в Московском университете. Была автором ряда популярных книг¹¹.

В конце XIX — начале XX в. значительный вклад в развитие отечественной этнологии внесли труды известного философа Г.Г. Шпета по этнической психологии. В своей книге «Введение в этническую психологию» Г.Г. Шпет определяет, что ключом к пониманию психологии народа являются его культура, история, конкретная социальная действительность, в совокупности определяющие содержание коллективного духа этноса.

После Октябрьской революции создавались новые учреждения по изучению народов России. Первое в стране образовательное этнографическое учреждение возникло на географическом факультете в Петрограде, когда два выдающих-

¹¹ Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1978. С. 33.

ся этнографа, в прошлом народовольцы, политические ссыльные, Владимир Германович Богораз-Тан и Лев Яковлевич Штернберг вернулись из ссылки. Один отбывал ее на Чукотке, другой — на Сахалине, и по существу они открыли для науки эти народы. В 20-х гг., на географическом факультете было выделено два отделения: этнографии (или Этнографического института, который возглавлял Л.Я. Штернберг) и отделение физической географии. Позже, в 30-е гг., этнография из географического поля переместилась в поле историческое. Сегодня этнография (или этнология) в нашей стране находится в системе исторических наук. Но до сих пор существует отделение этнографии в Географическом обществе, где оно возникло еще в XIX в.

В 1924 г. был образован Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР, в 1930 г. — Институт народов Севера. В 1933 г. на основе Музея антропологии и этнографии был создан Институт антропологии, археологии и этнографии, позднее преобразованный в Институт этнографии Академии наук СССР.

В довоенный период развитие этнографической науки связано с именами В.Г. Богораза, П.Ф. Преображенского, С.М. Широкогорова, С.В. Бахрушина и др.

С конца 40-х гг. активизировались исследования этногенеза народов мира (В.П. Алексеев и др.), история их этнического формирования, особенностей их культуры и быта. Продолжалось изучение первобытного общества, его хозяйства, религии, семейно-брачных отношений. Начались исследования бытовой культуры современного сельского и городского населения, получили развитие комплексные направления исследований, основанные на этнографических, археологических, антропологических и письменных источниках. С.П. Толстов, М.Г. Левин разрабатывали теорию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей, Ю.В. Бромлей — теорию этносоциальных общностей.

В 50-е гг. XX в. были изданы крупные труды по народам страны и всего мира, создана серия этнических карт. В 60-х гг. началась интенсивная работа по изучению англо-

американской социальной и культурной антропологии, французской структурной антропологии, а также истории этнологии Германии и др. Выдающийся вклад в развитие этнографической и этнологической наук внесли известные ученые С.И. Брук, А.И. Пеошиц, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, В.И. Козлов, С.А. Арутюнов и др. Профессор МГУ Токарев (1899–1985) создал серию работ по проблемам общественного строя, этногенеза, истории и религии разных народов. Широко известны его работы «История русской этнографии» и «История зарубежной этнографии». Н.Н. Чебоксаров (1907–1980), профессор МГУ, написал труды по общим проблемам этнологии, этногенезу, этнокультурным процессам, антропологии.

Начиная с 70-х гг. этнографы СССР стали проводить исследования национальных и межнациональных отношений. Под руководством директора Института этнографии АН СССР (с 1990 г. — Институт этнологии и антропологии РАН) академика Ю.В. Бромлея, ученых Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, В. В. Пименова и др. развернулись этносоциологические исследования в различных регионах страны. Позднее при институте был создан Центр по изучению национальных проблем.

В 80-е гг. развернулись принципиальные дискуссии о природе этноса и его генезиса: социально-деятельностной (Ю.В. Бромлей, Э.С. Маркарян), биологической (Л.Н. Гумилев), социально-информационной (Н.Н. Чебоксаров и С.А. Арутюнов), экоадаптивной (В.П. Алексеев). Был поднят вопрос о том, насколько этнос реален как эмпирически локализуемая социальная общность (В.А. Тишков). Активизировались этнонациональные исследования: стали изучаться этнокультурные, этнопсихологические, этнолингвистические и прочие аспекты национальных отношений. Решался вопрос о прикладных задачах этнографии в России и возможностях ее использования при решении актуальных экономических, социальных и политических проблем¹².

¹² Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 267.

Особое место в науке занимает Л.Н. Гумилев (1912–1992). Он предложил оригинальную концепцию этногенеза, являющуюся предметом дискуссий среди российских ученых.

Современное состояние этнографии в России характеризуется особым вниманием к теоретическому обобщению идей и эмпирического материала, накопленного русской и мировой этнографией, развитием исследований в зонах со смежными науками, что характерно для всех отраслей современного социального и гуманитарного знания.

В российской научной системе до 1990–1991 гг. держалось название «этнография». В настоящее время этническую антропологию курирует академический Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Антропологический институт находится в системе биологического факультета Московского университета. Функционируют Институт диаспоры и ближнего зарубежья, Институт региональной политики, немногочисленные кафедры и лаборатории при вузах, другие учреждения, специализирующиеся по проблемам межэтнических, межнациональных отношений.

Основная общественная организация в России — по-прежнему Ассоциация этнографов и антропологов. Главные музеи называются этнографическими. Печатный орган, издающийся Институтом этнологии и антропологии и раньше именуемый «Советская этнография», теперь носит название «Этнографическое обозрение».

Происходят изменения и в учебных программах, стандартах. Так, термин «этнография» стал заменяться на «этнология». Первый учебник, изданный в 1968 г., назывался «Основы этнографии». В 1982 г. вышел учебник «Этнография». В 1994 г. уже появился учебник «Этнология», где после каждого слова «этнология» в скобках пишется «этнография» и подчеркивается, что этнография и этнология — единая дисциплина.

Может быть, скоро наша наука будет называться антропологией, что окончательно соединит русскую этнографическую школу со школой, которая развивается в Америке и Англии.

Контрольные вопросы и задания

1. Как и когда этнография сформировалась в самостоятельную науку?
2. Каковы объект и предмет этнографии?
3. Какие междисциплинарные научные направления сформировались на стыке этнографии и других наук?
4. Изложите основные методы исследования этнографии.
5. В какой мере необходимы этнографические знания в вашей будущей профессиональной деятельности?
6. Вспомните, были ли в вашей жизни поездки, встречи, эпизоды, когда вы остро почувствовали недостаток знаний о народах, национальных особенностях, этнической психологии.

Литература

1. Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.
4. Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А.Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.
5. Тавадов Г.Т. Этнология: Учебник для вузов. М.: Проект, 2002.
6. Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1978.
7. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1998.
8. Этнография. Учебник для вузов / Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ МИРА

ПЛАН

1. Этнос и совокупность его признаков.
2. Прогнозы специалистов: тенденция к самоопределению этносов.
3. Гипотеза Л.Н. Гумилева о жизни этносов — этногенезе.

1. Этнос и совокупность его признаков

Этнос — исторически возникший вид социальной группировки людей, обладающий совокупностью признаков: единством территории, культуры, хозяйственно-бытовых особенностей, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований, т.е. самосознанием и самоназванием¹³.

Следует отметить, что ни один из компонентов определения не является непременным признаком, отличающим данный народ от любого другого. В одних случаях главная роль принадлежит языку, в других — территории, в третьих — религии и т.д. Все попытки выделить хотя бы один, непременный для всех этнодифференцирующий признак оказываются обреченными на неудачу.

Этносы — исторически возникшие социальные группировки людей. В нашей этнографии принято выделять три стадии формирования этносов (стадиальные, временные типы).

Племя появилось одновременно с возникновением вида *Homo sapiens*. Племя — объединение вышедших из одного корня, но впоследствии отделившихся друг от друга родов. В основе остаются кровно-родственные отношения, но при этом наблюдается разобщенность по территории, языку, куль-

---

¹³ Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 478.

туре. Только принадлежность человека к племени делала его совладельцем общей собственности, обеспечивала ему долю в произведенном продукте, право участия в общественной жизни. Категория эта историческая, в пример всегда приводили наших эвенков, ненцев, нанайцев (которые ранее находились якобы на стадии племенной общности) или население ряда бывших колониальных стран. Так, у австралийских аборигенов еще перед приходом европейцев насчитывалось около 500 племен со своим языком (диалектом), бушменов — жителей пустыни Калахари — более 20 племен, да еще сюда относят готтентотов, составляющих с бушменами малую расу. Конечно же, они образуют союзы племен (готтентотов 130 000). По Л.Н. Гумилеву все это — этносы, находящиеся на разных стадиях этногенеза¹⁴.

Народность — следующая историческая фаза этноса, нечто промежуточное между племенем и нацией. Характерна замена кровно-родственных отношений общностью и единством территории, единство языка при наличии диалектов, общность культуры и зачатки экономических связей. Народности типичны для рабовладельческого и феодального строев. Это уже не сугубо этническая, а социэтническая общность. Известно немало народностей, которые образовались не только из различных этнических групп (болгары, венгры), но и из различных рас (итальянцы).

В народности нет еще такой целостности экономической жизни, как в нации, но она выгодно отличается в этом отношении от исторически предшествующих их этносов. Некоторые народности преимущественно из-за малочисленности и недостаточной развитости не смогли завершить процесс консолидации в нацию.

Нация — высшая форма этнической общности, характеризуется большей степенью развития культуры. Обладает следующими признаками:

- 1) численность населения;
- 2) общность территории;

¹⁴ Зубов В.И. Введение в этнологию: Учеб. пособие по теории этногенеза Л.Н. Гумилева. М.: МГУ, 1993. С. 18.

- 3) общность языка — национальный язык, литературный, разговорный;
- 4) общность экономической жизни, хозяйственно-бытовые особенности, этнические черты образа жизни;
- 5) общие черты психологического склада, закрепленные в менталитете данного народа (национальный быт, нравы, привычки, склонности людей, особенности песен, танцев, живописи, фольклора);
- 6) национальное самосознание — сознательное отнесение себя к той или иной социальной общности, идентификация с ней;
- 7) самоназвание — собственное имя, *этноним*.

Существует мнение, что якобы не все народности могут стать нациями — нужен минимум населения. Признаки нечетко выражены, поскольку этнос находится в процессе постоянного развития и трансформации. Считается, что английская нация, например, сложилась в XVI в., русская — в XVII–XVIII вв., немецкая — к XIX в.

Выражения «нация», «национальность», «народность» используются как синонимы слов «этнос», «народ».

Этносов-народов насчитывается на Земле до 4 тысяч. Абсолютное большинство их малочисленны — менее тысячи человек каждый. В то же время, по подсчетам ученых-этнографов, 10 народов, каждый из которых насчитывает более 100 миллионов человек, составляют около 50% всего населения Земли. В порядке убывания:

- ♦ *китайцы-хань* (население Китая состоит более чем из 50 народов, хань составляют 94% населения, остальные — уйгуры, тибетцы, мяо и т. д.);
- ♦ *хиндустанцы* (на языке хинди это название Индии, всего там насчитывается около 1500 народов);
- ♦ *американцы США*;
- ♦ *бенгальцы* (основное население Бангладеш и индийского штата Западная Бенгалия);
- ♦ *русские*;
- ♦ *бразильцы*;
- ♦ *японцы* (самоназвание — нихондзин);

- ◆ пенджабцы, или панджабцы (в основном — жители индийского штата Пенджаб);
- ◆ бихарцы (Индия — штат Бихар, Бангладеш, Непал);
- ◆ мексиканцы.

В ходе поступательного развития человечества процессы этнического разъединения сменялись процессами этнического объединения. (Сейчас, впрочем, идет обратный процесс — разъединение.) Наиболее интенсивно процессы объединения развивались с появлением государств. Специалисты выделяют два вида этнического объединения: консолидацию и ассимиляцию.

Консолидация — процесс объединения родственных этносов и образование более крупных. Так, из родственных славянских племен сформировались русская, украинская и белорусская нации. **Ассимиляция** — поглощение более крупным и развитым этносом менее крупного. Ассимиляция бывает насильственной и ненасильственной. Пример — Россия до революции: царизм насильственно русифицировал другие народности, что проявлялось в насаждении русского языка, православия, русской письменности. В советское время, напротив, якобы происходил объективный ненасильственный процесс: знание русского языка обеспечивало малочисленным народностям приобщение к сокровищам мировой культуры. Было даже объявлено о появлении новой единой общности «советский народ».

В результате сложных объединительно-разъединительных процессов образовались разные типы этносов по величине: суперэтносы (метаэтносы), этносы, субэтносы. Например: суперэтнос — славяне, этнос — русские, субэтносы — казаки, поморы, вятичи, ярославцы и т.д. Казалось бы, очень четкое деление, но, скажем, русские, украинцы, белорусы значительно ближе между собой, чем те же славяне — поляки, словаки, болгары¹⁵.

Единство территории необязательно для этноса, ведь в этнос входят и диаспоры (от гр. diaspora — рассеяние) — часть

¹⁵ Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 98.

этноса, живущая в других странах, вне страны своего происхождения. Следовательно, надо рассматривать территориальную целостность как условие возникновения этноса, важнейшее условие его формирования и фактор существования. Сформировавшийся же этнос не всегда сохраняет территорию и на протяжении своей истории может ее менять: калмыки (самоназвание — хальмг) всего 4 века назад жили в Центральной Азии; венгры (самоназвание — мадьяр) за последние 1500 лет сменили 4, а возможно и 5 территорий поселения (одно из них — на Урале, что обнаруживается в сходстве языка с башкирским, ханты и манси).

По территориальному (или географическому) признаку группируются народы, живущие на сопредельных территориях и имеющие сходные отдельные этнические характеристики. Такие территории называются *историко-этническими областями*. К ним относятся, например, Западная Европа, Северная Европа, Восточная Европа, Северная Африка, Полинезия и т.д.

Язык — важнейший отличительный признак этноса. Это как будто бы не нуждается в особых доказательствах, однако англичане, австралийцы, жители США, Канады, Ямайки, новозеландцы и ирландцы говорят на одном языке — и все это разные этносы. Другие примеры: часть швейцарцев говорят на немецком языке, другая — на французском, третья — на итальянском, а четвертая — вообще на рето-романском, на котором говорили древние ретийцы — племя, родственное вымершим этрускам; мордовский народ сейчас говорит на трех языках: мокша, эрзя (лесной и луговой), а также на русском, который стал для трети населения родным. Словом, общность языка не является признаком этноса.

По языку проводится классификация народов, называемая лингвистической. Учитывается генеалогия языка (его происхождение, общность праязыка), устанавливаемая при сравнении словарного состава и грамматического строя. Например, латынь Древнего Рима послужила основой для группы романских языков (от *лат. Romanus* — «римский»): испанского, румынского, французского, итальянского, португальского, молдавского. Связано это с тем, что именно на

Эти земли распространялась власть Римской империи. Эту группу языков также называют латинской — от названия италийского племени *латины*, заселявших Лаций (современный Лацио — область в центральной Италии).

Русский, белорусский и украинские языки имеют много однокоренных слов, что позволяет народам свободно понимать друг друга. Следовательно, выделение этносов в самостоятельные произошло сравнительно недавно. Есть сходство между русским, польским, чешским языками, однако оно значительно меньше, следовательно, и родство является более отдаленным.

По степени родства языки объединяют в семьи, группы, ветви. В названии семей отражается название предполагаемого района возникновения древнейшей основы языка. Всего в мире насчитывается свыше 2000 языков. Почти половина человечества говорит на языках индоевропейской семьи. На втором стоит месте китайско-тибетская семья — более 1 миллиарда человек.

Индоевропейская семья:

- ◆ западнославянская ветвь (или подгруппа) — поляки, чехи, словаки;
- ◆ восточнославянская ветвь — русские, украинцы, белорусы;
- ◆ южнославянская ветвь — болгары, сербы, хорваты.
- ◆ балтийская группа
- ◆ германская группа
- ◆ романская группа

Всего 11 групп.

Китайско-тибетская семья:

- ◆ афразийская (семито-хорватская)
- ◆ северокавказская семья

Всего 36 групп.

Между этносами существует ряд различий в орудиях труда, жилищах, пище, одежде и т.д.

Хозяйственно-бытовые особенности, этнические черты образа жизни.

Пища. Знакомство с каким-либо народом этнографы рекомендуют начинать с типичных для него трапез — как в

будни, так и в праздники, поскольку национальные особенности обязательно проявляются в кухне. У земледельческих народов (например, славян) основу пищевого рациона составляют продукты земледелия; у скотоводов и охотников (например, народов Севера) — мясо; у занимающихся рыболовством (нанайцы, нивхи) — рыба; они ихтиофаги. В восточном Китае и Японии рыба также является одним из важнейших продуктов питания; однако в Японии много блюд готовят из сырой рыбы, а китайцы даже хорошо просоленную рыбу не станут есть сырой. Напротив, монголы и тибетцы в Азии, зулусы в Африке не едят рыбу.

Коренные народы Сибири, леса которой богаты грибами, используют разве что мухоморы, и то в качестве наркотиков. Индийцы не употребляют в пищу говядину, а мусульмане — свинину. Для населения всей Средней Азии плов является национальным видом пищи, а для населения Кавказа — шашлык. Хлеб армяне и азербайджанцы выпекают в виде лаваша, а в Средней Азии — в виде лепешек.

Быт. Болгары, например, совершенно иначе, чем большинство других народов, кивают при произнесении «да» и «нет». Американцы по-иному кладут ногу на ногу (щиколоткой); англичане не умываются под текущей струей воды (как, скажем, русские).

По особенностям быта донские казаки ближе к украинцам, но говорят на русском языке и считают себя русскими.

Похожесть людей одного этноса также не всегда обязательна. Например, большинство латиноамериканских народов состоят из представителей трех разных рас. При развитии этносов резкие расовые различия внутри него большей частью постепенно исчезают в результате *эндогамии* — заключения браков внутри своего этноса.

Менталитет этноса — это глубинный духовный склад, присущий этносу как большой группе людей, сформировавшейся в определенных природно-климатических и историко-культурных условиях. Менталитет этноса определяет свойственные его представителям способы видеть и воспринимать окружающий мир и на когнитивном, и на аффективном, и на прагматическом уровнях. Менталитет проявляет-

и в свойственных представителям этноса способах действовать в окружающем их мире.

Исследования показали, что у народов Севера, сформировавшихся и живущих в специфических природно-климатических условиях, образно названных Джеком Лондоном «белым безмолвием», отмечается специфическая традиция восприятия звука, своеобразный этнический звукоидеал, который влияет на особенности эмоциональных проявлений у представителей северных этносов и на поведенческом уровне.

Художники Комар и Меламид рисовали картины, отражающие, по их мнению, эстетические вкусы того или иного народа. Различия были весьма существенны, а некоторые результаты неожиданны. Так, Комар и Меламид, интерпретируя результаты опросов в виде картин, пришли к выводу, что эстетические вкусы русских весьма близки вкусам американцев и в то же время существенно отличаются от вкусов украинцев. Если это действительно так, то возникает много любопытных исследовательских вопросов относительно того, каким образом у двух близкородственных народов могли сформироваться большие различия в эстетическом восприятии мира, отражающем довольно глубинные пласты национального менталитета, в то время как по ряду других характеристик они достаточно близки друг к другу.

И еще один, в отличие от предыдущего, бесспорный факт. Финны стали употреблять в пищу грибы лишь во второй половине XIX в. Исследователи объясняют это следующим образом. В течение нескольких столетий финны, живя в суровых климатических условиях, считали, что человек добывает все необходимое для жизни тяжелым трудом в борьбе с природой. Грибы же, творение природы, можно было собирать легко и просто, а раз так, то финский менталитет не рассматривал их как нечто пригодное для жизни человека.

Очень интересные соображения о влиянии природно-климатических условий на национальный характер русских находим у В.О. Ключевского. Он писал: «... своенравна... природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчетами великоросса; своенравие климата и почвы

обманывает самые скромные его ожидания и, привыкнув к этим обманам, расчетливый великоросс любит подчас, очертя голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось...

...природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и ... короткое великорусское лето умеет еще укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впопыху убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великобритании...

Невозможность рассчитать, заранее сообразить план действий и прямо идти к намеченной цели заметно отразились на складе ума великоросса, на манере его мышления. Житейские неровности и случайности приучили его больше обсуждать пройденный путь, чем соображать дальнейший, больше оглядываться назад, чем заглядывать вперед. В борьбе с неожиданными метелями и оттепелями, с непредвиденными августовскими морозами и январской слякотью он стал больше осмотрителен, чем предусмотрителен, выучился больше замечать следствия, чем ставить цели, воспитал в себе умение подводить итоги насчет искусства составлять сметы. Это умение и есть то, что мы называем задним умом¹⁶.

Необходимо иметь в виду, что выводы В.О. Ключевского не проверялись строго научными методами (да и не могли

---

¹⁶ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 43.

быть проверены). Поэтому они интересны как размышления крупного историка, иллюстрирующие, но не доказывающие влияние природных условий на психический склад русского этноса.

Следующим условием бессознательного усвоения человеком менталитета этноса является то, что в нем присутствуют имплицитные концепции личности и ее воспитания (имплицитные — т. е. подразумеваемые, но не сформулированные).

Естественным следствием наличия имплицитной концепции личности является наличие в менталитете этноса концепции воспитания. Именно она во многом определяет то, чего взрослые добиваются от детей, подростков, юношей, и каким образом они это делают; ее можно рассматривать как центральную ценностную ориентацию взрослых в сфере социального поведения по отношению к подрастающим поколениям.

Велико влияние менталитета этноса на семейную социализацию. Это можно проиллюстрировать на таких примерах. В Узбекистане родительская семья в значительно большей мере, чем в России и Прибалтике, служит образцом для молодежи — особенно в том, что касается воспитания детей. Различия особенно велики в брачных установках. До 80% узбеков считают согласие родителей на брак обязательным, а развод при наличии детей — недопустимым. Тогда как около 80% эстонцев не считают согласие родителей обязательным, а 50% вполне допускают развод при наличии детей.

В центральной Азии, с ее благодатным климатом и исламской культурой, национальные традиции поощряют высокую рождаемость, осуждают женщин, не рожавших детей. Поэтому до сих пор счастье семьи — в первую очередь в ее многодетности, и не случайно уровень рождаемости в этом регионе в два с лишним раза выше, чем в России, и в три с лишним раза выше, чем в Прибалтике.

В то же время у грузинских горцев, столетиями живущих в суровых природных условиях, в постоянной борьбе за выживание и пропитание, обычаи и общественное мнение, от-

ражающие национальные традиции, наоборот, порицают плодovitость женщин.

В процессе половой социализации влияние на менталитет этноса идет благодаря характерным для него эталонам «мужественности» и «женственности». Они подразумевают определенный набор черт характера, особенностей поведения, эмоциональных реакций, установок и т. д. Эти эталоны относительны, т. е. их содержание не совпадает в культурах разных этносов.

Влияние менталитета этноса очень выпукло проявляется в сфере межличностных отношений. Так, пунктуальность, высоко ценимая в Германии или Голландии, сравнительно мало значима в Испании и еще меньше в Латинской Америке. Другой пример: североамериканцы запросто зовут друг друга по имени, что вовсе не означает наличия дружбы между ними, которая обуславливает подобное обращение в Европе.

Этнические нормы в большой мере определяют стиль общения младших со старшими, величину возрастной дистанции, специфику восприятия ими друг друга вообще и как партнеров по общению, в частности. В Японии, например, при общении людей разного возраста старший практически сразу присваивает себе форму общения в виде монолога, а младший это принимает как само собой разумеющееся, просто внимая говорящему.

В европейских культурах подростки и юноши в достаточно большой мере эмансипируются от взрослых, могут по-разному проявлять свое отношение к ним, вплоть до грубости и неуважения, а в Азии и на Кавказе дело до сих пор обстоит во многом иначе. Здесь по-прежнему сильны традиции уважения и почтительности к старшим, даже и не очень близко знакомым, а к последним — тем более явно проявляется традиционное уважение значительно чаще, чем в Европе и Америке. Именно в детстве и в юности начинается осознание человеком совокупности своих этнических связей и складывается его отношение к этим связям.

Этническое самосознание — один из наиболее надежных показателей этноса, поскольку оно заключается, в первую

очередь, в национальной идентификация, т. е. в осознании своей принадлежности к определенной этнической группе. Во-вторых, в формировании (преимущественно неосознанном) представления о типичных чертах своей этнической общности, о свойствах ее как целого. Затем постепенно, с возрастом, появляется осознание общности исторического прошлого своего народа (в одних этносах более обостренное, в других почти размытое). И наконец, появляется представление о родной земле.

Осознание особенностей своей этнической группы не содержит в себе предубеждения против других этносов, но лишь до тех пор, пока идет констатация тех или иных свойств своей группы. Однако констатацией дело никогда не ограничивается, ибо она идет в сравнении с кем-то и требует оценки своего и других этносов. Естественно, что сравнение и следующая из него оценка, как правило, не бывают объективными. Уже в детстве происходит искажение образа своего этноса (в позитивную сторону) и других этносов (чаще в негативном смысле). Вследствие этого уже в раннем возрасте нередко возникает явление, которое психологи называют этноцентризмом. *Этноцентризм* — склонность воспринимать все жизненные явления с позиций своей этнической группы, рассматриваемой как эталон. В крайней форме этноцентризм проявляется в убежденности в превосходстве своей группы, в неприятии других этнических групп, с допущением по отношению к ним агрессивного поведения.

Осознание сходства чего-либо с чем-либо или кого-либо с кем-либо требует наличия у человека способности к обобщению, владения понятиями, охватывающими сходные признаки ряда объектов, т. е. достаточно развитого интеллекта. А осознание различия возможно всего лишь на эмоциональном уровне, поэтому осознать различия представителей двух этносов можно на уровне «они мне противны», а обнаружение сходства — дело значительно более трудное.

Межэтнические установки могут быть весьма устойчивыми, превращаясь в стереотипы, тем не менее они способны меняться в процессе исторического развития.

Например, в начале XVIII в. считалось, что англичане склонны к революциям и вообще к переменам в своей жизни, а французы, наоборот, весьма консервативны. Основанием того, очевидно, послужила английская революция, активная заморская торговля британцев, смена королевских династий в Англии на рубеже XVII и XVIII вв. Прошло столетие, и Великая французская революция, а также последовавшие за ней события изменили названные стереотипы на противоположные. Другой пример: в начале XIX в. немцев считали непрактичным народом, склонным к философии, музыке, поэзии, но мало способным к технике и предпринимательству. Но промышленный переворот в Германии сделал этот стереотип безнадежным анахронизмом.

О нации как о реально существующей и нормально функционирующей общности можно говорить тогда, когда объективные признаки дополняются четко выраженным национальным самосознанием. В противном случае можно говорить только об этнической общности людей, а не об их национальной принадлежности.

Самоназвание — собственное имя, *этноним*, внешний признак этноса. Именно самоназвание, поскольку имена, даваемые этносу другими народами, нередко существенно отличаются не только от этнонима-самоназвания, но и друг от друга. Например, этнос, называющий себя «дойч», по-русски именуется «немцы», по-французски — «алеман», по-английски — «джемен», по-итальянски — «тедеско», по-фински — «саксалайнен», по-сербски — «шваб» и т.д.

Даже если диаспоры, к примеру, русских, армян, поляков проживают в разных странах, любая из них осознает определенную общность со всеми группами, носящими то же самое название. И мы, русские, всегда знаем, что тем-то и тем-то отличаемся от немцев, японцев, от любого другого народа.

Каждый человек на вопрос «Кто ты?» ответит, не задумываясь: «русский», «француз», «перс», «нганасан». Однако и здесь бывают исключения, когда человек, родители которого разной национальности, относит себя то к одному, то к другому этносу. Действительно, как определить этническую принадлежность человека, отец которого — кумык из

Дагестана, мать — из обрусевшей украинской семьи, а сам он родился и всю жизнь живет в Норильске? Вот что говорил по этому поводу Владимир Иванович Даль, русский писатель, этнограф, создатель «Толкового словаря живого восточнорусского языка»: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека — вот где надо искать принадлежность его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно проявлением духа — мыслью. Кто на каком языке думает, тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски». (Мать Даля была немка, отец — датчанин, принявший российское подданство.) Следует, однако, заметить, что и эта формула не является абсолютной, и здесь могут быть исключения. Национальное самосознание нередко принимает уродливые формы национального превосходства и национальной исключительности — национализма, шовинизма. *Шовинизм* (от имени Н. Шовена, солдата, поклонника завоевательной политики Наполеона I) — крайняя агрессивная форма национализма.

Наконец, надо все же осознавать, что этническое самосознание — явление вторичное, производное от объективных факторов. Этносы возникают не по воле людей, а в результате объективных исторических процессов.

2. Прогнозы специалистов: тенденция к самоопределению этносов

В канун XX столетия существовало 60 государств. Сейчас их более 200. XX в. стал веком крушения великих империй: после Первой мировой войны исчезли Османская и Австро-Венгерская, после Второй — развалились колониальные империи Великобритании и Франции, последними распались ЧССР, СФРЮ, Советский Союз. Многие специалисты считают, что ныне существующие государственные границы все более будут терять свое значение, если они не соответствуют языковому и территориальному тождеству проживающих там народов. Ведь существует «право наций

на самоопределение, вплоть до отделения», закрепленное в Уставе ООН. Пройдет 25–30 лет, и число государств мира может увеличиться процентов на 50. Более 300 независимых стран появятся на глобусе. На самом верху будет находиться ООН, более могущественная, чем теперь, или подобное ей образование, ответственное за мир на планете, за защиту окружающей среды и другие глобальные проблемы. Второй ярус составят региональные группировки, подобные Европейскому союзу. Сфера их деятельности — вопросы торговли, миграции, заключение договоров о коллективной безопасности. Не исключено и существование общего парламента. Именно в этом направлении, считают ученые-специалисты, мы эволюционируем. Этнические общины все больше ищут альтернативу традиционному государству, стремятся создать национальные образования, которые более приемлемы, понятны и учитывают их исторический опыт. Тенденция к самоопределению станет преобладающей.

Другие специалисты считают, что реализация самоопределения вплоть до отделения может ввергнуть современное человечество в нескончаемый хаос войн, поскольку более половины государств имеют национальные меньшинства численностью более 1 миллиона человек. Поэтому на современном этапе спасительный компромисс должен заключаться в том, что каждый этнос имеет право самоопределиваться в максимально широких рамках автономии, но при сохранении территориальной целостности того государственного образования, в которое этот этнос входит. Примером приводят нашу Чечню или югославское Косово. И те и другие специалисты называют целый ряд возможных изменений в «горячих» точках на политической карте мира.

Европа. Официально могут выйти из Испании Каталония и Страна Басков. Из Великобритании — Шотландия и Уэльс, уже отвоевавшие право иметь собственные парламенты. Бретань может отколоться от Франции, где активно действуют корсиканские сепаратисты. Бельгия может распасться на Фландрию и Валлонию. В Италии могут выделиться Ломбардия и Сицилия. Саами (лоцари) могут создать свою страну в северных районах Норвегии, Швеции, Финляндии, России

(а также Канады). В перспективе может появиться Конфедерация арктического Полярного круга.

Азия. Индия может потерять Пенджаб и часть Кашмира, а Афганистан — распаться на три этнических государственных образования. Филиппины могут лишиться Минданао, где большинство населения составляют мусульмане. Из Китая, сломив сопротивление китайцев-ханьцев, способны выделиться Тибет и район Хингана, а Внутренняя Монголия может стать частью независимой Монголии.

Африка. Возможно разделение Судана на две части, ЮАР — на три.

Америка. Бразилия может распаться на автономные районы. В Канаде рвется на свободу франкоязычный Квебек. Мексике грозит раскол на 4 части.

Австралия тоже может распаться на 4 государства, одно из которых, возможно, создадут аборигены на севере материка.

Россия. Новые государства могут возникнуть на Дальнем Востоке, на Урале, в Сибири. Также способны получить независимость Татарстан, Дагестан, Тува, Бурятия. Значительная часть Казахстана может присоединиться к России¹⁷.

3. Гипотеза Л.Н. Гумилева о жизни этносов — этногенезе

Русский ученый — географ, историк, философ — Лев Николаевич Гумилев, сын поэтов Николая Степановича Гумилева и Анны Андреевны Ахматовой, в своих трудах разработал биологическую теорию образования и жизни этносов¹⁸. Процесс от возникновения до распада этноса называется *этногенезом* и продолжается 1200–1500 лет: этнос рождается, мужает, стареет и умирает. Этногенез — явление биосферное, толчком в нем выступает мутация — по-

¹⁷ Бовин А. Жизненно необходимый компромисс // Известия. 1998. 3 апр. С. 2.

¹⁸ Зубов В.И. Введение в этнологию: Учеб. пособие по теории этногенеза Л.Н. Гумилева. М.: МГУ, 1993. С. 32.

явление наследственного признака пассионарности. *Пассионарность* человека — это его органическая способность к сверхнапряжению, к жертвенной деятельности ради высокой цели, хотя эта цель может быть и иллюзорной. Изменяются поведение человека, мотивация его поступков на новый, непривычный, но жизнеспособный стереотип. В результате передачи этих свойств по наследству количество пассионариев в последующих поколениях резко увеличивается. Вследствие этой мутации и возникает новый этнос, спаянный энергией, подчиняющей территориально близкие народы.

А сам *пассионарный толчок* — явно не земного происхождения. Энергетические удары по Земле идут не от Солнца, а из рассеянной Галаксии — все датированные пассионарные толчки лежат на низких точках солнечной активности. В этот период защитные свойства ионосферы снижаются и отдельные кванты или пучки энергии могут пролетать невысоко над земной поверхностью, производя при этом жесткое излучение на своем пути, оно-то и вызывает мутации. Полосы пассионарных толчков шириной около 300 км, проходящие как в широтном, так и в меридиональном направлениях, возникают достаточно редко — два или три раза за тысячу лет и почти никогда не проходят по одному и тому же месту. В результате такого толчка может появиться несколько очагов повышенной пассионарности (и как следствие — несколько этносов).

Возникший этнос проходит фазы подъема активности, перегрева и медленного спада, после чего рассынается, либо сохраняется как реликт — состояние, в котором саморазвитие уже не ощутимо. При таком подходе сама идея «отсталости» или «дикости» отдельных этносов не применима — нельзя применять шкалу линейного времени в этнической истории, которая представляет собой не спираль развития, а колебательные движения струны. Так, цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы. Они гордятся накопленной культурой, как все этносы в старости. А ведь всего тысячу лет назад франки и норманны только учились у византийцев и арабов богословию и мытью в бане. Какими

они станут еще через тысячу лет, можно предположить путем сравнения их с древними эллинами и римлянами, уже исчезнувшими, но оставившими следы своей великой культуры.

В фазе надлома появляются *субпассионарии* — люди без чести, совести, корыстолюбцы и себялюбцы, палачи и доносчики, всегда готовые к услугам предводителей. Цивилизация (как инерционная фаза развития) благоприятна для накопления материальной культуры. Самобытность уступает место посредственности. Для людей, не желающих отказываться от своей оригинальности, существуют искусство и науки. Появляется полное довольство эмоционально пассивного и трудолюбивого населения. Происходит рост техносферы, усиливается ее воздействие на ландшафты. Наступает упадок, но облик его обманчив: на него надета маска благополучия и процветания, которые современникам кажутся вечными, потому что они тешат себя иллюзией неисчерпаемости природных богатств. Но это — всего лишь утешительный самообман.

Толчок (микромутация) в России совпадает с эпохой так называемого татаро-монгольского нашествия в XIII в. В результате этого толчка, прошедшего почти в меридиональном направлении от Европы до Африки, появляются пассионарии, в XIV в. их дети и внуки составляли уже весомую часть общества. Это была заправка нового этноса — великороссов. Более конкретной датой является 1380 г. (Толчок, кроме того, вызвал появление других этносов: литовцев, турков-османов и эфиопов.)

А что касается тысячелетия крещения Руси, то крестились не великороссы, не русские, а русичи. Это разные этносы. Русичи, как и вообще славяне, появились на исторической сцене в результате пассионарного толчка I–II вв. н.э.

Контрольные вопросы и задания

1. Каковы основные определения этноса?
2. Каковы свойства и признаки этноса? Какие из них вы считаете существенными, обязательными?
3. В чем смысл научной классификации этносов?

4. Что обозначает классификация этносов по географическому принципу?
5. В чем этнографический смысл языковой классификации?
6. Что представляют собой хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области?
7. Исследуйте влияние природных условий на особенности русского менталитета.
8. Прогнозы специалистов о возможностях самоопределения этносов на различных континентах.
9. Проанализируйте теорию этногенеза Л.Н. Гумилева.
10. Дайте лексическое определение пассионарности, пассионариям и субпассионариям.

Литература

1. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Человечество — это народы. М.: Мысль, 1990.
2. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1973
3. Гумилев П.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.
4. Зубов В.И. Введение в этнологию. Учеб. пособие по теории этногенеза Л.Н. Гумилева. М.: МГУ, 1993.
5. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.

СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

ПЛАН

1. Первые русские этнографические описания.
2. Программы этнографических исследований XVIII–XIX вв. в России.
3. Этнографические исследования русских за рубежом в XIX в.

1. Первые русские этнографические описания

Первое конкретное этнографическое описание древней Руси содержится в памятнике ранней русской письменности «Повесть временных лет» (начало XII в.), представляющей собой яркий этнографический очерк населения Восточно-европейской равнины, с точным перечислением племен, их географической локализацией, языковой классификацией и краткой характеристикой обычаев и культуры.

Еще более знаменито «Хождении за три моря» тверича Афанасия Никитина (XV в.), где за 30 лет до открытия Индии Васко-да-Гамой дан точный, правдивый и обстоятельный очерк быта тогдашней Индии¹⁹.

Хорошие этнографические описания появились в России в XVII веке по странам Азии. Самое выдающееся из них — замечательное описание Китая, которое составил Николай Спафарий, русский посол (молдаванский грек по происхождению), бывший в этой стране в 1675 г. (?) Его «Описание первая части вселенная именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городами и провинциями» поражает обстоятельностью и полнотой приводи-

---

¹⁹ Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. М., 1999. С. 82.

мых автором сведений о разных сторонах быта китайцев и до сих пор остается незаменимым источником по этнографии Китая²⁰.

«Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого (1715) является одной из самых *первых* в мировой литературе чисто этнографических монографий. Автор ее освещает, хотя и сравнительно сжато, не только верования и разные обычаи остяков (хантов), но и их материальную культуру, семейный быт, организацию власти и пр., а также ставит вопрос о происхождении данного народа.

Наиболее выдающееся произведение русской и мировой этнографической литературы XVIII в. — «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова (1755)²¹. Этот труд талантливого русского исследователя и сейчас поражает глубиной и серьезностью, полнотой и реалистичностью описания. Переводы его на английский, немецкий, французский и голландский языки оказали влияние на последующее развитие этнографической науки на Западе.

2. Программы этнографических обследований XVIII—XIX вв. в России

В XVIII в России появились первые программы этнографических обследований. Самая ранняя из таких программ (видимо, первая в истории мировой науки) была составлена выдающимся русским ученым, историком В.Н. Татищевым в 1734 г.²² Это был вопросник по истории и географии Сибири. Большая часть этих вопросов носила чисто этнографический характер. Дополненная анкета Татищева (1737) состояла из 198 вопросов. Поступившие по анкете материалы были переданы в Академию наук. Характер вопросов той программы дает понятие об относительно высоком уровне, на каком стояло в Академии понимание задач этнографиче-

²⁰ Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1978. С. 39.

²¹ Там же. С. 52.

²² Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи... С. 93.

ского изучения в стране. Авторы инструкции предлагали участникам экспедиции «наипаче наблюдать... где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собою смешаны, или нет». Предлагалось собирать этнографические предания народа: «Какие суть начала каждого народа по их же повествованию, какие суть каждого народа древние жилища, поселения, дела и проч.». Далее следовали вопросы о религии, обычаях, языке: «какая есть в каждом народе вера и имеют ли они какую-нибудь естественную»; «должно примечать обычаи и обряды народные, домашние и брачные и пр.»; требовалось собрать образцы языка, причем при записи местных названий рекомендовалось применять точную фонетическую транскрипцию: «Имена каждого народа, страны, реки, города и проч. точно по настоящему того народа и соседних народов произношению записывать должно, прибавляя к ним, если только доискаться можно, и происхождение имен».

Научные взгляды Татищева на задачи исторического и этнографического изучения России и ее населения изложены в настоящем издании в специальной статье. Татищев поставил вопрос об изучении истории каждого народа, хотя и бесписьменного; об изучении «происшествия» (т.е. происхождения) народов; обратил внимание на важность изучения языка как классифицирующего признака для народов, как источника исследования исторических связей между народами.

В эпоху больших академических экспедиций XVIII в. этнографические исследования в России проводились систематически и притом на довольно высоком методологическом уровне.

Если говорить о плановом и систематическом проведении этнографических обследований, то нужно обратиться к другой, более поздней эпохе — к середине XIX в., когда организацию этих работ взяло в свои руки созданное Русское географическое общество (1845). Деятельность отделения этнографии этого Общества составила крупный вклад в мировую этнографическую науку.

С первых же лет отделение развило энергичную деятельность по собиранию этнографического материала. В 1847 г. была составлена и разослана в 7000 экземпляров на места особая программа («циркуляр»), включавшая вопросы о физическом типе населения, языке, материальной и духовной культуре, преданиях и памятниках старины. Автором программы был Н.И. Надеждин, принимавший видное участие в руководстве работой Отделения этнографии.

В 1848 г. была составлена и разослана новая, расширенная программа собирания разного этнографического материала. Руководители общества обратились с призывом ко всем русским образованным людям собирать по данной программе и присылать этнографические описания отдельных местностей, районов, сел. Призыв не остался без ответа. Отовсюду стали поступать десятки и сотни описаний быта, обычаев, верований населения отдельных уездов, волостей, деревень. Через 5 лет после рассылки программы число таких описаний составило около 2000. Разборкой и редактированием их занялись Н.И. Надеждин и К.Д. Кавелин, и скоро оказалось возможным приступить к систематическому печатанию лучших из собранных материалов. Так родилась на свет серия «Этнографических сборников» (1853–1864), сменных затем фундаментальным и многолетним изданием «Записки Русского географического общества по отделению этнографии».

Географическое общество организовывало и ряд специальных экспедиций. Одной из самых крупных была «Этнографическо-статистическая экспедиция в Западно-русский край» (конец 1860-х) под руководством П.П. Чубинского.

Самый метод планового, систематического собирания этнографического материала в широком масштабе, чуть ли не по всей огромной стране, под руководством ученого общества во главе с теоретически подготовленными специалистами с привлечением значительного круга добровольцев-участников из местной интеллигенции представлял собою, бесспорно, нечто новое в этнографической науке того времени.

3. Этнографические исследования русских за рубежом в XIX в.

Велики заслуги русских ученых и в области изучения многих зарубежных народов. Особенно много сделано ими по исследованию этнографии стран Центральной и Восточной Азии. В изучение великой цивилизации Китая, быта его народов русскими исследователями вложено немало сил. Продуктивна деятельность ученых-монахов, членов Российской духовной миссии в Пекине. Из них на первом месте стоит Иакинф Бичурин, один из крупнейших синологов мира. Своими неутомимыми и многолетними трудами над китайскими историко-этнографическими источниками, переводами их и непосредственными систематическими исследованиями Иакинф один создал целую библиотеку описаний стран Восточной и Центральной Азии: «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (3 т., 1851), «История Тибета и Хухэнора» (2 т., 1833), «Историческое обозрение ойратов или калмыков» (1833), «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана» (1829), «Записки о Монголии» (1828) и др. Наиболее интересно для любого этнографа сочинение «Китай в гражданском и нравственном состоянии» (4 т., 1848). Бичуринские переводы китайских источников доныне остаются незаменимым, ценнейшим пособием для историков и этнографов Китая и Центральной Азии²³.

Другой ученый монах, член той же миссии Палладий Кафаров открыл и перевел памятник «Сокровенное сказание» («Юань-чао-ми-ши») о Чингис-хане (1866), ценный источник сведений о быте монголов XII–XIII вв.

Этнография стран Центральной Азии — Монголии и Тибета открыта для ученого мира главным образом трудами великих русских путешественников Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, А.М. Позднеева, М.В. Певцова, П.К. Козлова, Г.Е. Грум-Гржимайло и др. Эти путешественники ставили

²³ Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи... М., 1999. С. 87.

перед собой различные цели: одни стремились к географическим открытиям, другие интересовались древними памятниками, рукописями и пр. Но все они внесли большую или меньшую лепту в этнографическое изучение народов Центральной Азии.

Русские ученые немало способствовали и этнографическому изучению народов заокеанских стран. Чрезвычайно интересны этнографические материалы в работах участников русских кругосветных плаваний начала XIX в., в частности о народах Океании: И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского (1803–1806) о Гавайских и Маркизских островах и острове Пасхи; В.М. Головнина (1807–1809) об острове Тана и др.; О.Е. Коцебу (1815–1817 и 1823–1826) об островах Таити, Маршалловых и Гавайских; Ф.П. Литке (1827–1828) о Каролинских островах и пр.

Еще более значительны материалы русских исследователей по народам северо-западной Америки, входившей до 1867 г. в состав российских владений. Наиболее энергичная исследовательская деятельность в русской Америке падает на 1830–1840-е гг. На эти годы приходятся путешествия и работы А.Ф. Кашеварова, К.Т. Хлебникова, Ф.П. Врангеля, результаты которых до сих пор выявлены и оценены лишь в небольшой степени; ценны исследования И.Е. Вениаминова — одного из самых выдающихся этнографов XIX в.; экспедиции Л.А. Загоскина, И.Г. Вознесенского и др. Своим открытием северо-западная Америка обязана русским экспедициям XVIII в., и этнографическое изучение ее народов — глинокитов, алеутов, кадьякцев, западных эскимосов — составляет в значительной степени заслугу русских ученых. Это признают современные американские исследователи. Особенно выделяются в этом наследстве работы И.Е. Вениаминова. Его «Записки об островах Уналашкинского отдела» (1–3, 1840) представляют собой редкую по полноте и обстоятельности монографию.

Крупным вкладом в этнографию являются «Очерки первобытной экономической культуры» (1883) Николая Ивановича Зибера. Зибер собрал и критически обработал в своей книге очень большой фактический материал, относящийся

к различным отсталым народам земного шара. Он проработал по своей теме обширную литературу этнографических описаний, монографий, путешествий по всем частям света.

Из других заокеанских исследований русских ученых особенно ценны и имеют большое принципиальное значение, с точки зрения научного метода, исследования Н.Н. Миклухо-Маклая²⁴. Деятельность этого замечательного ученого-гуманиста, отважного путешественника и талантливого исследователя составляет предмет гордости и русской, и мировой науки. Своими многолетними исследованиями в Океании и Индонезии Миклухо-Маклай внес совершенно новую струю в историю этнографии, он был пионером совершенно нового метода полевой этнографической работы. Маклай стал первым ученым, который с чисто научными целями предпринял трудный и опасный опыт стационарной этнографической работы нового типа и добился блестящего успеха этого опыта.

Метод стационарных исследований, с длительным пребыванием среди изучаемой народности, с обязательным изучением ее языка, при сочетании научной работы с практической помощью населению, после Миклухо-Маклая детально разработан и успешно применяется русскими этнографами.

Контрольные вопросы и задания

1. Какие проблемы этнографии рассматриваются в русских письменных источниках XII–XVI вв.?
2. Какие виды источников и литературных произведений XVII в. содержат сведения о коренных сибирских народах?
3. Каков вклад Русского географического общества в изучение народов Сибири и прилегающих территорий Центральной Азии?
4. Что нового внес в теорию и методiku этнографии Д.Н. Анучин?
5. Каков вклад русских в развитие мировой этнографической науки?

²⁴ Токарев С.А. Указ. соч. М., 1999. С. 146.

Литература

1. *Богораз-Тан В.Г.* Материальная культура чукчей. М., 1991.
2. *Гаген-Торн Н.И.* Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.
3. *Итс Р.Ф.* Введение в этнографию. — Л., 1991.
4. *Карлов В.В.* Этнокультурные процессы новейшего времени. М., 1995.
5. *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978.
6. *Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы, расы, культуры. М., 1985.

РОЛЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ПЛАН

1. Актуальность изучения материальной культуры в этнографии.
2. Пища как объект этнографического изучения.
3. Этнографическое изучение функций одежды.
4. Сравнительно-этнографическое изучение функций жилища человека.

1. Актуальность изучения материальной культуры в этнографии

Изучение материальной культуры вошло в круг интересов этнографической науки позже, чем изучение народного творчества, верований, обычного права, семейных и брачных обычаев; систематическое исследование ее началось лишь в самом конце XIX в. Отечественная этнография может похвалиться здесь большими успехами: зарубежные коллеги признают высокий научный уровень именно русских работ в этой области. Самое важное здесь то, что наши этнографы (В.В. Богданов, Б.А. Куфтин, Н.И. Лебедева, Е.Э. Бломквист, Г.С. Маслова и др.)²⁵ сумели найти правильный угол зрения на явления материальной культуры; этнографы вещи интересуют не сами по себе, а в их отношении к людям. Этнография — наука о людях, а не о вещах.

Хотя от этнографа-исследователя требуется умение описывать с максимальной точностью и полнотой явления ма-

²⁵ Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи... М., 1999. С. 267.

териальной культуры (жилище, одежда, украшения, утварь и пр.), дополняя описание графическими изображениями, планами, чертежами, зарисовками, фотографиями, и с такой же точностью и полнотой описывать технологические процессы изготовления тех или иных вещей и их употребление, тем не менее все эти описания всегда были и остаются лишь вспомогательными приемами, а не целью научного этнографического изучения. Иначе этнографическое исследование одежды превратилось бы в руководство по кройке и шитью, изучение пищи — в сборник кулинарных рецептов, изучение народного жилища — в раздел учебника архитектуры.

Для этнографа «предмет не существует (разве только физически) вне его значения для человека», как писал французский этнограф Марсель Маже. Изучая предмет, говорил он, надо принимать во внимание и всех тех людей, которые «имеют способность, право, обязанность, исключительную или нет, производить, распределять, продавать, употреблять этот объект». Материальная вещь не может интересовать этнографа вне ее социального бытования, вне ее отношения к человеку — тому, кто ее создал, и тому, кто ею пользуется²⁶.

Не столь важно знать отношение вещи к человеку или отношение человека к вещи, сколько отношения между людьми *по поводу* данной вещи. В работах, посвященных материальной культуре того или иного народа, можно выделить обычно повторяющиеся проблемы, теоретическую основу исследования. Чаще всего это:

- 1) зависимость предметов материальной культуры (пища, жилище, одежда и пр.) от природной среды и хозяйственных занятий;
- 2) зависимость их от этнических традиций; проявление этнических особенностей, сходств и различий в материальной культуре;
- 3) принадлежность определенных форм материальной культуры к той или иной историко-этнографической области,

---

²⁶ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 78.

независимо от различного происхождения народов-носителей этих форм культуры;

- 4) связь форм материальной культуры с различиями семейного состояния, пола, возраста их носителей; особенно касается это одежды и украшений, в меньшей степени пищи и жилища;
- 5) зависимость элементов материальной культуры от социальной структуры общества, от классовых различий;
- 6) связь форм материальной культуры с религиозными верованиями и обрядами: в частности, изучение обрядовой пищи, обрядовой одежды, реже — обрядового назначения построек или их частей;
- 7) связь с искусством: художественная сторона народной архитектуры и одежды — архитектурные украшения, вышивки и узорное тканье в одежде, стили орнамента и т.д.;
- 8) современные изменения в материальной культуре народа под влиянием проникновения товарных отношений, городского быта, стирание традиционных этнических особенностей²⁷.

В этот перечень основных проблем укладывается теоретическая (проблемная) сторона почти всех этнографических работ, посвященных материальной культуре разных этносов.

В актуальности этих вопросов, конечно, сомнения нет. Разумеется, всегда важно знать, в какой мере тип и форма того или иного комплекса одежды или отдельных ее частей, того или иного вида построек и т.д. обусловлены этнической традицией, влиянием соседних народов, воздействием природных условий, классовой принадлежностью носителей. В особенности важно выяснение взаимодействий всех этих факторов, зачастую направленных в противоположные стороны: например, изменение природной среды толкает к ус-

---

²⁷ Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи... С. 268.

вершенствованию или к смене такой-то формы традиционной одежды или такой-то формы построек, этническая традиция стремится, напротив, ее сохранить.

Материальный предмет интересует этнографа не сам по себе, а в его отношении к человеку или в отношении человека к этому предмету. Самое важное для этнографа другое: отношения между людьми в связи с данным предметом, т.е., говоря шире, социальные отношения, опосредованные материальными предметами.

2. Пища как объект этнографического изучения

Изучая пищу какого-то определенного народа, надо обратить внимание на то, что функции пищи в человеческом обществе весьма разнообразны. Пища и питье служат человеку не только для чисто физиологического насыщения, т.е. не только для удовлетворения элементарной биологической потребности питания. Пища играет также иную роль — формы, опосредующей социальное общение людей. Проявления этой роли пищи многочисленны и разнообразны. Совместные трапезы на всех ступенях исторического развития были и остаются одной из важнейших форм бытового общения между людьми. От коллективного поедания убитого зверя в эпоху палеолита, от традиционных обязательных правил раздела охотничьей добычи, от совместных охотничьих пиршеств вплоть до периодических братчин славянских народов, до торжественного семейного обеда в английских аристократических и буржуазных кругах и до дипломатических завтраков, обедов, приемов, где обсуждаются важные вопросы международной политики²⁸.

Можно назвать, вероятно, десятки, если не сотни, разных поводов в общественном быту людей, когда считается обязательным совместное принятие пищи либо совместная

²⁸ Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи... С. 268.

выпивка: прием гостей, званые обеды и вечера, товарищеские попойки, роины, крестины, свадьбы, похороны, юбилеи, чествования, календарные праздники, будь то церковные или гражданские и пр. В данных случаях элементарное биологическое назначение еды и питья — удовлетворение голода и жажды — отходит далеко на задний план, а то и совсем исчезает. Больше того, самый акт совместной еды и питья зачастую есть не только проявление дружбы или родства между людьми, но в ряде случаев он сам создает отношения дружбы или родства. В этнографической и исторической литературе очень часты описания обычаев побратимства через совместную еду: съесть кусок хлеба в доме врага — значит погасить вражду и восстановить мир; совместная еда жениха и невесты — существенная часть свадебного обряда.

Ритуальное значение совместной еды подчеркивается в определенных случаях употреблением особых обрядовых кушаний. На них этнографы всегда обращают должное внимание, но не всегда видят в них проявление того же общего закона: обрядовая еда есть лишь средство усилить символическое значение совместной еды как формы социального общения. Кстати, в круг общающихся личностей включается в этом случае и божество, дух-покровитель семьи, дух предка, и он принимает участие в ритуальной трапезе.

Отсюда тянется целая цепочка обрядов «богоядения», заканчивающаяся христианским таинством причащения — вкушения тела и крови Иисуса Христа. Из этого видно, что так называемые обрядовые кушанья являются таковыми не в силу своего материального состава, а в силу выполняемой ими социальной роли.

Но пища не только объединяет людей, она их и разъединяет. Наряду с функцией социального общения пища выполняет и обратную функцию — социального разобщения²⁹. У всех народов мира известны обычаи, запрещающие или

---

²⁹ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 145.

ограничивающие совместную еду кого-то с кем-то. Мужчины-охотники ели преимущественно мясную пищу, свою добычу, которая женщинам доставалась не всегда. Распространены запреты женщинам принимать пищу вместе с мужчинами, в частности жене вместе с мужем. Пережитки такого запрета сохранились до последнего времени у народов Кавказа, Балканского полуострова и в других странах: женщины в семье едят после мужчин и отдельно от них.

Социальное разобщение в еде охватывает и сословные, кастовые, классовые различия. Местами — как в Индии — запрет пищевого общения людей разных каст достигал крайне резко выраженных форм. «А вера с верою не пьет, не ест, не женится», — писал об этом Афанасий Никитин еще в XV в. Связь пищевой сегрегации с вероисповедной рознью в настоящее время замечается редко, однако русские старообрядцы и сейчас не едят из одной посуды с «мирскими». Даже в современных развитых странах Европы и Америки обеденный стол — место, где сохраняется классовая сегрегация: хозяева не сидят за одним столом с прислугой, владелец фабрики — с рабочими, люди бомонда — с простонародьем.

С этой точки зрения надо рассматривать и все запреты и ограничения в еде и питье: как постоянные (религиозный аскетизм, монашество), так и временные (посты). На первый взгляд кажется, что временный или пожизненный запрет употреблять в пищу то или иное кушанье выражает отношение человека к этому кушанью, т.е. отношение к материальному предмету, здесь не социальные отношения. Но это не так. Народ, соблюдающий известный пищевой запрет, *противопоставляет* себя тем народам, которые этого запрета не соблюдают. Если мусульмане не едят свинину, в этом проявляется противопоставление мусульман всем немусульманам. Наоборот, для русского крестьянина есть конское мясо означало быть «басурманом», «нехристом». Монахи, воздерживающиеся от употребления мяса, молока, вина и пр., отмежевывают себя тем самым (как и другими обетами) от мирян, не соблюдающих этих обетов. Те верующие, кото-

Они строго держат посты, противопоставляют себя вольнодумцам, которые не хотят поститься. Все пищевые запреты, посты, монашеские обеты и т.п. суть лишь символы и проявления каких-то человеческих взаимоотношений и взаимоотношений — национальных, вероисповедных, профессиональных, сословных³⁰.

Однако пищевые запреты и ограничения, в особенности, когда они касаются целого народа (или группы народов), могут рассматриваться и как выражение какой-то внутренней связи, скрепляющей данный народ как некий этнический признак. Но этот признак имеет и свой положительный эквивалент, прекрасно известный всем этнографам, — этнические особенности в пище, национальные кушанья: мы не едим такой-то пищи, но мы любим такие-то кушанья.

Национальные виды пищи — одна из привычных тем этнографических исследований. Нужно только не забывать, что для этнографа не так важен способ приготовления того или иного национального блюда, его материальный состав, как сама форма бытования этого блюда, его социальное функционирование. Приверженность к традиционной национальной пище — один из этнических признаков, это есть социальное явление в такой же мере, как запреты или ограничения в отношении других видов пищи. И то и другое служит связующим звеном для членов данной этнической группы, одновременно противопоставляя ее другим группам.

Таким образом, тема национальной пищи, национальных кушаний, т.е. этнических особенностей в еде, включена в изучение социального бытования пищи и всех ее социальных функций. В конечном счете — пища, соединяющая людей, и пища, их разъединяющая.

Социальная функция пищи — ее роль, сближающая и разделяющая людей, тенденция ее развития в настоящее время и в будущем — один из самых принципиальных вопросов для этнографов.

³⁰ Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи... С. 269.

3. Этнографическое изучение функций одежды

Функции одежды, как и функции пищи, различны. Первичная и основная ее функция — защита тела от холода и других неблагоприятных воздействий окружающей среды; в жарком же поясе на первое место выдвигается другая функция одежды, и тоже первичная — украшать тело. С очень давних времен появляются и другие, вторичные функции одежды: полоразделительная и социально-разделительная; последняя включает в себя, как частный случай, обрядовую культовую роль одежды³¹.

Далеко не ясна роль одежды, в особенности на самых ранних стадиях ее развития, во взаимоотношениях полов. По-видимому, с самого начала значение одежды было двойственное: с одной стороны, это своего рода средство охраны «полового табу» путем прикрытия органов размножения; с другой стороны, средство полового привлечения путем украшения, выделения, выставления этих частей тела. Видимо, это просто две нераздельные стороны одного и того же явления в сфере взаимоотношений полов: притяжение и отталкивание.

На длительной промежутке времени, связанном с общим социальным и культурным развитием человечества, полоразделительная функция одежды обнаруживает своеобразную тенденцию: она сначала нарастает, а потом начинает убывать. Начиная с периода «дикости» и вплоть до классового докапиталистического общественного строя, а частью и в эпоху капитализма, постепенно нарастает, во-первых, обилие одежды, она все полнее закрывает тело. Происходит это даже безотносительно к климату, поэтому нельзя сказать, что количественное разрастание одежды преследовало цель более полной защиты тела от холода. Главная цель тут, видимо, была другая: более строгая охрана «полового табу», более строгая сегрегация полов в костюме, что связано, не-

³¹ Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи... С. 270.

иненно, с переходом от группового к парному, а потом к дигамному и моногамному браку, с укреплением патриархального начала в семье и в обществе.

Местами стремление закрыть все тело одеждой привело к гипертрофированным и уродливым формам — например, к обязательному ношению мусульманскими женщинами паранджи, скрывающей все тело вместе с головой и лицом. Параллельно с этим происходило нарастание сексуально-притягательной роли одеяния, особенно женского, разработка все более утонченных его форм, подчеркивающих женственность. Современная тенденция как раз обратная указанной: упрощение одежды и ее унификация. Ослабевают половые различия в одежде, они почти исчезают во многих видах профессионального костюма — у шахтеров, строителей, медиков, где уже нет различий между мужской и женской одеждой. Да и в быту распространяющийся по-прежнему обычай ношения женщинами брюк, пиджаков, мужских шляп все более сглаживает различия в мужском и женском костюме.

С другой стороны, стремление закрывать тело из соображений полового стыда тоже ослабляется: дамские миники, эволюция купальных и спортивных костюмов, все более растущее нудистское движение, провозгласившее ненужность одежды при купанье, занятии спортом, даже туризме — все это свидетельствует о тенденции к ослаблению функций одежды, связанной с охраной «полового табу».

Полоразделительная функция одежды есть, однако, лишь одно из проявлений ее более общей социально-разделительной роли. Одежда — социальный знак, метка, обозначающая место данного индивидуума в общественной системе.

Вероятно, уже в первобытной общине зародились первые метки различия: рубцы на теле и прочие метки вначале свидетельствовали более о возрасте человека; далее метки, означавшие также, быть может, и родовую, тотемическую и племенную принадлежность носителя. От рубцов, неснимаемых украшений, — к снимаемым; от простых украшений — к сложным и выразительным формам одежды: этот процесс был лишь внешним проявлением нарастающего внутреннего расслоения в

3. Этнографическое изучение функций одежды

Функции одежды, как и функции пищи, различны. Первичная и основная ее функция — защита тела от холода и других неблагоприятных воздействий окружающей среды; в жарком же поясе на первое место выдвигается другая функция одежды, и тоже первичная — украшать тело. С очень давних времен появляются и другие, вторичные функции одежды: полоразделительная и социально-разделительная; последняя включает в себя, как частный случай, обрядовую культовую роль одежды³¹.

Далеко не ясна роль одежды, в особенности на самых ранних стадиях ее развития, во взаимоотношениях полов. По-видимому, с самого начала значение одежды было двойственное: с одной стороны, это своего рода средство охраны «полового табу» путем прикрытия органов размножения; с другой стороны, средство полового привлечения путем украшения, выделения, выставления этих частей тела. Видимо, это просто две нераздельные стороны одного и того же явления в сфере взаимоотношений полов: притяжение и отталкивание.

На длительном промежутке времени, связанном с общим социальным и культурным развитием человечества, полоразделительная функция одежды обнаруживает своеобразную тенденцию: она сначала нарастает, а потом начинает убывать. Начиная с периода «дикости» и вплоть до классового докапиталистического общественного строя, а частью и в эпоху капитализма, постепенно нарастает, во-первых, обилие одежды, она все полнее закрывает тело. Происходит это даже безотносительно к климату, поэтому нельзя сказать, что количественное разрастание одежды преследовало цель более полной защиты тела от холода. Главная цель тут, видимо, была другая: более строгая охрана «полового табу», более строгая сегрегация полов в costume, что связано, не-

³¹ Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи... С. 270.

иненно, с переходом от группового к парному, а потом к дигамному и моногамному браку, с укреплением патриархального начала в семье и в обществе.

Местами стремление закрыть все тело одеждой привело к гипертрофированным и уродливым формам — например, к обязательному ношению мусульманскими женщинами паранджи, скрывающей все тело вместе с головой лицом. Параллельно с этим происходило нарастание сексуально-притягательной роли одеяния, особенно женского, разработка все более утонченных его форм, подчеркивающих женственность. Современная тенденция как раз обратная: упрощение одежды и ее унификация. Ослабевают половые различия в одежде, они почти исчезают во многих видах профессионального костюма — у шахтеров, врачей, медиков, где уже нет различий между мужской и женской одеждой. Да и в быту распространяющийся по-прежнему обычай ношения женщинами брюк, пиджаков, мужских шляп все более сглаживает различия в мужском и женском костюме.

С другой стороны, стремление закрывать тело из соображений полового стыда тоже ослабляется: дамские мини-юбки, эволюция купальных и спортивных костюмов, все более растущее нудистское движение, провозгласившее ненужность одежды при купанье, занятии спортом, даже туризме — все это свидетельствует о тенденции к ослаблению функций одежды, связанной с охраной «полового табу».

Полоразделительная функция одежды есть, однако, лишь одно из проявлений ее более общей социально-разделительной роли. Одежда — социальный знак, метка, обозначающая место данного индивидуума в общественной системе.

Вероятно, уже в первобытной общине зародились первые метки различия: рубцы на теле и прочие метки вначале свидетельствовали более о возрасте человека; далее метки, означавшие также, быть может, и родовую, тотемическую и племенную принадлежность носителя. От рубцов, неснимаемых украшений, — к снимаемым; от простых украшений — к сложным, к сложившимся формам одежды: этот процесс был лишь внешним проявлением нарастающего внутреннего расслоения в

общине. Носители власти у народов Океании — вожди, аристократия — заметно выделялись своим более полным костюмом из среды остального населения³².

По мере усложнения общественного строя нарастало и разнообразие одежды, присвоенной разным социальным слоям. В европейском феодальном Средневековье различия в одеянии знатных и простых, аристократии, горожан и крестьянства достигают максимума. В средневековой Европе крестьяне ходили зачастую в жалких лохмотьях, а феодальная знать щеголяла в дорогих роскошных нарядах. Каждому было предписано свое одеяние: горожане не смели носить одежду дворян, крестьяне тем более; у духовенства, у военных была своя форма одежды. Разумеется, существовали и национальные различия в костюме, и не только национальные, но и более мелкие, областные (в пределах одной Бретани (Франция) насчитывалось более 20 разновидностей женского костюма). Но все областные и национальные различия в одежде были незначительны по сравнению с резкой сословной разницей костюма. Костюм как бы привязывал человека к его сословию, к его профессии, к его месту рождения, к его национальности. Одетый в свой сословный костюм, французский дворянин XVII в. признавал себя именно французским дворянином, а не испанским дворянином, и тем более не французским буржуа; в этом сословном, как и национальном, самосознании того времени одежда играла немалую роль. Известное выражение «честь мундира» передает именно эту мысль.

Иначе говоря, социально-разделительная функция одежды имеет свою обратную сторону: одежда *объединяет* людей одинакового социального (в том числе и этнического) статуса, она служит интегрирующим фактором внутри данной группы, одновременно *противопоставляя* ее другим группам.

В основе обрядовой и культовой одежды лежит тот же факт обособления какой-то группы людей (или даже одного

---

³² Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи... С. 274.

ца). Шаманский костюм резко не похож на будничную одежду данного народа. Шаманский костюм — внешнее средство выделить шамана из среды окружающих его людей, подчеркнуть его превосходство над ними, его обособленное положение. Костюм этот нужен не духам, а людям. Точно так же, как облачение священника, епископа, буддистского ламы, индийского муллы, хаджи субъективно — для самих носителей этого одеяния — есть средство как-то приблизиться к богу; на самом деле это есть средство отделиться от людей, поставить себя выше их. С другой стороны, выделяя главное лицо из среды мирян, культовое облачение подчеркивает принадлежность его к своему сословию, к своему роду, к своей профессии.

Все эти примеры показывают, что обрядовая и культовая одежда играет роль социального знака, метки, показывающей принадлежность человека к известной корпорации и противопоставляющей его всем тем, кто к ней не принадлежит. Эти различия в одежде, разграничивающие людей на группы по профессиям, сословиям, землячествам, национальностям, свидетельствуют о резкой корпоративности, иерархической субординации сословий и традиционном регионализме.

На современных улицах городов не всегда можно по костюму отличить богатого банкира от рабочего или мелкого торговца. Несколько больше различаются между собой деловые костюмы, но различия их сильнее зависят от моды, чем от социального положения обладательницы, а мода скорее сглаживает, чем разнообразит костюм. Только духовные лица и военнослужащие сохраняют профессиональный костюм. Национальные особенности в одежде постепенно сливаются и исчезают, лишь в немногих странах они частично сохраняются. Одежда постепенно перестает выполнять свою социально-разделительную функцию. Все труднее становится определить на глаз, по костюму, принадлежность человека к определенному классу, профессии, вероисповеданию, национальности.

Этнические особенности одежды — лишь одно из проявлений общей функции одежды как социально-раздели-

тельного фактора. Этнографический интерес шире и разнообразнее: он затрагивает вопросы о формах общения и разобщения людей, о тенденции развития этих форм, о будущих рамках социальной жизни людей.

Этнографическое прогнозирование того, как будут одеваться люди в будущем, вероятно, таково. Вытеснение национальных типов одежды европейским костюмом, модными платьями далеко не всегда можно считать прогрессивным фактом. Вековой опыт вырабатывал формы одежды, приспособленные к условиям географической среды и трудовой деятельности. В числе этих форм есть вполне целесообразные, хорошо адаптированные к климату и образу жизни людей, простые и красивые, в этом направлении, скорее всего, и будет развиваться мода.

4. Сравнительно-этнографическое изучение функций жилища человека

Третий раздел материальной культуры народа — это жилище. Для изучения крестьянского жилища и хозяйственных построек отечественными этнографами сделано очень много. Значительны исследования по этому предмету в зарубежных европейских странах. Этнографы стараются рассмотреть социальный аспект жилища: кооперацию и разделение труда при строительстве дома, наемный труд, классовые различия, отраженные в жилище, назначение частей жилища в связи с семейной жизнью, обрядовое назначение отдельных его частей, поверья, связанные с жилищем, и самое главное — этнические особенности жилища. Все это важные этнографические вопросы.

Жилище выполняет не только элементарную функцию защиты человека от внешней среды, оно предоставляет этнографам большую социальную информацию.

Самое примитивное человеческое жилище оказывает мощное воздействие на психику человека, на восприятие им окружающей действительности. Выделение «микропространства» (интерьера жилья) из безграничной вселенной есть первый шаг к формированию самого понятия пространства

в человеческом сознании. «Очеловечение» пространства в границах жилища как «периметра безопасности» было фактом общественного сознания и общественного бытия: оно сразу же вело и к практической организации микропространства жилья. Уже в древнейших остатках жилищ — например, в Мальтинской палеолитической стоянке, исследованной М.М. Герасимовым, — видны следы упорядоченного распределения его частей: мужской и женский инвентарь находят-ся в разных частях жилья³³.

Вся последующая история человеческого жилища может рассматриваться как развитие этих двух первичных отношений (или двух противопоставлений):

- 1) соотношение, точнее, оппозиция «дом» и «все, что вне дома»,
- 2) распределение частей жилья между его обитателями.

То и другое — два аспекта чисто социальных отношений: противопоставления «мы» — «не мы», а также распределе-ние отношений и функций внутри коллектива «мы». Иными словами, подобно еде и одежде, жилище выполняет двойную, чисто социальную функцию: оно как-то соединяет людей, и оно же их разъединяет.

Само противопоставление домашнего микропространства, т.е. интерьера жилья, и всего внешнего мира, хотя и существует на всех ступенях человеческой истории, однако, совершенно не изучено³⁴.

В первую очередь следует учитывать количество време-ни, проводимого человеком в своем доме и вне дома. Это за-висит и от климатических условий, и от формы хозяйствен-ной деятельности, и от образа жизни, и от различных соци-альных факторов. В жарких и теплых странах, особенно при бродячем и кочевом образе жизни, человек зачастую только спит в жилище, да и то не всегда; почти вся его деятельность и досуг протекают вне дома, вне жилья разводятся огонь и готовится пища. Понятно, что здесь оппозиция «дом — вне дома» сводится к минимуму, почти к нулю. Пример — пле-мена австралийцев и другие охотничьи народы субтропиче-ских и тропических стран. Здесь практически нет каких-либо обычаев, поверий, обрядов, запретов, ограничений, касаю-

щихся жилья; нет и верований, обрядов, относящихся к домашнему очагу; нет семейного или родового «культу-огня».

Иное дело на Севере, где жилище играет материально жизненную роль, служит необходимым фокусом семейной жизни. Здесь жилье (чум, яранга), а также домашний огонь, очаг, жирник-лампа служат предметом разных поверий, заветов, обычаев. Типичный пример — чукотское жилище, яранга. По наблюдениям В.Г. Богораза, все части яранги — жерди остова, крышка, полог и пр. — составляют единое и весьма священное целое. Уже при постройке нового жилья приносится жертва опорным шестам: их смазывают жертвенной оленьей кровью, смазывание это повторяется ежегодно. Никакая часть чужого жилища не может быть внесена в ярангу ни под каким видом. Все связанное с домашним очагом (лампой-жирником) считается сугубо священным; занять огонь от соседей — величайших грех, такой же грех — поставить на огонь посуду, бывшую прежде в соприкосновении с чужим огнем, или даже разогреть холодный кусок мяса, сваренного на чужом огне. Сходные обычаи и запреты есть у других северных народов.

Жители южной Италии или Греции проводят большую часть своего времени вне дома; весь быт деревни и города построен так, что домашнее времяпрепровождение, по крайней мере для мужчин, сведено к минимуму; не только трудовая деятельность, но и принятие пищи, и досуг, и развлечения — все это протекает главным образом вне жилища. Архитектура дома, часто открытого дверями, окнами, балконами, наружными лестницами и переходами во внешний мир, такова, что зачастую нет грани между интерьером дома и окружающим пространством.

В странах Северной Европы (в Англии, Скандинавии) жилой дом всегда резко отделен от внешнего мира, он закрыт и вещественно, и морально; жизнь обитателей проходит за

³³ Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи... С. 275.

³⁴ Там же. С. 276.

ств стенами, недоступная посторонним. «Мой дом — моя крепость», — говорит англичанин. Юридическое понятие неприкосновенности жилища выработано именно в Англии, и именно там оно до сих пор соблюдается наиболее последовательно.

Наряду с географическим фактором действуют и другие, иногда более сильные, например традиции, связанные с религией. Во многих мусульманских странах очень крепко держался (и держится) обычай наглухо отгораживать жилье от внешнего мира: на улицы и переулки старых мусульманских городов и сел выходят глухие стены домов без окон и дверей; все окна и двери выходят во внутренний двор, куда с улицы идет только калитка.

И все-таки для подавляющего большинства народов дом есть дом. Оппозиция «дом — вне дома» сохраняет свое значение в той или иной мере для всех, и это проявляется в разнообразных обычаях, правовых нормах, верованиях, обрядах.

Другая сторона этики жилища — обычай гостеприимства. Они существуют, хотя и в разной форме, у всех народов и в большинстве своем сводятся к особому положению гостя, пришедшего в дом, к охране его личности, к его правам и привилегиям. У народов, где обычаи гостеприимства сильно развиты, например у народов Кавказа, гость, переступив порог дома поступает под особое покровительство не только хозяина дома и его семьи, но и духов-хранителей дома. Личность его священна, и хозяин обязан его защищать хотя бы ценой своей жизни, даже если этот гость — кровный враг хозяина. Его нужно угощать, уступать ему лучшее, делать ему подарки; у некоторых народов это правило доходило до гостеприимного гетеризма. Но, покинув дом, гость сразу же лишается этих прав и покровительства со стороны хозяина дома: на том же Кавказе известны случаи, когда хозяин дома, только что ублажавший своего гостя, потом догонял его в пути и убивал.

Даже в современных развитых странах, где эти старые обычаи пришли в упадок, все равно гость, вошедший в дом,

пользуется особыми правами: он под покровительством особой морали; оскорбить гостя, выгнать его из дома — тяжелое нарушение общепринятой этики³⁵.

Оппозиция «дом — вне дома» нередко подчеркивается добавочными, сверх чисто вещественных, приемами ограждения жилища как «периметра безопасности». Кроме запоров, замков, засовов, решеток, цепей, ставен, преграждающих доступ непрошеным посетителям, применяются меры суеверной защиты жилья: магические знаки-обереги на окнах, дверях, на пороге дома (или у входа в скотный сарай, конюшню) — вырезанные или закопченные пасхальной свечой кресты на притолоках, прибитая у входа конская подкова. Все это меры для превращения жилья в бастион, недоступный не только для воров и грабителей, но и для нечистой силы и вредоносной магии.

В защите жилья суеверными средствами ту же роль играют и различные культы домашних духов-покровителей. История религии изобилует примерами таких культов: почитание домашнего очага как «хозяйки огня» у народов Сибири, русского дедушки-домового, хранителя безопасности и благополучия домашнего хозяйства. Сюда же относятся и разные семейные обряды, домашние праздники.

Этнографов интересует и социальная функция жилища. В классовом обществе обычно семья, дом, домохозяйство, двор — синонимические понятия. А семья — это экономическая ячейка общества, иногда производственная, почти всегда потребительская. Значит, оппозиция «дом — вне дома» равнозначна противопоставлению семьи всему окружающему миру. Чем резче это противопоставление, чем четче выделяется семейная ячейка в системе «народного хозяйства», тем заметнее и противопоставление «дом — вне дома».

В этнографических описаниях разных внеевропейских народов, сохранивших черты общинно-родового строя, очень часто встречается такая деталь: если кто-то из жителей де-

---

³⁵ Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи... С. 278.

Если голоден, он может свободно войти в любую хижину и взять там съестное, не спрашивая хозяев. Иначе говоря, отсутствие резкой обособленности семьи как хозяйственной ячейки ослабляет и неприкасаемость жилища для всех посторонних: чужой дом тут в какой-то мере общий дом.

И все же семья, а значит, и ее обиталище, в той или иной степени, иногда очень резко, противостоит внешнему миру.

На протяжении многих веков человеческой истории существовала «большая семья» (семейная община), а ей предшествует, очевидно, родовая община. Естественна, казалось бы, мысль, что и сам тип — точнее, размеры — занимаемого семьей жилища должны соответствовать форме и размерам семьи: малая семья — маленький дом, большая семья — большой дом. Огромные избы северорусского населения явно приспособлены для большой семьи. В Европе в обширных постройках нижнесаксонского или альпийского типа, в больших домах басков живут в настоящее время обычные малые семьи; можно только предполагать, что дома эти строились некогда для больших семей. Вместе с тем у молдаван и у некоторых других народов считалось делом социальной амбиции иметь большой дом, вовсе не по размерам семьи. С другой стороны, южнославянская задруга размещалась зачастую в нескольких небольших постройках для брачных пар; они группировались вокруг центрального дома с общим очагом внутри усадьбы. Поэтому выводы некоторых археологов, делающих заключение о характере семьи по размерам сохранившихся остатков построек, не всегда убедительны³⁶.

Каков бы ни был семейный коллектив, обитающий в жилище, он всегда имеет свою *структуру*, и эта структура непременно отражается, порой существенным образом, и на типе постройки, и на соотношении ее частей, и на распределении предметов обстановки интерьера, на функционировании отдельных помещений, комнат, углов. Даже общее жи-

³⁶ Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи... С. 279.

лье, объединяющее какую-то группу людей (семью), в то же время как-то их разделяет. Разделение жилища на женскую и мужскую половину отмечено еще в древности. Эта полоразделительная традиция исторически затем нарастает. У многих внеевропейских народов существуют даже отдельные «мужские» и «женские» дома, а собственно «семейных» домов может и не быть. У кочевых народов Северной и Средней Азии почти всегда соблюдается деление юрты (яранги, чума) на правую от входа женскую половину и левую — мужскую. В допетровской Руси женщины в боярских, дворянских и купеческих семьях вели затворническую жизнь в особых теремах или светлицах. В крестьянском быту в России, как и в Западной Европе, было строгое разграничение частей и углов в избе: «бабий кут» (угол около устья печи), иногда отделенный занавеской или перегородкой.

Еще одна полоразделительная черта в социальном бытовании жилища у очень многих народов: жилище вообще есть местообитание больше женщин, чем мужчин. Последние, как более подвижный элемент, проводят большую часть времени вне дома — на работе, в поездках, плаваниях, в кофейнях, трактирах, клубах; женщины и дети больше сидят дома. Домашний уют — всегда дело женских рук, женского вкуса.

Наряду с полоразделительным назначением отдельных частей жилой постройки распределение всегда отражает и иные стороны структуры семьи. Всегда выделяется почетное место, предназначенное для главы семьи и для почетных гостей. В кочевых юртах это место — по диаметру против входа, чуть левее; в русской избе, белорусской и украинской хате — в «красном» углу, по диагонали от печи. У многих народов, например в кочевых жилищах Средней Азии и Сибири, степень почетности места измерялась удалением от входа: самое почетное место — против входа, а слуги, бедняки размещались у самого порога. У некоторых народов Кавказа самым почетным местом считалось кресло против пристенного очага. В европейских странах деление на комнаты, распределение их тоже отвечало социальной иерархии

обитателей: комната хозяина, хозяйки, молодых супругов, работников, прислуги и т.д.

Этнографическое изучение народного жилища должно иметь главной целью определение общей закономерности исторических изменений функций жилья и отдельных его частей, общую тенденцию развития, прогнозирование процесса будущих изменений форм семьи.

В современной планировке новых домов и жилых кварталов все более принимается во внимание то, что целый ряд прежних функций семьи отпадает. Расширение сети детских школьных и дошкольных учреждений, развитие культурно-досуговых комплексов и пр. — все это постепенно расширяет твердую оболочку семейно-домашнего быта и одновременно ослабляет значение «периметра безопасности», каким было в прошлом жилище. Можно думать, что вместе с эволюцией самой формы семьи будут изменяться традиционные представления о жилище как многовековом семейном гнезде.

Контрольные вопросы и задания

1. Значение понимания научного определения материальной культуры в этнографических исследованиях.
2. Приведите примеры зависимости предметов материальной культуры (пища, жилище, одежда и пр.) от природной среды и хозяйственных занятий этносов.
3. Проиллюстрируйте зависимость материальной культуры от этнических традиций.
4. Докажите принадлежность определенных форм материальной культуры к историко-этнографической области, независимо от различного происхождения народов (по выбору).
5. Покажите связь форм материальной культуры с различиями семейного состояния, пола, возраста их носителей (одежды и украшений).
6. Докажите зависимость элементов материальной культуры от социальной структуры общества, от классовых различий.
7. Покажите связь форм материальной культуры с религиозными верованиями и обрядами.

Литература

1. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Лурье С.В. Историческая этнография. Учебное пособие для вузов. М., 1997. 446 с.
4. Токарев С.А. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира / Отв. ред. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М.: РАН, 1999.
5. Токарев С.А. История русской этнографии. М., 1978.
6. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнографии. М., 1988.

ИЗВЕСТНЫЕ ТРУДЫ В ОБЛАСТИ ЭТНОГРАФИИ СЛАВЯН

ПЛАН

1. История восточных славян в «Учебнике русской истории» М. Острогорского.
2. Языческая религия славян в «Истории России с древнейших времен» Соловьева С.М.
3. Обряды славян в «Истории России с древнейших времен» Соловьева С.М.

1. История восточных славян в «Учебнике русской истории» М. Острогорского

Описание славян мы находим в «Учебнике русской истории» М. Острогорского. Материал, написанный в конце XIX в., не может служить в качестве основного, но может быть использован для сравнения. Править такой материал было бы неуместным.

Славянские племена. Предки наши, называвшие себя славянами, жили небольшими селениями, преимущественно по берегам озер и рек. Важнейшие поселения их были на Днепре, Западной Двине, Волге и озере Ильмень. Обитатели самой северной славянской земли, от Ильменя до Ладogi, назывались просто *славянами*; главным городом был Новгород.

Другие же славянские племена носили разные имена. Жившие к югу от озера Ильменя, между верховьями Волги, Днепра и Западной Двины, назывались *кривичами*; важнейший город в их земле был Смоленск. По Западной Двине жили *полочане*; у них был город Полоцк. Между Неманом, Западной верховьями Днепра жили *дреговичи*. К востоку от них по верхнему течению Днепра жили *радимичи*. По при-

токама Днепра жили с одной стороны *древаляне* — по реке Припяти, а с другой стороны *северяне* — по реке Десне. По среднему течению Днепра жили *поляне*; главный город их был Киев. По реке Оке жили *вятичи*.

Кроме этих славянских племен, от которых происходят русские, были еще другие, от которых произошли другие славянские народы. Они жили на западе и на юге от русских славян, называемых поэтому восточными. Так, по реке Висле жили *ляхи*, предки поляков. К северу от них, в нынешней Пруссии, жили *поморяне* и другие племена, подпавшие впоследствии под немецкую власть. Южнее жили *чехи*. Пространство по Дунаю и его притокам занимали *моравы*, *хорваты*, *сербы* и *болгары*.

Русские же славяне в IX в. по Рождеству Христову занимали только небольшую часть нынешней России. Кругом их были иноплеменные народы. Весь обширный север занят был финскими племенами, с редкими славянскими поселениями, как Ростов, Белоозеро. Пространства нынешней юго-восточной и южной России занимали разные народы тюркского племени — *хозары*, *печенеги*, *камские болгары*. На северо-западе врезывалось клином в славянские земли литовское племя, жившее по реке Неману, между Западной Двиной и Вислой.

Быт древних славян. Предки наши были издавна народом оседлым, и земледелие составляло главное их занятие. Кроме земледелия они занимались и другими промыслами: рыболовством, охотой за зверями, скотоводством. Первые подробные известия о славянах дошли к нам от людей, живших за 13 столетий до нашего времени. По их описанию, тогдашние славяне жили очень бедно, в дрянных избах из кольев, оплетенных хворостом; стекол в окнах не было; печи были без труб. Простые столы и скамейки, постель из сена, соломы и звериных шкур составляли все убранство славянских жилищ. Ценные вещи славяне прятали в землю, потому что всегда могли нагрянуть неприятели и разграбить все. На случай опасности славяне устраивали в домах своих несколько выходов и при неожиданном нападении убегали в лес. Нередко неприятель сжигал их жилища, но беда была

не велика: избы были дрянные, и немного труда стоило выстроить новые³⁷.

Города. В некоторых местах для защиты от неприятеля огораживали селения стеною, а кругом выкапывали ров. Такое укрепленное, огороженное место называлось *городом*. Так как в городах было безопаснее от врагов, то здесь строили более прочные дома из балок или бревен. Городские постройки были очень невелики и незатейливы, не лучше теперешних деревенских домов. Скоро города сделались сборными местами для торговли. Когда промыслы славян начали давать им больше хлеба, меда, мехов, чем им нужно было для своих надобностей, они стали продавать лишнее. Для торговли основывали новые города.

Нравы древних славян. Славяне славилась как храбрые воины. Трусость считалась у них наибольшим позором. Но в открытом поле они не любили сражаться, а больше старались одолеть неприятеля хитростью: заманивали его в лес и там нападали неожиданно, или прятались в густой луговой траве, давали неприятелю пройти мимо и затем внезапно поднимались и накидывались на него. Славяне искусно прятались от неприятеля в реках благодаря тому, что умели отлично плавать и очень долго держаться под водой. Чтобы свободно дышать, они держали во рту выдолбленный тростник, верхушка которого выходила на поверхность воды и проводила скрытому пловцу воздух. Неприятель принимал эти торчащие камыши за обыкновенные камыши, растущие в реках и озерах. Вооружение славян составляли: копья, которыми они кололи врагов или кидали в них; лук и стрелы, намазанные ядом; круглые деревянные щиты для прикрытия от ударов. Мечи и вообще железное оружие попадались у них редко.

На войне славяне были жестоки, они мучили и убивали врагов без пощады. Но раз война была кончена, они обращались с пленниками очень кротко и после некоторого времени отпускали их на волю. Вообще в мирных отношениях предки наши были очень добродушны и кротки. Особенно

³⁷ *Острогорский М.* Учебник русской истории. М.: Капитал и культура, 1995. С. 8.

славидись они гостеприимством. Каждый странник был дорогим гостем в доме славянина, хозяин всячески угождал ему, ставил ему на стол самые лучшие напитки и кушанья, а если своего не было, то не грех было у соседа украсть. С женщинами славяне также обращались хорошо. У других необразованных народов женщины содержались как рабы, славянские же женщины жили свободно. По славянскому обычаю можно было иметь несколько жен. Но больше одной имели только богатые, потому что за каждую жену нужно было заплатить родителям невесты³⁸.

Верования славян. Древние славяне были язычники, верили во многих богов, ставили им идолов и поклонялись им. Главными божествами у русских славян были *Перун* — бог грома и молнии, *Волос* — бог скота, *Стрибог* — бог ветра. Если случалось какое-нибудь несчастье, урожай не удавался, дом погорел, славяне думали, что это боги наказывают их, а если выпадала удача, то опять-таки по милости богов. Чтобы задобрить сердитого бога или чтобы заручиться его милостью, ему приносили жертвы, обвешивали истукана разными подарками, закалывали какое-нибудь животное и сжигали его. Огонь, думали язычники, передаст сожженное богу, и тот, насытившись кушаньем, делается милостивее к жертвователям. В важных случаях носили на заклание живых людей. Язычники думали, что такая жертва — самая угодная богу. Они совершали их во время беды, чтобы умилостивить божество, или же в благодарность за какой-нибудь особенно счастливый случай, например за победу над врагами. Жертвы эти закалывали по жребию, в рощах или на горах.

Славяне не имели ни храмов, ни общественного богослужения. Не было у них и особого сословия жрецов, как у многих других языческих народов. У славян в каждой семье старшие сами приносили жертвы богам. Однако они верили, что есть такие люди, *волхвы* или *кудесники*, которые находятся в сношениях с богами и получают от них сверхъестественные силы, что они могут предсказывать будущее, творить заклинания.

³⁸ *Острогорский М. Указ. соч. С. 10.*

Кроме богов, славяне почитали умерших предков. Они верили, что покойники эти бессмертны, и приносили им на могилы кушанья. Особенно почитали они бессмертного деда Чура, или Шура, который охранял от беды своих потомков и оберегал их добро. С того времени и идет существующее до сих пор заклинание от нечистой силы или от опасности «Чур меня!» В старину это значило: «Храни меня, дед!» Чествовали также дедушку Домового, воображали, что он живет в избе за печкой, смотрит за домом и всем помогает. Верили еще в леших, водяных, русалок³⁹.

Начало русского государства. Правления у славян не было, они не составляли одного государства, под властью одного государя. Сначала, в глубокую старину, славяне жили семьями и родами, каждый род особо, и все члены рода слушались старшего родственника. Потом, когда поселения расширились и рассеялись по стране, славяне стали жить общинами, в которых были и родные и чужие люди. В более крупных поселениях, в городах, граждане сходились на вече (мирскую сходку) и решали по согласию общие дела. Заодно с ним шли и соседние сельские поселения, так что власть города и веча городского распространялась на целую область. Кроме веча, во многих местах завелись особые правители, князья.

Но общины эти, разрозненные и рассеянные по стране, не могли устоять против воинственных народов. Славяне, жившие по Днепру, платили дань хозарам, северные Славяне стали данниками варягов, происходивших из нынешней Швеции и Норвегии. Варяги делали часто набеги на славянские поселения и основали свои княжества в некоторых местах теперешней России.

Однако через какое-то время различные земли славянские соединились в одно независимое государство, которое стало называться *русским*.

Летопись рассказывает про начало русского государства следующее⁴⁰: славяне, жившие по Ильменю, и соседние пле-

³⁹ Острогорский М. Указ. соч. С. 12.

⁴⁰ Там же. С. 13.

мена подпали под власть варягов из-за моря и платили им дань. Однако им скоро удалось прогнать варягов. Но тут пошли между славянскими племенами такие ссоры, что род восстал на род. Тогда они решили поискать себе князя, который бы управлял ими и судил по правде. Для этого были отправлены за море, к соседнему варяжскому племени русь, послы и велено им держать такую речь: «Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами». Три князя варяго-русские — Рюрик и два брата его пришли и начали княжить: сам Рюрик сел в Новгороде, а братьев он послал в другие города. Так началось в 862 г. по Рождеству Христову русское государство. От имени рода первых князей оно и назвалось *Русью*.

Самый замечательный из первых князей русских был Олег, по преданию, родственник Рюрика и преемник его. Он заставил подчиниться своей власти все славянские земли — от озера Ильменя до среднего течения Днепра, от Новгорода до Киева. Он сделал Киев столицей княжеской.

Торговля. Славянские купцы вели обширную торговлю на востоке с азиатскими народами, с арабами, на западе с варягами и немцами и на юге с дунайскими болгарами и с греками. Славянские купцы продавали им хлеб, рыбу, лес и меха, медь и воск, а также рабов; сами же покупали у иноземных купцов ткани, сукна, ковры, кружева, золотые украшения, бисер, деревянное масло, вино, пряности.

Торговля эта была меновая, русские большей частью платили мехами. Потом они стали платить слитками золота и серебра определенного веса. Слитки эти были без клейма, без надписи и означения цены, а просто отрубленные куски золота и серебра. Их называли *гривнами*, а впоследствии *рублями*.

Наиболее удобными сообщениями были тогда реки. Зимой русские славяне рубили в лесах лодки и отделявали их; весной они нагружали их товарами и отправлялись в путь; от реки до реки таскали лодки волоком или носили на плечах.

У Киева скрещивались все пути: и на восток, и на юг, все торговые лодки проходили мимо Киева. Город этот являлся

торговыми воротами Руси. Поэтому князь, хозяйничавший в Киеве, легко держал в своей власти и остальные земли по Днепру и до Ильмена.

2. Языческая религия славян в «Истории России с древнейших времен» Соловьева С.М.

Религия восточных славян состояла в поклонении физическим божествам, явлениям природы и душам усопших.

При поклонении многим различным явлениям природы под разными именами отмечено поклонение одному верховному божеству, к которому остальные находились в подчиненном отношении; это верховное божество называли Перуном.

Явление грозы, молнии есть самое поразительное из явлений природы; немудрено, что первобытный человек дал ему первое место между всеми другими явлениями; он не мог не заметить благотворного влияния грозы на жизнь природы; не мог не заметить, что свет молнии во всякое время обнаруживает свое могущество, тогда как, например, действие солнца ограничено, уступает владычество другому, противоположному и, следовательно, враждебному началу — мраку; солнце затмевалось, погибало в глазах первобытного человека. Молния же никогда в глазах его не теряла своего могущества, не побеждалась другим началом: свет молнии сопровождается обыкновенно живительным дождем — отсюда представление о том, что Перун ниспосылает дождь жаждущей природе.

Имеем право думать⁴¹, что Перун у языческих славян носил еще другое название — Сварога. Верховное божество Сварог — Перун порождало двоих сыновей, двух Сварожичей: солнце и огонь. Поклонение солнцу было сильно распространено между славянами; в «Слове о полку Игореве...» русские называются внуками Дажбога. Кроме названий Даж-

⁴¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. Гл. 3

богов, к солнцу относят имена Ладо, Хорса, Сура, или Тура, Волоса. Вместе с солнцем обоготворялись месяц и звезды, находившиеся с солнцем, как видно, в родственных отношениях; обоготворялись также вода и воздух.

Если славяне поклонялись явлениям природы, то легко догадаться, при каких случаях, в какое время года будут они торжествовать свои религиозные праздники. Так, например, они праздновали в конце декабря Коляды — праздник, совпадающий теперь с праздником рождества Христова. Отмечается то, что когда солнце начинает брать силу, дни начинают прибывать; существенный обряд праздника состоит в хождении (это означало славить божество) и сборе подаяния; как видно, во времена языческие приношения собирались для общей жертвы. В некоторых местах Коляда известна под названием Авсеня, или Таусеня, что можно считать измененным Ясень — также, по всей вероятности, имя солнца.

Второй праздник торжествовался в начале весны, но так как это время приходится в великий пост, то по принятии христианства празднование было перенесено на конец рождественского мясоеда. Итак, масленица есть языческий весенний праздник. Встреча весны и проводы зимы празднуются у всех славянских народов почти с одинаковыми обрядами: употребляется заклинание весны с разными приветиями; у западных славян зима или смерть олицетворяются в образе женщины под именем Мара, Марана, Марена, чучело которой сжигают. Весну встречают обыкновенно на красной горке. Тут начинаются хороводы, или короводы, религиозное значение которых и отношение к солнцу не подлежит сомнению. Время воскресения всей природы и усиления желаний считалось самым приличным временем для заключения брачных союзов и для поздравления молодых супругов.

Третий праздник имеет место 23 июня и известен под именем Ивана Купалы, потому что происходит на Иванов день. Этот праздник, как и два упомянутые выше, общий не только для всех славянских, но и многих чужеземных народов. По обрядам праздника можно догадываться, что

он относился к трем стихийным божествам — солнцу, огню и воде. Однако можно относить его и к одному солнцу. Естественно, могло произойти верование, что солнце, дающее силу растениям, особенно дает ее, когда само достигает высшей силы; это верование должно было повести к обычаю собирать травы в летний праздник солнца и приписывать им чудодейственную силу. С другой стороны, солнце, производя сильное влияние на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вера в целительность купанья во время летнего солнцестояния.

Наконец, зажигание костров было необходимо для всякого ночного собрания, ночных игр, также и для жертвоприношений; прыгание же чрез зажженные костры имело значение очищения. Вот почему ночь на Иванов день сопровождается:

- 1) собиранием трав;
- 2) купанием;
- 3) зажиганием костров и прыганием чрез них.

Естественно также и потому обще не одним только славянским народам принесение в жертву, сожжение белого петуха — птицы, приветствующей рассвет, угодной солнцу.

Ночь на Купалу полна чародейных явлений: вода покрывается серебром, деревья переходят с места на место и шумом ветвей разговаривают между собою; утверждают еще, что кто имеет при себе папоротник, тот может понимать язык каждой твари.

Религия славян не является цельным, гармоничным образованием. Она распадается на пласты различной степени древности, которые причудливо переплетаются между собой.

Женские божества в иерархию не укладывались. Наиболее почитаемой была Макошь, богиня судьбы и достатка («кошта»). Изображалась зрелой женщиной с прялкой и коробом. Покровительствовала ткачихам и вышивальщицам.

Лада — богиня любви. Изображалась прекрасной юной женщиной.

Семаргл — крылатая собака, хранитель посевов, вестник богов.

Вилы, русалки — обнаженные девушки, живущие на ветвях деревьев или же вблизи рек. Хранительницы природы, подательницы теплых дождей.

Берегини — то же самое, но в одетом виде, жили в реках, иногда следовали за людьми.

Кикимора — жена Домового.

Леший, лисунка (лешачиха) носили ту же одежду, что и люди, но наизнанку, левая пола поверх правой. Часто не имели бровей.

Баба Яга хранила границы в мир мертвых. К Яге имеет смысл относиться, как к существу, способному провести туда и обратно. Или только туда.

Ко всем божествам и духам помельче славянин относился примерно так же, как и к людям. Это говорило не о неуважении к богам и духам, а, скорее, о большом уважении к самому себе. Славянин был частью мира — ни больше, ни меньше.

3. Обряды славян в «Истории России с древнейших времен» Соловьева С.М.

Слово «обряд» по происхождению русское, относится к древнейшим языковым пластам. «Рядить» означало обсуждать, договариваться с кем-то, устанавливать определенные житейские правила, нормы поведения, порядок. Обряд всегда говорит языком символов. Специфика обряда состоит в том, что он не только оформляет событие, но и выражает его сущность, формирует настроение, раскрывает содержание происходящего через определенную систему символов⁴².

Обряд — введенный законом или обычаем порядок в чем-либо, внешняя обстановка какого-либо действия условными околичностями; церемония; обык; законный порядок и чин⁴³.

⁴² Емельянов Ю.Н. Основы культурной антропологии. СПб., 1994. С. 113.

⁴³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. СПб.: Диамант, 1996. С. 619.

Социокультурное назначение обряда состоит в том, что каждый обряд имеет свое уникальное применение, но общее предназначение обрядов — это ритуальное отмечание какого-либо события жизни, не связанного с общественным календарем⁴⁴.

Свадебные обряды

Основа семьи, узел ее — брак, отсюда понятно, как важно было различие во взгляде на это явление у разных славянских племен. У некоторых, по свидетельству летописцев, брака не было, жен себе похищали, следовательно, не было согласия родственников невесты.

Если браки совершались внутри рода, то ясно, что в таком случае похищение не могло иметь места, постоянное сожителство четы долженствовало быть следствием согласия целого рода, воли отца — старшины; таким образом, похищение могло иметь место только в том случае, когда девушка была из чужого рода, из чужого села. Здесь похищение не было следствием враждебности родов, потому что если члены разных родов сходились вместе на одни игрища (по всей вероятности, религиозные), то нельзя предполагать между ними вражды; здесь похищение должно было произойти оттого, что каждый род берет девушку для себя, для своих членов и не хотел уступить ее чужеродцам, и если члену одного рода понравилась на игрище девушка из чужого рода, то чтоб иметь ее женою, необходимо было ее похитить. Это похищение, естественно, производило вражду между родами; род, оскорбленный похищением, может одолеть род похитителя и требовать удовлетворения, вознаграждения; это ведет уже к продаже; похититель может тотчас после увода, не дожидаясь войны, предложить вознаграждение, на такое явление указывает свадебный обряд.

Подле невесты садится брат или другой какой-нибудь родственник. Дружко спрашивает его:

— Зачем сидишь здесь?

⁴⁴Ерофеев В. Щель. О русском национальном характере // Родина. 1992. № 2. С. 12.

— Я берегу свою сестру.

— Она уже не твоя, а наша, — возражает дружка.

— А если она теперь ваша, то заплатите мне за ее прокормление. Я одевал ее, кормил, поил.

Это вознаграждение не могло быть малым, потому что женщин не могло быть много: вспомним, что у славян было в обычае многоженство, вспомним также и другой обычай, по которому жены следовали в могилу за мужьями; обычай же многоженства и недостаток в женщинах неизбежно умножали случаи похищения⁴⁵.

Похищения могли иметь место в городах, где несколько родов жило на одном месте. Здесь, при беспрестанном столкновении молодых людей обоего пола из разных родов, было невозможно для последних удерживать своих девушек для себя и давать поводы к похищениям, которые могли вести к ежедневным ссорам между соседями. В городах необходимо должен был произойти обычай сватовства, брачный обычай; браки должны были заключаться с согласия родственников невесты.

Разумеется, условия зависели от старшин, обязанных блюсти выгоды рода; естественно, что обычай давать *вено*, или цену за вывод из рода, мог долго иметь место: нужда была на стороне жениха, на стороне его рода, а не на стороне рода невесты, для которого девушка не могла быть лишнею. Но, с другой стороны, плата за содержание, при обычае взаимных браков между членами разных родов с согласия последних, теряла свое значение; если род отпускал девушку в чужой род, то в то же время он имел возможность приобрести жен для своих членов из чужого рода.

У славян, как видно, *вено*, не теряя вполне своего значения, перешло в подарки от жениха родным невесты, а само слово начало означать вообще брачные условия, брачную запись. *Вено* как цена за выведенную из рода девушку находится в тесной связи с похищением, а приданое — с выдачею замуж при согласии родственников невесты. Первый обычай должен был господствовать у народонаселения,

⁴⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. Гл. 3.

которое жило отдельными родами, а второй должен был произойти в городах, где на одном месте жило несколько родов.

Многोजенство у всех племен славянских — явление несомненное, они брали по две и по три жены; обычай этот сохранялся еще долго после введения христианства.

Что касается положения славянской женщины, то девушки, как видно, пользовались полной свободой: они сходились с молодыми людьми чужих родов на игрищах, имели возможность совещаться с ними для бегства. Что же до положения жены, не следовало ожидать большого уважения слабейшему полу от сильнейшего. Но при этом не встретим никаких определений, которые осуждали бы женщину на вечное унижение и ничтожество, которые не позволяли бы ей выказывать свою силу умственную, иногда и физическую, приобретать посредством этой силы уважение и влияние.

В народной традиции⁴⁶ известно несколько способов заключения брака. Один из них — умыкание невесты, о котором упоминает, в частности, «Повесть временных лет» (начало XII в.). Более известно мнимое похищение по взаимной договоренности парня с девушкой или самовольный уход девушки к жениху (так называемый «тихоматный» брак, «выкрадом», «уводом», «самоходкой»).

До сих пор сохранилось выражение «венчаться вокруг березы», точно передающее смысл венчального обряда русичей. Свадьба состояла из поклонения Ладе, Роду и Триглаву, после чего волхв призывал на них благословение, и молодожены обходили три раза вокруг священного дерева, призывая в свидетели богов, чуров и берегинь того места, где они находились. Невеста обязана была идти в новый род как бы насильно, чтобы не оскорбить ненароком духохранителей своего рода («силой ведут»). С этим связаны многочасовые рыдания и скорбные песни невесты. На пиру молодоженам запрещалось пить (считалось, от любви пьяны будут). Первую ночь молодожены проводили на тридевяти

⁴⁶ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 1. Гл. 3.

снопах, застеленных мехами (пожелание богатства и многочадия)⁴⁷.

Наиболее обычен брак путем договора сторон, что находит выражение в церемониях предсвадебного сговора, скрепления брачного договора (рукобитье при свидетелях, дача залога, оглашение помолвки, письменная роспись приданого), в публичном засвидетельствовании брака широким кругом участников свадьбы и односельчан, в выставлении молодых пар на всеобщее обозрение на масленицу.

Различны и формы брака. Средневековые источники сообщают о многоженстве, издревле известном у славян, реже о многомужестве. В некоторых местах практиковался пробный брак: невеста переселялась к жениху, а свадьба откладывалась до рождения ребенка; если же супружество оказывалось неудачным, свадьба не устраивалась вовсе, и невеста возвращалась к родителям, получая вознаграждение. Молодые люди, не вступавшие в брак, подвергались осмеянию. Женили молодых вообще очень рано; бывали случаи, что жених имел только 12 или 13 лет. Нужно заметить, этим родители спешили удалить юношу или девушку от соблазнов холостой жизни, так как вообще непозволенные любовные связи считали тогда непростительным и незамолимым грехом и ставили наравне с тяжкими преступлениями.

Возрастные ограничения выражались в соблюдении очередности вступления в брак детей (особенно дочерей) согласно старшинству. Помимо обычного брака с переходом жены к мужу, встречался брак, при котором зятя брали в дом жены. Такого жениха невеста иногда сама шла сватать, он участвовал в девичнике, готовил приданое, назывался «примаком», «подживотником», «привальнем», в шутку даже «молодухой»; говорили, что он «выходит замуж», а невеста «женится» на нем. Повторный брак чаще всего заключали между собой вдовы и вдовцы, поскольку считалось, что овдовевшие соединятся на «том свете» со своим первым супругом. В первый же брак с ними вступали неохотно из опасения остаться на «том свете» без пары.

⁴⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 1. Гл. 3.

Супружеская неверность осуждалась и наказывалась. Пару, уличенную во внебрачной связи, передевали — мужчину в женскую одежду и наоборот — и с позором водили по улицам. При разводе супруги или свидетели разрывали над проточной водой или на перекрестке дорог полотенце, пояс или что-либо из одежды.

Свадебные термины: «окручаться» (выходить замуж, жениться), «крученка» (любовная связь), «крутить», «повивать» (менять невесте прическу и девичий головной убор на женский), «окрута», «повойник», «завивало» (головной убор замужней женщины). Символом заключения брака является перемена невестой прически (расплетение — заплетение косы) и головного убора, после которой девушка считается женой, а также связанное с этим раскрытие головы невесты на свадьбе.

Символика брака — и в противопоставлении чета и нечета (в гаданиях парное число колец частокола, поленьев в охапке сулит брак, а нечетное — безбрачие). Цветовые символы брака — белый и красный: белое или красное покрывало, фата невесты, красно-белое свадебное знамя, красные ленты в косе невесты, красный кушак свата и т. д.

Погребальные обряды

Радимичи, вятичи, северяне и кривичи совершали тризну над покойником, потом сжигали труп, кости собирали в небольшой сосуд, который ставили на столбе на распутье дорог (отсюда и пошло поверье, что у перекрестков собирается нечистая сила). Не все племена сжигали своих покойников. Одновременно с обычаем сжигания и ставления урна с пеплом на придорожных столбах существовал и обычай погребения в могилах, которые засыпали холмами. Чем знатнее был покойник, тем выше насыпали могилу. Курганы эти сохранились до сих пор в разных местах России⁴⁸.

⁴⁸ Острогорский М. Учебник русской истории. М.: Капитал и культура, 1995. С. 11.

Хороня умерших, клали с мужчиной оружие, конскую упряжь, убитых коней, собак, с женщиной — серпы, сосуды, зерно, убитую скотину и домашнюю птицу.

Когда хоронили знатного человека, вместе с ним убивали несколько его слуг, причем только единоверцев-славян, а не иноземцев, и одну из его жен — ту, которая добровольно соглашалась сопровождать мужа в загробный мир. Готовясь к смерти, она наряжалась в лучшие одежды, пиновала и веселилась, радуясь будущей счастливой жизни в небесном мире. Во время погребальной церемонии женщину подносили к воротам, за которыми на дровах лежало тело ее мужа, поднимали над воротами, и она восклицала, что видит своих умерших родичей и велит поскорее вести ее к ним.

Иностранцы удивляются привязанности славянских женщин к мужьям, за которыми они следовали даже в могилу. Объяснить это можно тем, что если женщина выходила замуж в чужой род, то при строгом и ревнивом надзоре новых родичей муж был единственным существом, от которого она ждала любви и покровительства; умирал муж — положение жены, лишившейся единственной опоры, единственного звена, соединявшего ее с чужою семьею, становилось горько. Но при этом очень вероятно также, что у славян было верование, что мужчина легче достигает блаженства в будущей жизни, если приходит туда в сопровождении женщины.

Похороны завершались стравой — пиром-поминками и тризной — воинскими состязаниями. И то и другое символизировало расцвет жизни, противопоставляло живых — умершим. Под тризной разумелись вообще поминки и потом преимущественно борьба в честь умершего, с поминками соединялся веселый пьяный пир, также резание и царапание лица в знак печали⁴⁹. Обычай обильного угощения на поминках дожил до наших дней.

⁴⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1. Гл. 3.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите важнейшие славянские племена, от которых произошли русские.
2. Приготовьте сообщение о материальной культуре славян.
3. Расскажите о ритуальных обрядах славян.

Литература

1. *Острогорский М.* Учебник русской истории. М.: Капитал и культура, 1995.
2. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 1. Гл. 3.
3. *Суханов И.В.* Обычай, традиции, обряды как социальные явления. Горький, 1973.
4. *Токарев С.А.* Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира / Отв. ред. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М.: РАН, 1999.

НАРОДЫ СИБИРИ

ПЛАН

1. Формирование субэтноса «сибиряки».
2. Классификации народов Сибири.
3. Коренные народы юга Красноярского края — хакасы.
4. Коренные народы Красноярского края — чулымцы.
5. Малочисленные народы Красноярского края — кеты.

1. Формирование субэтноса «сибиряки»

Несмотря на то, что интерес к этнической культуре русских в Сибири не ослабевает на протяжении нескольких веков, эта тема остается одной из слабо изученных, но, безусловно, познавательной для специалистов социокультурной сферы. Антропологически русские, населяющие Сибирь, относятся к европеоидной расе; вместе с тем существует масса типов и вариантов, образовавшихся в результате длительных миграций, ассимиляции и т.д. Антропологи считают возможным выделение областного типа русского народа в Сибири в особый субэтнос — *сибиряки*⁵⁰.

Под Приенисейским краем современные географы понимают почти целиком территорию Средней Сибири — бассейн Енисея и некоторые соседние районы бассейна Оби. Данная область составляла ядро Енисейской губернии, а позднее, с небольшими изменениями, и Красноярского края.

Северная часть Средней Сибири еще в первой половине XVII в. была довольно быстро и без заметной борьбы включена в состав Русского государства. Территория Хакасско-Минусинской котловины, т. е. южная часть, присоединена в начале XVIII в. в результате длительной и ожесточенной борьбы с енисейскими кыргызами и джунгарами. Администра-

⁵⁰ Русские старожилы Сибири: Историко-антропологические очерки. М.: Наука, 1973. С. 173.

тивно большая часть ее вошла в состав Красноярского, а меньшая — Кузнецкого уезда.

Территория региона к началу рассматриваемого периода была достаточно редко заселена коренными жителями в таежной зоне и более плотно — в зоне лесостепи и степи. Здесь проживали народы различного происхождения, этническая консолидация которых в большинстве случаев еще не завершилась. Наиболее многочисленными были тюрки: кыргызы, качинцы, шорцы, чулымские тюрки (мелецкие татары); тунгусоязычные кеты и самоеды в совокупности уступали тюркам по численности. Большая часть коренного населения региона в XVII–XIX вв. вошла в состав Русского государства и жила рядом с пришельцами, в основном представителями русской части восточного славянства.

Со второй половины XVIII в. происходит заселение районов вверх по Енисею, пригодных для земледелия: левобережья Енисея до границы сухих степей и более увлажненного правобережья вплоть до хребта Западного Саяна на юге. В течение XIX в. произошло заселение части левобережья Енисея, в основном вдоль Западного Саяна. Заселение шло главным образом с севера. Заселение с запада, т. е. со стороны Кузнецка, было более слабым, и вдоль Кузнецкого Алатау плотность русского населения оставалась незначительной. С началом второго периода освоения Приенисейского края зона контактов славян с тюркоязычным населением и, особенно, кетами и южными самодийцами (камасинцами и др.) *значительно расширилась*.

В XVII–XIX вв., в силу тесного соседства славян с коренным населением, происходили достаточно интенсивные процессы этнического смешения. Наиболее масштабные — в местах широкого крестьянского расселения (территория бассейна Средней Ангары, Красноярской и Канской лесостепей, Среднего Чулыма) и в меньшей степени правобережной части Хакасско-Минусинской котловины.

Среднеангарский район ко времени расселения славян был населен тунгусами, ведшими в основном охотничье-промысловую деятельность. В силу близости проживания и интенсивности культурного воздействия местные тунгусы пе-

рецимали новые методы ведения хозяйства, в том числе земледельческого, крестились и вступали в брачные отношения со славянами. К концу XIX в. эти районы считались уже местами русского крестьянского расселения: «Лишь воспоминанием о прежних тунгусских жителях по Чуне и Бирюсе служит тип ихних обитателей, несколько напоминающий тунгусов»⁵¹.

В Красноярском лесостепном районе в XVIII в. проживало достаточно многочисленное по сибирским масштабам коренное население, представленное кетоязычными аринцами и тюркоязычными качинцами, уже значительно смешанными между собой. Последние упоминая о них здесь относятся к середине XIX в. По переписи 1897 г. качинцы и аринцы в округе Красноярска не упоминаются вовсе. Известно, что в начале XVIII в. значительная их часть из-под Красноярска переселилась в степи Хакасско-Минусинской котловины, опустевшие после увода отсюда джунгарами енисейских кыргызов. Оставшиеся качинцы и аринцы, и до прихода славян знавшие начатки земледелия, к середине XIX в. почти целиком перешли к земледелию и жили в тесном соседстве с крестьянами-славянами, постепенно сливаясь с последними. Часть современных русских старожилов, проживающих в ряде старинных сел под Красноярском (Емельяново, Маганское, Шало, Шивера, Юксево и др.), являются прямыми потомками качинцев и аринцев.

Ушедшие же на юг региона качинцы и аринцы стали крупной составной частью нового, начавшего формироваться тогда этноса, принявшего в начале XX в. название «хакасы»⁵². На этой территории имели место процессы вливания пришлого славянского или смешанного населения в состав коренного, хотя и не столь заметные, как на севере региона (так, например, родоначальником многочисленной хакасской фамилии Орешковых был кузнецкий воевода Б. Сенявин)⁵³; в состав коренных жителей попало немало славян

⁵¹ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. 1. Вып. 2. СПб., 1906. С. 6.

⁵² Левашева В.П. Из прошлого Хакасии. Абакан, 1945. С. 34.

⁵³ Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. Абакан, 1998. С. 3.

из числа ссыльных, беглых людей и дезертиров из армии, не желавших афишировать свое происхождение и предпочитавших числиться самим и своим детям в списках коренного населения (так, не менее многочисленная фамилия Кызласовых включила в свой состав польских ссыльных, попавших в Сибирь в 60-е гг. XIX в. после подавления восстания в Польше)⁵⁴.

Территория Среднего Чулыма к приходу сюда в первой половине XVII в. славян была заселена коренными жителями (чулымскими тюрками) сравнительно редко. Славянское население по Б. и М. Кемчугам и Чулыму к первой половине XVIII в. стало уже достаточно многочисленным. Это связано с тем, что здесь в 30-е гг. XVIII в. прошел Московский тракт, и притрактовая полоса интенсивно заселялась. Проживавшие здесь качинцы, кызыльцы и чулымцы-тюрки привлекались к продовольственному обеспечению и обслуживанию движения по тракту, в силу чего они вступали в интенсивные контакты с переселенцами. В результате близкого соседства процессы этнического сближения были весьма заметными. Так, С.П. Крашенинников, побывавший здесь в 1734 г., отмечал: «Татары, которые живут в Кемчиковых юртах, несравненно лучшее житие имеют. Они так же, как и русские, хлеб сеют, и мелют, и пекут, и юрты их ... никто не назовет татарскою, но русскою деревнею. Бабы их платье русское носят. По руски также всех татар, по Чулыму живущих, говорят лутче»⁵⁵.

Уже к концу XVIII в. не имеется сведений о проживании в притрактовой полосе коренных жителей, все, вероятно, вошло в состав русского населения. Об этом можно говорить с достаточной степенью определенности, учитывая также отсутствие сведений о каких-либо заметных переселениях отсюда местного населения.

В других районах Средней Сибири также проходили процессы вливания коренного населения в состав русского, но

⁵⁴ Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. Абакан, 1998. С. 45.

⁵⁵ Крашенинников С.П. В Сибири. Неопубликованные материалы. М.-Л., 1966. С. 56.

по ряду причин в течение XVII–XIX вв. они были не столь интенсивны. Так, енисейские остяки, родственные аринцам, проживавшие к северу от Красноярского лесостепного района, хотя и были немногочисленны, но значительно дольше сохраняли этническую самобытность и заметные процессы ассимиляции у них фиксировались лишь в конце XIX в.

Незначительными были процессы ассимиляции и у тунгусов, проживавших по рекам Подкаменная и Нижняя Тунгуски, а также у селькупов, северных самодейцев в низовьях Енисея и северных якутов на Таймыре. Объяснялось это рядом факторов, в частности, невысокой численностью здесь постоянного русского населения из-за отсутствия или слабого развития земледелия в силу суровых климатических условий. Как следствие, возможности для широких контактов с коренными жителями отсутствовали, а в сфере экономики русские люди, также занимавшиеся в основном ведением промыслового хозяйства, не могли оказать решающего культурного воздействия на коренное население.

Вероятно, в силу данных обстоятельств, здесь даже происходили обратные процессы, а именно: вливание русских людей в состав коренного населения. Так, в течение указанного периода одной из составляющих частей будущего долганского этноса на Таймыре стала довольно крупная группа русских старожилов — так называемые «затундренные крестьяне»⁵⁶.

В целом в течение XVII–XIX вв. близкое соседство на территории Приенисейского края широко расселившихся в результате аграрного освоения региона славян и коренных жителей привело к заметным процессам взаимной ассимиляции. Как и повсюду в Сибири, численность русского населения здесь сравнивалась с числом аборигенов уже к концу XVII — началу XVIII в., а к концу XIX в. последних здесь уже проживало в несколько раз меньше, чем пришельцев.

Широкое освоение региона русскими оказало заметное воздействие на процессы этнического развития и судьбы

⁵⁶ Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Вып. V. М., 1963. С. 93.

проживавшего здесь коренного населения. Именно массовое расселение русских крестьян и влияние земледельческой культурной традиции стали решающим фактором в имевших место процессах ассимиляции коренного населения, в полном исчезновении к концу XIX в. некоторых его территориальных групп (ангарских тунгусов, красноярских качинцев и аринцев, чулымских тюрок в притрактовой полосе, канских татар, почти всего населения восточной части Минусинской котловины).

Русские старожилы ряда территорий региона к концу XIX в. представляли собой смешанное население, что подтверждается и результатами антропологических исследований, проведенных уже в XX в. в некоторых из этих районов.

В исследованиях процессов этнической идентичности набор основных черт соответствует этнодифференцирующим признакам⁵⁷. К первостепенным этнодифференцирующим признакам относятся язык, речь. К XIX в. сложился значительно отличающийся сибирский говор (более 3000 слов), употреблялись слова, выражения, афоризмы, взаимно понятные собеседникам. Расхождение в говоре было подчас очень велико⁵⁸. Множественные отличия этнографы находят также в одежде, во внешнем облике, привычках поведения и др. Этнодифференцирующие признаки уверенно разглядел в 1860-х гг. в минусинских старожилах этнограф Н.С. Щукин, когда писал об отличиях *сибиряка* от *русского*⁵⁹.

Русские старожилы Красноярского лесостепного района, Средней Ангары, Среднего Чулыма и Канской лесостепи, хотя и осознававшие свое смешанное происхождение, тем не менее считали себя частью восточного славянства, что и подтвердили своими ответами на соответствующие вопросы счетчиков Первой общероссийской переписи населения 1897 г.

⁵⁷ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 158.

⁵⁸ Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 2. (Приложение IV. «Словарь сибирского говора».)

⁵⁹ Щукин Н.С. Народные увеселения в Иркутской губернии // Записки ИГРО. Т. 2. 1869. С. 384.

По мнению исследователей-этнографов, региональное самосознание сибиряков сформировалось к 60-м гг. XVIII в.⁶⁰ Этническое самосознание — один из наиболее надежных показателей этноса, поскольку оно заключается, в первую очередь, в национальной идентификация, т. е. в осознании своей принадлежности к определенной этнической группе. Во-вторых, в формировании (преимущественно неосознанном) представления о типичных чертах своей этнической общности, о свойствах ее как целого.

Элементы самосознания приенисейских крестьян, отношения в границах сибирской общины в значительной степени были обусловлены представлениями старожил о специфике коллективных форм социальной жизни. Община представляла в сознании крестьян важнейшим инструментом коллективной защиты «своего» социума и коллективных интересов: «Здесь власти оставались с крестьянами один на один, обращаясь к ним... через крестьянскую общину...»⁶¹. Процесс выработки адекватных механизмов защиты старожильческого социума предопределил в качестве ведущей форму «показного» подчинения общины государству. Перед посторонними людьми жизнь членов общины старательно маскировалась или скрывалась. Адаптированное самосознание требовало от человека постоянной хитрости, обмана «чужих» по принципу «Правдой век не проживешь»⁶². Современники достаточно верно объясняли психологические установки скрытности приенисейских старожил: «Крестьяне объявляют посев только вполтину или немного более, а остальное скрывают из опасения или по привычке»⁶³.

В таком случае неизбежно возникает вполне логичное предположение, что традиции закрытой внутрисоциальной жизни адекватно требовали ведения «двойной бухгал-

⁶⁰ Андусев Б.Е. Традиционное сознание крестьян-старожил Приенисейского края 60-х гг. XVIII — 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции: Монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. С. 75.

⁶¹ Шелепов Г.Н. Общность происхождения — признак этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. С. 13.

⁶² Там же. С. 20.

⁶³ Там же. С. 21.

терию». Действительно, информаторы второй половины XIX в. подтверждали, что «у старожилов имеется обыкновенно две книги (приходно-расходные книги волостных и сельских обществ.): официальная... и неофициальная...»⁶⁴. От государства часто скрывались поступления от питейных заведений, плата переселенцев за приемные договоры, за освобождение от общественных служб, за аренду общинной собственности и пр. К распространенным способам защиты относились «подарки» и «угощения» по случаю приезда начальства за счет скрываемых доходов, откровенный саботаж требований чиновников.

На основании источников конца XVII в. можно определить, что впервые начинает соотноситься с прежним этническим именем «русские» новое имя «сибиряки». В «Послании митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г.» крайне важна вставка-цитата из подлинных слов красноярцев периода «шатости» 1695–1700 гг.: «Есть ли де... обидят в Сибири худо де, худо *сибиряки* так буде воеводу другого и третьего до смерти убили...»⁶⁵. Это одно из первых зафиксированных документально в Приенисейском крае свидетельств новой идентичности русских людей, проживавших в Красноярске. Поэтому крайне важное соседство двух понятий, «Сибирь» и «сибиряки», относительно принадлежности субъектов исторического события к определенной территории позволяет рассматривать применение самоназвания *кяй* вполне осознанное и стереотипное.

Императрица Екатерина II в последней четверти XVIII в. постоянно соотносила в своих трудах слово «сибиряк» с определенными качественными характеристиками⁶⁶.

В первой половине XIX в. в письмах ссыльных декабристов применялся идентифицирующий и собирательный термин «сибиряки», прежде всего как признак социальной кор-

⁶⁴ Материалы по исследованию земледелия и хозяйственного быта... Г. IV. Вып. 5–6. С. 183.

⁶⁵ «Послание митрополита Игнатия...» // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 175.

⁶⁶ XVIII в. М., 1809. Кн. IV. С. 440.

поративности в границах мира «старожилов». На основании указанных источников данного периода сложно судить о наличии психологической оппозиции в сознании красноярцев по отношению к Европейской России, но наличие территориального этнодифференцирующего признака в «картине мира» уже существует.

Во второй половине XIX в. современники подчеркивали, что «здесь природному, сибирско-русскому старожилу противостоит, как говорят в Сибири, *российский человек*». «Сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком...», — отмечал Н.М. Ядринцев. В качестве «российского человека» сибирский крестьянин выделял прежде всего «еликоросского» ссыльного поселенца или переселенца. «Говоря: вы российский ...этим он... хочет обозначить противоположность себе как *сибиряку*»⁶⁷. Автор данных оценок видит наличие психологической оппозиции «свои — чужие» и делает замечание: «Путешественника сибирское население поражает своим безучастием к тому, что делается за Уралом»⁶⁸.

В сознании приенисейских русских психологическая грань «мы — они» была выражена значительно глубже в местностях, удаленных от губернского центра. Так, в XIX в. специфическую идентификацию имело старожильческое население Туруханского края, именуя себя «смешицы». Не только Европейскую Россию, но даже Южную Сибирь старожилы-смешицы называли Русью. В ответ на приглашение переселиться в Минусинский уезд жители Туруханского края отвечали: «Мало ли чего у вас там, в Руси, не по-нашему лучше». Нет, душе неохота, сердцу неугода». Поэтому процесс принятия новоприбывшего в среду старожилов села Туруханское мог затянуться на многие десятилетия⁶⁹.

В качестве предмета исследования крайне интересна проблема генезиса и эволюции самосознания и этносоциальной идентификации населения Сибири как локальной группы

⁶⁷ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 103.

⁶⁸ Там же. — С.105.

⁶⁹ Шапов А.П. Соч.: В 3 т. СПб., 1906–1908. С. 108.

русского этноса. В процессе адаптации русским в Сибири требовалось постоянно корректировать представления «о характерных чертах своей общности, традициях, территории проживания, установках социальных связей»⁷⁰. Самосознание и идентификация населения в Сибири развивалось под влиянием исторических, социальных и географических факторов. Мотивированные, ценностно упорядоченные установки специфического поведения, влиявшие на образ жизни и культуру населения явились результатом этносоциальной и этнокультурной адаптации во взаимодействии с факторами среды.

Современное состояние вопроса о возможности формирования субэтноса «сибиряки» нашло отражение в материалах этнографических экспедиций Омского государственного университета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, фольклорных экспедиций Омского государственного педагогического университета, проведенных в 1980–1990-х гг. XX в. Обследованим были охвачены различные типы сельских поселений в разнообразных природно-климатических условиях, с различным этническим составом и процентном соотношении русского населения (от 40 до 93%) в Сибири. В ходе работ методом интервьюирования было заполнено более 2000 опросных листов. Респондентами являлись лица русской национальности, принадлежавшие к различным социально-профессиональным и поло-возрастным группам. К моменту исследования, присущее ранее этническому самосознанию деление на локальные, социальные, конфессиональные и другие группы было практически утрачено. Подавляющее большинство опрошенных прежде всего называли себя русскими. При уточняющих вопросах 15% респондентов в 1980-х и 19% — в 1990-х гг. назвали себя *сибиряками*. Несмотря на незначительный промежуток времени, прошедший между первым и вторым опросами, в самосознании русских произошли заметные изменения. Следует

⁷⁰ Кушнин (Кульнев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 70.

отметить возрастающий интерес к истории и культуре своего народа, своей семьи⁷¹.

Таким образом, действительно, в Сибири сложился тип *сибирянина*, отличный даже по ряду антропологических признаков от славян европейской части страны: высокий рост, широкие скулы и т.д.⁷² Но окончательного сложения сибиро-русской народности, *сибиряков* в Сибири не произошло в силу ряда причин, главной из которых является постоянный приток новых переселенцев, особенно интенсивный с начала XX в.

2. Классификации народов Сибири

Сибирь — обширная географическая область от Урала до Тихого океана, в пределах которой с глубокой древности формировались своеобразные этнолингвистические общности и хозяйственно-культурные типы коренного населения. Историко-этнографическое изучение Сибири имеет большое научное значение для установления региональных этнокультурных особенностей населяющих ее народов, в историческом и современном этнографическом аспекте.

Этногенез и этническая история. Коренные народы Сибири исторически взаимодействовали друг с другом и с народами соседних историко-культурных областей Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии, Центральной Азии и Дальнего Востока. Эти этнокультурные взаимодействия оказались усиленными и обогащенными на более высоком уровне вследствие включения многочисленных этносов Сибири в состав Российского централизованного государства, а также начавшегося с XVII в. формирования местных, *сибирских*, очагов пришлого русского населения. До 1917 г. Сибирь по преобладающей массе населения и по важнейшим экономи-

---

⁷¹ Жигунова М.А. Культура русских в Сибири: Традиции и современность // Культурологические исследования в Сибири. Вып. 2. Омск, 1999. С. 14.

⁷² Кошелев Я.Р. Русская фольклористика Сибири (XIX–XX вв.). Томск, 1962. С. 106.

ческим связям была настоящей «русской стороной» — органической составной частью аграрно-индустриальной России. Коренное нерусское население, сохранившее свои этнические территории, родные языки и традиционные культурно-бытовые особенности, было повсеместно вовлечено в тесные хозяйственно-экономические связи с русскими соседями.

Согласно данным на 1989 г., среди старожилов преобладают русские, прочно освоившие не только южную лесную и лесостепную часть Сибири, но и многие удаленные места северной и северо-восточной Сибири и Дальнего Востока.

Коренное население Сибири численно также возрастает, составляя в настоящее время несколько более миллиона человек. В этнолингвистическом отношении это население весьма дробно распределяется по многим отдельным народам и группам различной численности. Наиболее крупные коренные народы Сибири⁷³: буряты (353000), куты (328000) тувинцы (166000). Средней численности народы — западносибирские татары (до 100000), хакасы (71000), алтайцы (60000).

Другие народы (их насчитывается до 39) по причине малочисленности и сходных особенностей промыслового быта отнесены к группе «малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»⁷⁴ (общая численность — 288020 человек). Среди них выделяются ненцы (41000), эвенки (35000), чукчи (16000), эвены (19000), нанайцы (12000), манси (12000), коряки (9000)⁷⁵. Остальные народы севера Сибири совсем небольшие (энцы, чулымцы и пр. — численностью до тысячи человек), но этнографически они представляют значительный интерес⁷⁶.

Лингвистическая и антропологическая классификация народов Сибири помогает понять многие вопросы их этни-

⁷³ Расселение народов СССР по союзным республикам по переписи на 1989 г. // Союз. 1990. № 32. С. 12.

⁷⁴ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Госкомстат России, 2003.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Расселение народов СССР по союзным республикам по переписи на 1989 г. // Союз. 1990. № 32. С. 12.

ческой истории. Современные исследования отмечают большое своеобразие языковой ситуации в среде коренного населения Сибири. Ведущей тенденцией является, наряду со свободным развитием родной речи и письменности, распространение двуязычия (знание наряду с родным языком русского или языка какой-либо соседней народности) и расширение функций русского языка во всех сферах общественной жизни.

Народы Сибири принадлежат к различным языковым семьям и группам. По численности говорящих на родственных языках на первом месте стоят народы алтайской языковой семьи (Саяно-Алтай, Прибайкалье, районы Западной и Восточной Сибири)⁷⁷. Алтайская языковая семья в пределах Сибири делится на три ветви: тюркскую, монгольскую и тунгусскую.

Первая ветвь тюркская, к ней принадлежат: алтае-саянские народы — алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, чулымцы, карагасы, или тофалары; западносибирские — тобольские, тарские, барабинские, томские и другие татары; на Крайнем Севере — якуты и долганы. К монгольским по языку народам в Сибири принадлежат только буряты, расселенные группами в западном и восточном Прибайкалье.

В тунгусскую ветвь алтайских народов входят эвенки (тунгусы), обитающие рассеянными группами на притоках Верхней Оби до Охотского побережья и от Прибайкалья до Ледовитого океана; эвены, расселенные в северной Якутии, на Охотском побережье и Камчатке; также ряд небольших народностей Нижнего Амура — нанайцы (гольды), ульчи, или ольчи, негидальцы; Уссурийского края — орочи и удэ (удэгейцы); Сахалина — ороки.

В Западной Сибири с отдаленных времен формировались этнические общности уральской языковой семьи. Это угорские народы — ханты и манси. К самодийским (самоедо-язычным) принадлежат селькупы на Средней Оби, энцы в низовьях Енисея, нганасаны на Таймыре, ненцы, населяющие лесотундру и тундру от Таймыра до Белого моря.

⁷⁷ Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 56.

Целый ряд народов Сибири по установившейся научной традиции называют «палеоазиатами», предполагая в них потомков древнейших обитателей азиатской части России. Вопрос этот очень сложный, так как современным ученым ясно, что нынешние языки весьма различны в лингвогенетическом отношении. Только три «палеоазиатских» народа — чукчи, коряки и, вероятно, ительмены — составляют генетическое языковое единство, группу чукотско-камчатских языков.

Современная наука располагает некоторыми данными относительно того, что «палеоазиатским» эскимосскому и чукотско-камчатским языкам на крайнем северо-востоке Азии в отдаленные времена предшествовали какие-то иные языки (соответственно, и этнические группировки), которые и могут считаться, по-видимому, древнейшими «палеосибирскими»⁷⁸.

О том, что в глубинных этногенетических основаниях многих народов Сибири залегают очень древние «аборигенные пласты», свидетельствуют данные антропологии. Все коренные народы Восточной Сибири и Дальнего Востока монголоидны по основным особенностям их антропологических типов. Монголоидами, видимо, были и древние обитатели верхнепалеолитических стоянок этого региона (пример: костные останки архаического монголоида на Афонтовой горе в Красноярске). Монголоидный тип населения Сибири генетически мог зародиться только в Центральной Азии. Археологи полагают, что именно эпоха верхнего палеолита с его высокоразвитой охотничьей культурой была наиболее подходящим историческим временем для широкого заселения Сибири и Дальнего Востока «азиатским» — монголоидного облика — древним человеком⁷⁹.

У коренных народов к западу от Енисея наблюдается заметное ослабление монголоидных признаков; здесь преобладает уральская раса во многих ее разновидностях, возникающая в целом как следствие давнего и неоднократного смешения монголоидных и европеоидных групп. Разные ва-

⁷⁸ Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982. С. 291.

⁷⁹ Там же.

рианты этой расы представлены среди хантов, манси, селькупов, ненцев, западносибирских татар, северных алтайцев и шорцев.

Историческим следствием процессов, развивавшихся в системе широкого межплеменного обмена продуктами и способами предметно-культурной деятельности, явилось формирование 5 историко-этнографических областей:

- 1) западно-сибирской (с южным, примерно до широты Тобольска и устья Чулыма на Верхней Оби, и северным, таежным и субарктическим, регионами);
- 2) алтае-саянской (горнотаежной и лесостепной смешанной зоны);
- 3) восточносибирской (с внутренней дифференциацией промысловых и сельскохозяйственных типов тундры, тайги и лесостепи);
- 4) амурской (или амуро-сахалинской);
- 5) северо-восточной (чукотско-камчатской).

Выделенные хозяйственно-культурные типы и региональные историко-этнографические области характеризуют собой историко-этнографическое многообразие Сибири по данным археологии, лингвистики и антропологии⁸⁰.

Ко времени прихода русских в Сибирь коренные народы не только лесостепной полосы, но также тайги и тундры отнюдь не находились на той стадии социально-исторического развития, которую можно было бы считать глубоко первобытной. Социально-экономические отношения в ведущей сфере производства условий и форм общественной жизни у многих народов Сибири достигли довольно высокой степени развития уже в XVII–XVIII вв. Этнографические материалы XIX столетия констатируют преобладание у народов Сибири отношений патриархально-общинного строя.

Основной социально-производственной единицей социальной структуры у народов Сибири была территориально-соседская общность, внутри которой воспроизводились, передавались от поколения к поколению и накапливались

⁸⁰ Народы Сибири. История и культура. Новосибирск, 1997. С. 69.

все необходимые для существования и производственного общения материальные средства и навыки, общественные и идеологические отношения и свойства.

В бытовой сфере народов Сибири, в их генеалогических представлениях и связях долгое время сохранялись живые остатки отношений патриархально-родового строя. К числу таких стойких явлений следует отнести родовую экзогамию, распространенную на довольно широкий круг родственников в нескольких поколениях. Существовали многие традиции, подчеркивавшие святость и нерушимость родового начала. Высшей добродетелью считалась родственная взаимопомощь и солидарность даже в ущерб личным интересам и делам. В центре внимания этой родовой идеологии находилась разросшаяся отцовская семья и ее боковые линии. Этнографы полагают, что в истории народов Сибири отцовско-родовой строй представлял собой самостоятельную, весьма длительную стадию развития первобытнообщинных отношений.

Производственные и бытовые отношения между мужчинами и женщинами в семье и локальной общине строились на основе разделения труда по полу и возрасту. Значительная роль женщины в домашнем хозяйстве была отражена в идеологии многих сибирских народов в форме культа мифологической «хозяйки очага» и связанного с ним обычая «хранения огня» реальной хозяйкой дома.

Хозяйственно-культурные типы коренного населения Сибири. Это прежде всего формы хозяйственного и материально-бытового уклада скотоводов и земледельцев-татар лесостепной полосы Западной Сибири, тюркских народностей (тувинцев, хакасов, алтайцев, шорцев) Алтае-Саян, западных и восточных бурят Прибайкалья, восточносибирских (ленско-алданских) якутов. У всех этих народов к периоду прихода русских скотоводство было развито значительно больше земледелия.

С XVIII в. земледельческое хозяйство занимает все большее место у западносибирских татар, распространяется оно и среди традиционных скотоводов южного Алтая, Тувы и Бурятии. Соответственно изменялись и материально-быто-

вые формы: возникали прочные оседлые поселения, кочевнические юрты и полуземлянки сменялись бревенчатыми домами. У алтайцев, бурятов и якутов долгое время бытовали многоугольные срубные юрты с конической крышей, по внешнему виду имитирующие войлочную юрту кочевников.

Традиционная одежда⁸¹ скотоводческого населения Сибири была сходна с центральноазиатской (например, монгольской) и относилась к типу распахной (меховой и матерчатый халат). Характерной одеждой южноалтайских скотоводов была длиннополая овчинная шуба. Замужние женщины-алтайки (как и бурятки) поверх шубы надевали своего рода длинную безрукавку с разрезом спереди. Якутки тоже носили длиннополый меховой кафтан, по покрою близкий алтайскому, но в отличие от последнего — с рукавами. Русская торговля в Сибири способствовала широкому распространению, особенно в XIX в., русских тканей и матерчатой одежды по русским народным образцам.

Наибольший этнографический интерес представляют хозяйственно-культурные типы промыслового населения Севера. Рыболовство в качестве основного занятия преобладало в бассейне Оби (у хантов, манси, селькупов), в нижнем течении Амура (у нивхов, ульчей, нанайцев), на Камчатке (у ительменов), а также у «пеших» коряков и эвенов Охотского побережья. Применялись различные способы и снасти круглогодичного рыбного промысла. Главная цель этого добывающего хозяйства — массовый улов, различные виды переработки рыбной продукции для текущего потребления и заготовки впрок. Обычно рыбу вялили и сушили, часть ее сохраняли в квашеном виде в ямах. Вытапливали рыбий жир и смешивали его с сушеной рыбой. Рыбьи кожи специально обрабатывались для изготовления одежды и обуви. Охота имела вспомогательное значение.

С оседлым рыболовческим бытом связаны такие элементы материальной культуры, как коллективные зимние землянки, наземные берестяные чумы и даже свайные «балага-

---

⁸¹ Народы Сибири. История и культура. Новосибирск, 1997. С. 69.

ны» (Камчатка) в качестве жилища, применение ездового (санного) собаководства.

Обские ханты имели ткацкий станок для изготовления ткани из крапивы. В XIX в. рыболовы низовьев Амура стали переходить к теплому наземному жилищу типа фанзы, а обские рыболовы — к бревенчатым юртам, отапливаемым пристенным камином — «чувалом». Все группы сохранили меховую долгополую одежду в качестве зимней и обыденной летней, но вместе с тем стали носить покупную тканевую одежду.

В обширной таежной зоне Сибири на основе древнего охотничьего уклада сформировался специализированный хозяйственно-культурный комплекс охотников-оленоводов, к которым относились эвенки, эвены, юкагиры, ороки, негидальцы. Промысел этих народов состоял в добывании диких лосей и оленей, мелких копытных и пушных зверей. Рыболовство почти повсеместно являлось вспомогательным занятием. В отличие от оседлых рыболовов охотники-оленоводы тайги вели кочевой образ жизни. Таежное транспортное оленеводство — исключительно вьючно-верховое.

Материальная культура охотничьих народов тайги была полностью приспособлена к постоянным передвижениям. Характерный пример — эвенки. Жилищем у них служил конический чум, покрытый оленьими шкурами или выделанными кожами, замшей (ровдугой), а также сшитой в широкие полосы вываренной в кипятке берестой. При частых перекочевках эти покрывки перевозились во вьюках на домашних оленях. Для передвижения по рекам эвенки пользовались берестяными лодками, настолько легкими, что их без труда мог переносить на спине один человек. Превосходны эвенкийские лыжи: широкие, длинные, но весьма легкие, подклеенные шкурой с ноги лося. Старинная одежда эвенков была приспособлена к частой ходьбе на лыжах и езде верхом на олене. Эта одежда из тонких, но теплых оленьих шкур — распашная, с не сходящимися спереди полами, грудь и живот закрывались меховым нагрудником.

Типичными оленеводами тундры являлись ненцы, оленьи чукчи и коряки. Оленеводство имело не только транс-

портное значение, но было основным источником средств существования. Охота и рыболовство у них имели лишь вспомогательное значение.

Оленеводы тундры круглый год кочевали, передвигаясь со своими стадами с зимних пастбищ (у границ тайги) на летние (близ морского побережья), а осенью снова откочевывая к границам леса. Ненцы имели специальных пастушеских собак, которые помогали им собирать и охранять стадо от волков. Чукчи и коряки пастушеских собак не держали. В любое время года оленеводы тундры ездили на легких санках-нартах, запряженных 2–5 оленями⁸².

Материальная культура оленеводов небогата, но она удивительно приспособлена к кочевому быту и тяжелым природным условиям. Число предметов обихода сведено до возможного минимума. Жилищем ненцам служил разборный конический чум с остовом из шестов, покрытый оленьими шкурами. Посуда употреблялась деревянная, только для варки пищи приобретали у русских металлический котел⁸³. Одежда была исключительно меховая, в виде длинного мешка с рукавами и капюшоном, надевалась через голову. В холодное время надевали малицу из оленьих шкур шерстью внутрь, а поверх — совик, или сокуй, из таких же шкур, но шерстью наружу. Обувью служили высокие меховые сапоги — пимы.

Жилище кочевых чукчей и коряков — *яранга* — отличалось от конического чума ненцев тем, что остов ее сооружался из шестов различной длины и состоял из двух частей: нижней цилиндрической и верхней конической. Внутри яранги, покрытой сверху оленьими шкурами, устанавливался дополнительный полог — закрытое со всех сторон кубической формы помещение из оленьих шкур. Если ненцы отапливали чум открытым очагом (костром), то чукчи и коряки свою ярангу — плоской с жиром, в которой горел фитиль из скрученной жгутом травы.

⁸² Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982. С. 300.

⁸³ Там же.

Арктическими охотниками на морского зверя в Сибири были эскимосы, оседлые чукчи и коряки, жившие не в тундре, а на морском побережье Чукотки. Весь их хозяйственный цикл состоял в промысле тюленей (зимой и весной) и моржей (весной и летом). Морского зверя били гарпуном с поворотным отделяющимся наконечником. Зимой охотник подстерегал добычу у проделанных тюленем (нерпой) отдушин (отверстий) во льду, а весной и летом выходил на промысел в море на легкой лодке, состоящей из деревянного каркаса, обтянутого кожей. Для передвижения по суше использовались собаки, запряженные в нарты.

Некогда приморские жители обитали в землянках, имевших ход сверху, через дымовое отверстие, но уже в XIX в. они стали сооружать яранги такого же типа, как и оленеводы чукотской тундры. Традиционная одежда тех и других была меховой, двухслойной: нижняя — шерстью к телу, верхняя — шерстью наружу; будучи нераспашной (глухой), она надевалась через голову.

К концу XVIII в. промысловики стали широко использовать огнестрельное оружие. Это облегчило и количественно умножило добычу крупных животных. К исконным промыслам стали добавляться новые занятия — более развитое оленеводство, использование тягловой силы лошадей, земледельческие опыты, зачатки ремесла на местной сырьевой базе и т. д. Вследствие всего этого изменялась и материально-бытовая культура коренных жителей Сибири⁸⁴.

Духовная жизнь. Религиозно-мифологические представления и различные религиозные культы народов Сибири менее всего поддавалась прогрессивному культурному воздействию. Наиболее распространенной формой верований у народов Сибири был шаманизм.

Отличительной чертой шаманизма является вера в то, что определенные люди — шаманы — имеют способность, приведя себя в исступленное состояние, вступать в непосредственное общение с духами — покровителями и помощниками шамана в борьбе с болезнями, голодом, пропажами

⁸⁴ Там же.

и прочими несчастьями. Шаман обязан был заботиться об успехе промысла, удачном рождении ребенка и т. д.

Шаманизм имел несколько разновидностей, соответствующих различным стадиям общественного развития сибирских народов. У наиболее отсталых народов, например ительменов, шаманить могли все, особенно старые женщины. У чукчей наряду с наличием профессиональных шаманов существовали шаманские обряды, которые исполнялись главами семей во время семейных празднеств.

У некоторых народов функции шамана составляли особую специальность. Профессиональное шаманство расцветает в период распада патриархально-родового строя. Шаман становится особым лицом в общине, противопоставляющим себя непосвященным сородичам, живет доходами со своей профессии, которая становится наследственной. Именно такая форма шаманизма наблюдалась у эвенков и тунгусоязычного населения Амура, у ненцев, селькупов, якутов.

У бурят шаманизм приобрел усложненные формы под воздействием буддизма, а с конца XVII в. вообще стал сменяться этой религией. Среди народов Алтае-Саян распространился тот же буддизм (в Туве), частью христианство (у хакасов и алтайцев), а в связи с ними появились и новые верования (так называемый бурханизм — поклонение богу Бур-хану). Западносибирские татары некогда исповедовали шаманизм, но с XVI в. он был вытеснен исламом⁸⁵.

У народов Сибири существовали и другие формы религии, частью связанные с шаманством, частью бытовавшие отдельно от него. К категориям таких самостоятельных верований можно отнести семейно-родовой культ. У нивхов культ медведя был чисто родовым культом, во время свершения которого шаману не дозволялось камлать. У ненцев существовало развитое шаманство, но изображения семейных духов-покровителей изготавливали и хранили главы семей.

Известен также промысловый культ, состоящий в жертвоприношениях «хозяевам» природы, духам-покровителям. Этот культ местами увязывался с шаманизмом, но чаще но-

⁸⁵ Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982. С. 301.

сил характер родового и даже индивидуального культа. Например, ненцы, приступая к промыслу, каждый в отдельности приносили жертвы — покровителям охоты и рыболовства⁸⁶.

Русское правительство начиная с XVIII в. усердно поддерживало миссионерскую деятельность в Сибири православной церкви, причем христианизация нередко проводилась принудительными мерами. К концу XIX в. большинство сибирских народов было формально крещено, однако их собственные верования не исчезли и продолжали оказывать немалое воздействие на мировоззрение и поведение коренного населения.

Таковы основные черты культуры многочисленных этнотерриториальных групп в Сибири. Продолжение этнографических исследований позволит решить проблему этнокультурного развития коренного населения в Сибири, может способствовать разработке программ по сохранению и возрождению традиций культуры народов Сибири, Севера и Дальнего Востока.

3. Коренные народы юга Красноярского края — хакасы

Расселение — Красноярский край.

Население — 80300 человек⁸⁷.

Язык — хакасский, тюркской группы алтайской семьи, имеет 4 диалекта: качинский, сагайский, кызыльский и шорский. Около 23% хакасов считают родным русский язык.

Религия. Большая часть хакасов придерживается традиционных верований, несмотря на то, что в 1876 они были официально обращены в православие.

Материальная культура. Жилищем служила юрта. До середины XIX в. бытовала переносная круглая каркасная

---

⁸⁶ Вахтин Н. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. — СПб., 1993. С. 29.

⁸⁷ Расселение народов СССР по союзным республикам по переписи на 1989 г. // Союз. 1990. № 32. С. 13.

юрты, летом покрытая берестой, а зимой войлоком. Чтобы войлок не намокал от дождя и снега, его сверху еще закрывали берестой⁸⁸.

С середины XIX в. на зимниках стали строить стационарные срубные юрты шести-, восьми- и десятиугольные, а у баев двенадцати- и даже четырнадцатигульные. В центре юрты располагался очаг, над ним в крыше делалось дымовое отверстие. Очаг был выложен из камня на глиняном поддоне. Дверь юрты ориентировалась на восток.

Основным видом одежды у мужчин служила рубаша, у женщин — платье. Для повседневной носки их шили из хлопчатобумажных тканей, праздничные — из шелка. Мужская рубаша кроилась с разрезом на груди и отложным воротником, застегивающимся на одну пуговицу. Спереди и сзади ворота делались складки, благодаря чему рубаша была очень широка в подоле. Женское платье имело такой же покрой, но значительно длиннее. Задний подол делался длиннее переднего и образовывал небольшой шлейф. Предпочитались для платья красные, синие, зеленые, коричневые, бордовые и черные ткани. Женское платье никогда не подпоясывалось (за исключением вдов).

Поясная одежда мужчин состояла из нижних и верхних штанов. Мужские халаты обычно шили из сукна, праздничные — из плиса или шелка. Длинный шалевый воротник, обшлага рукавов и борта обшивались черным бархатом. Халат, как и любая другая мужская верхняя одежда, обязательно подпоясывался кушаком. С левой его стороны прикреплялся нож в деревянных, орнаментированных оловом ножнах, за спиной привешивалось за цепочку огниво с инкрустацией из кораллов.

Замужние женщины носили коралловые сережки. Кораллы покупались у татар, которые привозили их из Средней Азии. Девушки до замужества носили множество косичек с украшениями. Замужние женщины носили две косы. Старые девы носили три косички. Женщины, имевшие вне-

⁸⁸ Библиотека энциклопедий для юношества. Т. I. М.: Педагогика-Пресс, 2001. С. 105.

брачного ребенка, были обязаны носить одну косу. Мужчины носили косичку, с конца XVIII в. стали подстригать волосы «под горшок».

Основной пищей хакасов служили зимой мясные, а летом молочные блюда. Распространены были супы и бульоны с отварным мясом, наиболее популярные — крупяной и ячменный. Праздничным блюдом считалась кровяная колбаса. Основной напиток — айран, из кислого коровьего молока.

Традиционным занятием хакасов являлось полукочевое скотоводство. Разводили лошадей, крупнорогатый скот и овец, почему хакасы называли себя «трехстадным народом». Значительное место в хозяйстве хакасов (кроме качинцев) занимала охота. Ко времени присоединения Хакасии к России ручное земледелие было распространено только в подтаежных районах. Основная посевная культура — ячмень. Осенью, в сентябре, подтаежное население Хакасии выезжало на сбор кедрового ореха. Весной и в начале лета женщины и дети выходили на промысел съедобных кореньев. Сушеные корни мололи на ручных мельницах, из муки делали молочные каши, пекли лепешки и т.д. Занимались выделыванием кож, катанием войлоков, ткачеством, свиванием арканов и т.д. В XVII-XVIII вв. хакасы добывали руду и считались искусными плавильщиками железа.

Обычаи, традиции. Годовой цикл отмечен рядом праздников. Весной после окончания посевных работ отмечали Урсп Хурты — праздник убиения зернового червя, посвящавшийся благополучию посева. В начале июня, после перекочевки на летник, — праздник первого айрана. На праздниках устраивались спортивные состязания: бега, конные скачки, стрельба из лука, борьба.

Был развит шаманизм. Шаманы занимались лечением и возглавляли общественные моления. На территории Хакасии насчитывается около 200 родовых культовых мест, где совершались жертвоприношения (белого барашка с черной головой) верховному духу неба, духам гор, рек и пр. Они обозначались каменной стелой, алтарем или насыпанной каменной грудой, рядом с которыми на березки привязывали красно-бело-синие ленточки. Поклонялись также до-

машинному очагу, семейным фетишам. Во время моления, после каждого ритуального обхода алтаря, все опускались на колени (мужчины — на правое, женщины — на левое) и троекратно припадали лицом к земле, по направлению к восходу солнца.

Вера в силу магического воздействия слова выражена у хакасов в канонизированных формах благопожеланий и проклятий. Благопожелания имел право произносить только зрелый человек, старше 40 лет, в противном случае каждое его слово могло принять обратный смысл.

Наиболее распространенным и почитаемым жанром фольклора является героический эпос. Он насчитывает до 10–15000 строк, исполняется низким горловым пением под аккомпанемент музыкальных инструментов. Сказители пользовались большим уважением, их приглашали в гости в разные концы Хакасии, в некоторых родах они не платили податей.

В XVIII в. брак у этнических подразделений, получивших впоследствии название хакасов, был экзогамным, практиковалось многоженство. За невесту сторона жениха давала выкуп-калым. Часто сватовство устраивали, когда жених и невеста были еще детьми. По достижении ими брачного возраста и в условленное время назначали свадебный пир: закалывали лошадей, коров, баранов, плясали, пели песни⁸⁹.

В свадебных обрядах отдельных групп хакасской народности имелись различия. Так, у *кизильцев* на свадебном пире жених должен был бороться с родственниками своей будущей жены. Борьба кончалась победой жениха⁹⁰. У *качинцев* калым хотя и существовал, но не был обязательным, зато требовалось приданое. На свадьбу они устраивали два пира: один — в доме родителей невесты, другой — у жениха. Канские татары, не имевшие скста, могли платить калым «битыми сохатыми зверьми», козами или квашеной сараной⁹¹.

⁸⁹ *Готалов Л.Л.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Хакаское обл. гос. изд-во, 1952. С. 117.

⁹⁰ Там же. С. 122.

⁹¹ Там же. С. 128.

В XIX — начале XX в. браки заключались с уплатой калыма через сватовство или похищением (увозом). Обычно увоз девушки совершался с ее согласия. Если же такого согласия не было, то парень, украв девушку, скакал с ней на лошади до тех пор, пока не получал от нее согласия. Лишь после этого он мог ввести ее в юрту. Примирение сторон происходило через несколько месяцев. Отец и родственники жениха с подарками отправлялись в улус невесты. Здесь происходил обряд наказания отца жениха отцом невесты. После нескольких приездов договаривались о размере калыма и устройстве свадебного пира. Невесту снова привозили в юрту жениха, обводили ее три раза вокруг юрты. Затем устраивалась такая же церемония, как и при заключении брака сватовством.

При заключении браков «по согласию» жениха и невесту просватывали еще в малолетнем возрасте. Поездки жениха в улус невесты совершались с детства и сопровождались подарками, число которых с приближением времени вступления в брак увеличивалось. Наконец родители невесты назначали день свадьбы. К отцу невесты отправлялись сваты, жених ставил новую юрту, а невеста в это время объезжала свою родню в сопровождении молодежи. Приданое невесты отправляли в улус жениха.

Попрощавшись с домашними, невеста со свахой и в сопровождении родственников и молодежи отправлялась в улус жениха. Невеста ехала на коне, лицо ее было закрыто платком. Подъехав и юрте жениха, все объезжали ее три раза. Невесту вводили в юрту. Здесь ей переплетали волосы в две женские косы и закладывали их за ворот рубахи. Сваха со стороны жениха выводила невесту, закрытую полою халата, из юрты, они молились солнцу и месяцу и после этого заходили в юрту отца жениха. Свадебный пир сопровождался песнями и играми. На следующий день невеста могла открыть лицо. Через три месяца молодые отправлялись в гости к отцу невесты⁹².

⁹² Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 25.

У *кизилцев* браки похищением не практиковались, но традиционной свадьбе предшествовало венчание по церковному обряду. Свадебный пир после венчания устраивался сначала в улусе невесты, здесь перед молодыми состязались два хора песенников. Потом молодые отправлялись в улус жениха, где устраивалось такое же празднество. На следующий день после свадьбы родственница жениха водила невесту, закрытую покрывалом, по всем родственникам. Невеста, переходя из юрты в юрту, кланялась солнцу. Но уже в середине XIX в. этот обряд вышел из употребления.

У *сагайцев*, напротив, браки похищением были правилом. Л. П. Потапов выделил 7 частей в их свадебном обряде: 1) привоз похищенной невесты в улус жениха и заплетение кос в свадебном жилище; 2) прибытие погони и сватовство; 3) мировая сделка с битьем сватов плеткой (в доме родителей невесты) и назначение калыма; 4) средняя (вторая) мировая; 5) третья мировая; 6) пир у жениха; 7) пир у невесты. После свадьбы невеста совершала поклонение огню⁹⁵.

4. Коренные народы Красноярского края — чулымцы

Расселение — Красноярский край и Томская область.

Язык: говорят на чулымско-тюркском языке тюркской группы алтайской семьи. Диалекты: нижнечулымский и среднечулымский.

Религия — православие.

Поселения чулымцев располагаются около рек, стариц и озер, что связано с одним из основных занятий — рыболовством. Зимой переселялись на охотничьи стойбища. Охота к началу XX в. приобрела в основном товарное пушное направление. Подсобную роль играли собирательство съедобных и лекарственных растений, промысел кедрового ореха, заготовка талового лыка, черемухи, бересты, крапивы и

⁹⁵ Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан: Хакаское обл. гос. изд-во, 1952. С. 209.

конопли (для получения волокна для пряжи); ягод. Имеются сведения о примитивном ручном земледелии до прихода русских. Позднее здесь распространилось плужное земледелие. До появления русских выращивали в основном ячмень и просо, позднее — рожь, овес и пшеницу. Скотоводство было развито слабо. Домашние ремесла: ткачество: изготовление веревок, сетей, посуды (берестяной, деревянной и плетеной из прутьев или коры), лодок, лыж, нарты; кожевенное дело; плотницкие работы и т.д. Большая часть современных чулымцев занята наряду с русскими сельским хозяйством, в лесной промышленности.

Передвигались верхом на лошадях, на запряженных лошадьми телегах и санях, волокушах, ручных нартах (шанак, чанак), иногда с подпряжением одной или двух собак, на долбленных, дощатых и берестяных лодках (кеме, каюк), плотах, лыжах, подшитых мехом. Традиционные средства передвижения частично сохраняются в настоящее время.

Традиционные поселения — улусы, зимние и летние. В летних занимались земледелием, выпасом скота, рыболовством; в зимних — охотой. К XIX—XX вв. были вытеснены постоянными поселениями, подобными русским деревням и селам; часто селились вместе с русскими. В отдельных местах поселения назывались юртами.

Традиционные жилища — землянки, срубные полуземлянки с крышей полупирамидальной формы, срубные юрты прямоугольной и многоугольной формы с конусообразной крышей из досок или бересты; временные жилища — чумы из жердей, крытые берестой, войлоком или рогожей. С XVIII в. основным типом жилища становится русская изба, в XIX в. — пятистенные и крестовые срубные дома. В интерьере жилищ в каждой группе чулымцев имелись свои особенности; характерны глиняные низкие печи для приготовления пищи, нары или лавки, сундуки, полки с образами и домашней утварью. Основные хозяйственные постройки — амбары, хлевы, сарай, бани, крытая часть двора или загороди для скота.

Одежда состояла из рубахи и штанов. Женские рубахи шились из холста, праздничные платья тупикообразного покроя — из ситца или шелка, часто оторочивались мехом.

Штаны первоначально делались из налимьих шкур, позднее — холщовые. И женщины, и мужчины носили камзолы, отороченные мехом. Зимой женщины ходили в беличьих или лисьих шубах, покрытых шелком. На голову надевали белые или алые колпаки, покрывала, полусферические шапки из красного бархата, опушенные лисьим мехом, с длинными красными шелковыми кистями, пришитыми к верху, зимние меховые шапки. Мужчины носили рубахи из хлопчатобумажной ткани, обычно синего цвета, кафтаны со стоячим воротником, опушенным мехом росوماхи или выдры, халаты, суконные штаны. Зимой — тулупы, шубы, дохи из козьих и оленьих (лосиных) шкур, опушенные мехом, шапки типа ушанок.

В летнее время чаще ходили босиком, носили поршни (короткая овально-загнутая спереди и сзади обувь), чирки (невысокая обувь с отдельно выкроенной мягкой подошвой и голяшкой), сапоги (в прошлом из налимьих шкур, позднее из кожи) с косо срезанным верхом голенища, обувь из тальниковых прутьев, мягкие унты из козлиной кожи, охотничьи сапоги-бродни, кожаные башмаки. В XVIII–XIX вв. национальная одежда вытесняется русской.

Женщины заплетали несколько кос, носили подвески-монеты, серьги, бусы, браслеты, кольца, перстни.

Основу традиционной пищи составляли рыба, дичь и дикие растения. Рыбу вялили, сушили и коптили. С XIX в. распространение получили хлеб, мучные и молочные продукты, мясо (особенно конина). Потребляли грибы и свинину. До конца XIX в. заквашивали на зиму в яме высушенные ячмень, сарану и другие растения. Многие молочные блюда (творог, сыр), супы (щи, борщи), напитки (квас, брага, пиво, вино) заимствованы у русских. Из национальных блюд сохранились уха, толченая, вяленая или сушеная рыба; талкан — болтушка из молотых зерен или муки.

Обычаи, традиции. Традиционные верования, шаманизм. Шаманские атрибуты: белый платок, ожерелье из белых бус, сапоги, погремушка, ложка для кормления духов и пр. Было распространено поклонение изображениям духов — родовых, семейных и личных покровителей (у женщин чаще все-

го в виде птицы, у мужчин — в виде заячьей шкурки), хозяев природы, жилищ и т. д., культовых предков, тотемов, священных деревьев и др. Изображения духов хранили в амбарах. Наряду с именами, данными при крещении, детям давали свои имена.

Дохристианские элементы сохранялись в погребальном обряде: с покойником укладывали в могилу (или на могилу) его вещи (трубку, огниво, охотничьи принадлежности, кисет и т. п.), устраивали тризну около могилы, разводили огонь и прыгали через него.

Сохраняется традиционный фольклор, орнаментальное искусство на изделиях из дерева, бересты, тканей и кожи, близкое к искусству северных алтайцев, хакасов, шорцев. У русских заимствовали способы украшения наличников окон и карнизов домов и многие орнаментальные мотивы⁹⁴.

5. Малочисленные народы Красноярского края — кеты

Расселение — северная часть Красноярского края.

Население — 2000 человек (из них владеющих родным языком 1000)⁹⁵.

Язык — кетский, подразделяется на имбатский и сымский диалекты, значительно отличающиеся друг от друга фонетикой, морфологией и лексикой.

Религия — православие.

В традиционной культуре кетов сочетались элементы культур пеших рыбаков и охотников таежной зоны (землянка, способы заготовки продуктов впрок, меховая парка и составная обувь, культы земли, промысловых животных и пр.) и южно-сибирских и центрально-азиатских кочевников (чум, халатообразная одежда, кузнечество, шаманство и т. п.).

⁹⁴ Библиотека энциклопедий для юношества. Т. I. М.: Педагогика-Пресс, 2001. С. 125.

⁹⁵ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Госкомстат России, 2003.

Исконные занятия — рыболовство, охота на лося и оленя, водоплавающую и боровую дичь. С введением ясака, а затем развитием товарных отношений первое место заняла пушная охота (на соболя, белку и др.). Заимствованное во второй половине XVII–XVIII вв. у самодейцев (ненцев, энцев) транспортное оленеводство распространилось не у всех кетов. Часть их, в том числе вся подкаменнотунгусская группа, оставались безоленными.

Домашними занятиями мужчин были обработка дерева, кости, кузнечество. Кетские луки и орудия труда (ножи, скребки) славились на Енисейском Севере и являлись предметом обмена. Женщины выделывали шкуры (зверей, птиц и рыб) и бересту, изготовляли из них одежду, предметы утвари.

Традиционное жилище кетов — конический чум из шестов и берестяных покрышек, а также землянка с каркасом из наклонных бревен. Временные укрытия — яма в снегу, шалаш из гнутых прутьев и другие хозяйственные постройки: оленьи сараи с дымокурами, свайные лабазы. Первые срубные дома у кетов появились в начале XX в. Перекочевывали на места летнего рыболовства, а осенью к охотничьим угодьям на больших лодках (илимках) с крытым берестой жилым верхом. Широко бытовали долбленки-однодеревки. На зимнем промысле пользовались ручными и оленьими нартами, волокушей из шкуры лося, широкими лыжами, оклеенными снизу мехом (камусом).

Мужская и женская национальная одежда состоит из суконного и стеганого халатов на подкладке из заячьих шкур; меховой парки (у мужчин короткой, из одной оленьей шкуры). Нижнюю одежду и летнюю обувь шили из ровдуги. Зимняя обувь состояла из мехового черка и суконных голенищ. При переездах на оленьих нартах надевали меховую одежду с капюшоном и меховую обувь.

Пища — вареная и жареная рыба и мясо. Использовались заготовленные впрок сухие юкола, рыбий жир, вяленое мясо. Пища готовилась на костре, пресные лепешки выпекали из муки в золе костра или глинобитной печи. Летом рацион питания кетов пополнялся ягодами, клубнями сараны, отварами трав, заменявшими покупной чай.

Сохранились традиционные верования и культы, сформировавшиеся на основе ранних мифологических представлений о мире. В образе верховного бога Есь («небо», «бог») олицетворялись небо и связанные с ним явления природы. Ему противостояла хозяйка Севера, носительница зла Хоседэм, насылающая беды, порчу, мор, болезни. Юг персонафицировался в образе хозяйки перелетных птиц Томэм. Существовали культы огня, духов — семейных охранителей, духов — хозяев. Шаманство у кетов не было профессиональным. Главной функцией шаманов являлось лечение и предсказание.

Популярностью пользовались загадки и песни-импровизации. Распространенным музыкальным инструментом был костяной или деревянный варган. Традиционное изобразительное искусство — вышивка подшейным волосом оленя, резьба по кости, дереву, орнаментация бересты, меховая аппликация и др.⁹⁶

Сведения о похоронном обряде и способах погребения у кетов до XIX в. практически отсутствуют. Для XIX—начала XX в. известны два способа погребения — в земле и воздушное. Наиболее распространено было захоронение в земле. Тело покойного находилось в могильной яме (до 1,5 м глубиной) на двух широких досках, уложенных на дне. Все доски — расколотые пополам кедровые стволы, гроб представлял собой ящик из несбитых досок⁹⁷. Согласно Б.О. Долгих, над головой — поперечная дощечка, концы которой входили в выемки в боковых стенках. Дощечка предохраняла голову от повреждения.

Обычное положение тела — на спине, головой на восток, с вытянутыми вдоль туловища руками. В.И. Анучин сообщал о традиции отмечать захоронение палкой с развилкой на конце. Под влиянием русских у кетов утвердился обычай ставить на могиле (в ногах) крест. Концы креста вырезали

⁹⁶ Библиотека энциклопедий для юношества, Т. I. М.: Педагогика-Пресс, 2001. С. 119.

⁹⁷ Долгих Б.О. О похоронном обряде у кетов // СА. 1961. № 3. С. 106.

в форме вытянутого овала, к перекладине привязывали лоскутки.

Воздушный способ захоронения известен у кетов в двух вариантах: в пне срубленного дерева и на помосте (лабазе). Первый вариант к началу XX в. сохранился исключительно в качестве детского (хотя до середины XIX века он отмечен как общий⁹⁸). В пне срубленного дерева хоронили младенцев грудного возраста (до появления зубов). Поблизости на сучке хвойного дерева подвешивали берестяную колыбель. Захоронение на деревьях, видимо, имеет древнюю традицию. Отметим обычай хоронить в дупле кедра кости важных промысловых животных (с целью их возрождения), церемонию погребения изображения медведя по окончании «медвежьего праздника»⁹⁹ и т. д.

Относительно захоронения на лабазе имеются немногочисленные сведения, сообщалось о нем как о захоронениях шаманов согласно заранее высказанному желанию (шаманов хоронили и в земле).

Погребение покойного у кетов сопровождалось комплексом религиозных обычаев и обрядов, связанных с представлениями о смерти, загробном мире, самим умершим, его отношением к живым людям и т. д.¹⁰⁰ Места для захоронений выбирали на возвышенностях, ярах, поблизости от реки, всегда ниже по течению по отношению к стойбищу, где жил умерший. Если человек умирал зимой далеко в тайге, то его оставляли на лабазе, а весной отвозили и хоронили в нужном месте.

Кеты считали, что нужно обеспечить покойника всем необходимым для последующей загробной жизни: огнем для его костра, одеждой, необходимой утварью, средствами передвижения и т. д. И в загробном мире умерший должен был

⁹⁸ Долгих Б.О. О похоронном обряде у кетов // СА. 1961. № 3. С. 105.

⁹⁹ Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980. С. 160.

¹⁰⁰ Алексеев Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.

жить «среди своих» — этим обусловлено стремление хоронить поблизости от могил ранее умерших родственников. Шаман участвовал в церемонии погребения, как и другие рядовые сородичи и соседи. Специальных камланий в связи с погребением не производилось. Больших кладбищ в конце XIX-в. не было.

К месту захоронения покойного доставляли на нартах (зимой), в лодке, несли на руках. По пути никто из участников похоронной процессии не должен был оглядываться назад. Около захоронения взрослых на деревьях развешивали одежду умершего, оставляли его личные вещи (лук, ружье, котел, чайник), все оставленные предметы предварительно портили.

Оленные кеты забивали личного оленя умершего. Мясо, шкуру, камусы раздавали всем присутствующим, кроме семьи умершего и близких родственников. При отсутствии оленей кеты иногда забивали и погребали с покойным его собак. Уходя от захоронения, не оглядывались. Последний в процессии должен был положить поперек тропинки палку, как бы преграждающую возвращение умершего к людям. Если последним шел человек из другого экзогамного подразделения, то палку можно было не класть: он сам своим присутствием выполнял роль преграды. Оставшиеся в стойбище не имели права смотреть на возвратившихся с похорон.

В память умершего устраивали угощение. Прежде чем войти в жилище, участвовавшие в похоронах мыли руки, перешагивали с целью «очищения» через огонь (поджигали в чашке жир), окуривали себя зажженной берестой. По прошествии нескольких дней жилище, где умер человек, покидали, и семья откочевывала на новое место. Родственники умершего еще некоторое время в знак траура носили самую старую одежду со споротыми украшениями, вдова длительный срок ходила с расплетенными волосами.

Обычай запрещали много плакать, звать. На места захоронений специально не ходили, если же случалось оказаться поблизости от них, то непременно разводили костер,

«кормили» огонь, оставляли хлеб, сахар, табак и т. д. Особо поминального цикла у кетов не было. В соответствии с представлением, что в добытом медведе являлся умерший родственник, устраивали поминки умершим, если долго не убивали зверя (чтобы покойники не обижались и приходили гостить).

Отмеченные выше основные моменты погребального обряда характерны для всех групп кетов.

Погребения шаманов в земле отличались от обычных только тем, что их хоронили иногда поблизости от священных мест (*холай*), если же шаман умер очень далеко, к *холай* свозили и оставляли там (зарывали у комля лиственницы) только одежду шамана и другие его атрибуты. Бубен при этом продырявливали, а с одежды спарывали подвески (их сохраняли). На могиле шамана ставили развилку, а на шеках — изображения его духов в виде вырезанных из дерева птиц. Если считали, что шаман был плохим и «портил» людей, то ему старались вырыть как можно более глубокую могилу. К местам захоронений шаманов относились с особым страхом, избегали их.

Утонувших хоронили отдельно, непременно на берегу (но не на возвышенном месте).

Контрольные вопросы и задания

1. Определить географические границы этнографических районов Сибири.
2. Дать этнолингвистическую характеристику народов Сибири.
3. Рассказать о влиянии природных условий на формирование хозяйственно-культурных типов населения Сибири.
4. Дать этнографическую характеристику району Восточной Сибири.
5. Традиции и обычаи, верования народов Красноярского края (по выбору).
6. Особенности материальной и духовной культуры одного из народов Сибири (по выбору).

Литература

1. *Алексеевко Е.А.* Представления кетов о мире // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера.* Л.: Наука, 1976.
2. *Библиотека энциклопедий для юношества. Т. I М.: Педагогика-Пресс, 2001.*
3. *Бромлей Ю.В., Марков Г.Е.* Этнография. М., 1982.
4. *Вахтин Н.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.
5. *Долгих Б.О.* О похоронном обряде у кетов // *СА.* 1961. № 3. С. 105.
6. *Расселение народов СССР по союзным республикам по переписи на 1989 г.* // *Союз.* 1990. № 32. С. 12-13.
7. *Народы Сибири. История и культура.* Новосибирск, 1997.
8. *Семейная обрядность народов Сибири.* М., 1980.

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ТАЙМЫРА

ПЛАН

1. Долганы.
2. Ненцы.
3. Нганасаны.
4. Эвенки.
5. Энцы.

Около 8000 лет назад Таймыр освободился от ледников и морских вод. Появились растительность и животный мир, со стадами северных оленей на полуостров пришли люди.

В археологическом плане Таймыр изучен слабо. Лишь с 1867 г. здесь начали проводиться раскопки. Руководил ими доктор исторических наук, первопроходец археологии Сибирской Арктики Леонид Павлович Хлобыстин. За 8 лет работы на Таймыре им открыто более 200 стоянок древних людей. Уникальная коллекция этих раскопок полностью находится в Таймырском окружном музее. Материалы археологических раскопок помогли узнать, что люди в низовьях Енисея тысячелетия назад знали бронзу (найжены остатки бронзолитейной мастерской, существовавшей в 1150 г. до н. э.), железо¹⁰¹. Они смогли приспособиться к суровым климатическим условиям Арктики, создать свою материальную культуру и использовать естественные богатства.

Самый древний коренной народ Таймыра — нганасаны. За ними на эту землю прибыли энцы и ненцы, а последними, в XVII в., долганы. Сейчас на Таймыре проживают 5 представителей малочисленных народов Севера: ненцы (около 2470), нганасаны (820), энцы (около 200), долганы (4880), эвенки (295). Все эти народы являются аборигенны-

---

¹⁰¹ Кривоногов В.Л. Народы Таймыра: Современные этнические процессы. Красноярск: КГПУ, 2001. С. 4.

ми этносами, причем энцы и нганасаны живут только на Таймыре¹⁰².

Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., численность коренных народов Таймыра не сократилась, за исключением нганасан (на 700 человек)¹⁰³.

1. Долганы

Расселение — Таймырский АО. В настоящее время живут только на Таймыре, проживают компактно в основном в Хатангском районе и в бывшем Авамском районе, несколько десятков — в Анабарском районе Якутии. Это самая молодая народность, проживающая на Таймыре. В XVII в. ее еще не существовало. Долган можно было встретить только на Лене, у устьев Вилюя и Муны, а также у побережья Охотского моря.

Профессор Б.О. Долгих на основе трудов А.М. Миддендорфа и А.М. Кастрена пришел к выводу о том, что эта народность стала образовываться на полуострове Таймыр лишь в течение XVIII и первой половине XIX вв. в результате смешения тунгусов, якутов, русских и даже представителей самодийских народов. Такой состав сложился не сразу¹⁰⁴. Сами долганы называли себя «дулган». Это самоназвание одной из родовых групп затем распространилось на всех. В образовании народности долган приняли участие около 45% эвенков, 42% якутов, около 11% русских и около 2% самодийцев.

Язык долган принадлежит к тюркской группе *алтайской* семьи языков и близок к языку саха (якутов). Анализируя народность по языку, Б.О. Долгих считает, что в 30 годы XIX в.

¹⁰² Добжанская О.Э. Современное состояние фольклора коренных народов Таймыра // Семинар по выполнению рекомендаций ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации. Сб. выступлений участников семинара. Якутск, 2003. С. 50.

¹⁰³ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Госкомстат России, 2003.

¹⁰⁴ Долгих Б.О. Происхождение долган. СЭС. М., 1962. С. 101.

не менее 60% основного ядра долган говорили на якутском языке; около 20 — на эвенкийском и еще около 20 — на русском¹⁰⁵.

Религия: Крещены в православие, однако в большинстве своем оставались приверженцами традиционного культа — шаманизма. Население было приписано к енисейскому приходу. Существовавшие на территории округа две православные церкви посещали редко. Священники также не часто бывали в тундре. Защитниками людей от злых духов и посредниками между людьми и духами являлись шаманы. Божества и духи, по представлению долган, делились на три категории: бестелесные невидимые существа, которые, поселяясь в любой объект, делают его живым; духи, доброжелательные к людям; духи, недоброжелательные к людям, причиняющие им различные болезни и несчастья, обитающие на земле и в подземном мире. Человек болел и умирал оттого, что духи похищали его душу и уносили ее в подземный мир.

Представление о сотворении мира, происхождении человека, животных и растений у долган во многом совпадало с якутскими. «Когда-то, в далеком прошлом, в мире царил хаос. Небо, вода не были отделены друг от друга, земли не было, но вот гагара нырнула в воду и вытащила в клюве несколько песчинок земли. Из этих песчинок она сотворила землю»¹⁰⁶.

Небесные светила — луна, звезды — не связывались с творением земли. Звезды рассматривались или как озера, или как отверстия в небе. В легенде о происхождении луны говорится: «Когда-то очень давно, в то время, когда жили каменные люди, луны не было. Однажды каменные люди взяли в плен обычную девушку и сделали ее рабыней. Как-то ночью ее разбудили и послали за водой к проруби. Она отправилась с коромыслом и ведрами за водой, по пути, плача, жаловалась на свою судьбу небу. Небо вняло мольбам

¹⁰⁵ Долгих Б.О. Происхождение долган. СЭС. М., 1962. С. 101.

¹⁰⁶ Гурвич И.С. Культура северных оленеводов. М., 1997. С. 194.

девушки и избавило ее от обид, взяв ее на небо и превратив в луну, а коромысло и ведро образовали пятна на луне»¹⁰⁷.

В религии долган имело место семейное почитание различных предметов: камня необычной формы, или уродливого рога дикого оленя — если в них шаман вселил доброго духа. Эти предметы почитались как покровители семьи и охотников. Их всячески ублажали: охраняли, кормили, перевозили с собой при перекочевках.

Особенно почитался дух огня. Перед охотой, дальней поездкой, во время сытой еды считалось необходимым «кормить» и «угощать» огонь. В него бросали кусочки мяса, рыбы или жира, брызгали кровью или водой. Долганы были убеждены, что огонь слышит и понимает человеческую речь. Ругать огонь запрещалось. Если во время какого-то высказывания трещало горящее полено, считалось, что это предупреждает огонь о том, что будет неудача. Тогда на время откладывали задуманные дела. Огонь оберегали от осквернения. Запрещалось лить в него воду, ворошить угли острым железным прутом, ножом.

Вместе с тем в чумах и больших домах можно было нередко встретить и иконы с изображением ликов святых. Праздновали долганы и христианские праздники: Рождество, Пасху.

Шаманский костюм и бубен у долганских шаманов якутского типа. Как и у других самодийских народов, шаманы у долган различаются по уровню владения магическим мастерством.

Традиционные занятия. Издавна основные занятия долган — оленеводство, охота, а также рыболовство. Они вели кочевой образ жизни, постоянно перемещаясь в поисках угодий для охоты и выпаса оленей, водоемов, богатых рыбой. Маршруты их сезонных кочевий предельно просты: летом — тундра, зимой — лесотундра. Летом оленей использовали под седло и выюк, а зимой — в упряжке. Передового оленя запрягали и управляли им вожжой справа (ненцы, энцы и

¹⁰⁷ Гурвич И.С. Культура северных оленеводов. М., 1997. С. 194.

нганасане — слева). Как и эвенки, долганы доили оленей и, как энцы и нганасаны, использовали пастушескую собаку. Охотились на диких оленей, песцов, гусей, уток и куропаток. Добытых оленей и выловленную рыбу делили между родственниками и соседями, а пушнина, которая шла на продажу, оставалась собственностью охотника¹⁰⁸.

Материальная культура. У долган очень красивая и разнообразная национальная одежда. Характерная особенность — несколько удлиненный сзади подол, который удобно использовать в качестве подстилки, садясь на холодную землю. Летом и зимой носили суконные кафтаны, украшенные бисером, узенькими кантиками и узорами из цветных ниток. По колориту и декору долганская одежда напоминает мундиры русской армии времен Отечественной войны 1812 г.: суконные нагрудники верхней мужской одежды расшиты бисером, а обшлага рукавов украшены медными пуговицами. Одежду шили из покупных тканей. Мужчины носили рубашки и штаны, женщины — платья, поверх которых надевали закрытые фартуки и пояса, расшитые бисером. Нижнего белья не было. Мужчины и женщины летом и зимой носили суконные кафтаны, зимой — песцовые и заячьи шубы. Шапки похожи на капоры: верх покрыт сукном или лисьими камусами (шкура с ног) и расшит бисером и цветными полосками ткани. Зимнюю обувь длиной до колен и выше изготавливали из оленьих камусов и расшивали бисером, летнюю шили из ровдуги (замши из оленьей или лисьей шкуры). Праздничную одежду и обувь богато украшали бисером, аппликациями из цветных полосок ткани. В орнаменте присутствуют обязательно три цвета: черный, красный, белый — по оперению краснозобой казарки, от которой, по преданию, произошел народ.

Изготовлением и украшением одежды занимались женщины. Мужское ремесло — резьба по оленьей и мамонтовой кости, украшение черенков ножей оригинальным геометрическим орнаментом в технике инкрустации оловом.

¹⁰⁸ Грачева Г.Н. Традиции, мировоззрения охотников Таймыра. Л., 1983. С. 94.

Основной пищей служила оленина в сыром, мороженом или вареном виде, а также рыба, которую часто ели сырую (слегка присолив), иногда мороженую или вареную. Любили долганы и чуть прокисшую рыбу. Ее хранили в ямах, где она и прокисала. Убитых гусей закапывали в мерзлую землю. Употребляли в пищу тундровый лук и другие дикорастущие растения, в том числе ягоды и грибы, пекли лепешки, олады.

Кочевое жилище долган — конический чум тунгусского типа (как у эвенков), летом укрытый ровдугой, а зимой оленьими шкурами. С приходом русских появился новый тип жилья — балок. Это домик на полозьях, своеобразный передвижной чум, он представляет собой прямоугольный каркас, обтянутый снаружи оленьими шкурами, а изнутри ситцем и установленный на большие сани. Окна в нем застеклены, есть железная печь, нары, стол. Перевозят балок упряжкой из 5–7 оленей. Домашняя утварь включает лишь самые необходимые вещи (что естественно при постоянных кочевках). Этот тип перевозного жилища заимствован долганами у русских купцов, ездивших с товарами по тундре. На местах стойбищ строили хозяйственные амбарчики, лабазы на высоких столбах, где хранили рыбу, мясо и различную утварь, не очень нужные для перекочевки вещи. Долганы в основном пользовались покупной посудой. Очень любили красивые большие фарфоровые чашки, их хранили в специальном ящике.

Традиции и обычаи долган глубоко и полно описаны А.А. Поповым¹⁰⁹. Счет родства вели по мужской линии. Семьи были большие, многодетные. Долганская женщина считалась хозяйкой жилища. Она поддерживала огонь в очаге, «кормила» его, надзирала за семейными святыми, готовила пищу, заготавливала топливо, выделывала шкуры, собирала и разбирала чум, содержала в порядке жилище, воспитывала детей, шила одежду, обувь, покрывала для жилища. С мнением хозяйки в ведении домашнего хозяйства считались.

¹⁰⁹ Попов А.А. Долганы: Собрание трудов по этнографии. Том II / Сост. А.А. Барболина. СПб.: Дрофа, 2003. С. 136.

Отношение к женщине фактически было неплохим. Муж советовался с женой при решении важных дел. В зажиточных семьях девочке при ее рождении выделяли в ее собственность оленей, хотя рождение девочки особой радости не вызывало. В семье девушка подчинялась матери, а в замужестве — свекрови. Как и у других народов, женщину считали нечистым существом, поэтому ей запрещалось переступать через охотничьи и рыболовные снасти, лыжи — иначе не будут попадать пули в дикого зверя. Запрещалось переступать через спящего мужа, класть свою одежду и обувь поверх мужской.

Распорядителем имущества и главой семьи был муж. Он выбирал пути перекочевок, обеспечивал продуктами питания, материалом для пошива одежды и обуви, заключал торговые сделки с купцами, распределяя наследство женатым сыновьям. Престарелые родители оставались на попечении младшего сына. Старшее поколение пользовалось большим уважением. В присутствии стариков молодые молчали. Вновь образованная семья кочевала неподалеку от хозяйства отца, чтобы иметь возможность пользоваться его опытом и помощью.

Большое внимание уделяли долганы воспитанию детей. Для новорожденного готовили люльку тунгусского типа. Ее делали на второй — третий день рождения ребенка. В первые дни жизни ребенка его старались не показывать окружающим. Новорожденному давали какую-нибудь кличку вместо имени, чтобы сбить с толку злых духов. Кормили грудью обычно до года, а иногда и до 2–3 лет. Летом грудных детей подкармливали оленьим молоком, давали небольшой кусок оленьего мяса. Детей не изолировали от взрослых, они постоянно находились под наблюдением, от них ничего не скрывали, по возможности ничем не ограничивали. Жестокое и грубое обращение с детьми осуждалось обычаями. Отец обычно готовил к жизни сына, мать — девочку.

Долганы — единственный этнос на Таймыре, который своих покойников хоронил в земле. Восточные долганы делают над могилой сруб, украшают его узорами, у могилы убивают оленя, а одежду и личные вещи покойного остав-

ляют тут же, на земле, или вешают на дерево. Западные (норильские) долганы сруба не делают, но на земляной холмик сваливают дерево.

В долганском фольклоре самобытные черты соединены с элементами якутского фольклора. В фольклорных жанрах отражены реальная природа Севера, кочевой быт. Устное народное творчество составляют эпические сказания, исторические предания, песни, бытовые рассказы, загадки. Сказители считаются избранниками добрых духов и божеств. Им приписывают волшебную силу превращать в видимые образы все то, о чем повествуют сказания.

Предания и рассказы были отражают старинные родовые, межплеменные и внутрисемейные отношения. Короткие лирические, любовные и длинные песни импровизируют «песенные люди». Сказки о животных, волшебные и бытовые, — наиболее распространенный жанр. Загадки широко бытуют у детей и взрослых. Пословицы и поговорки в основном заимствованы у якутов.

Своеобразна празднично-обрядовая культура долган. Обрядовые жанры можно разделить на общеплеменные и шаманские. К первым относят круговые песни-пляски, ко вторым — ритуалы шамана (или шаманки) с песнопением, звукоподражанием, речитативом, возгласами, игрой на бубне, звуками подвесок-погремушек.

Медвежий праздник — комплекс обрядов, связанных с культом медведя. Культ медведя характерен для всех народов Севера, медвежий праздник соединил в себе элементы тотемизма и промыслового культа. В нем также нашел отражение миф об умирающем и воскресающем звере. У долган медвежий праздник приурочен к охоте на медведя, и главное в нем — трапеза. Медвежье мясо едят по ночам в течение всего праздника (до 3 дней), а в промежутках между приемами пищи устраивают ритуальные и развлекательные пляски, игры, поют¹¹⁰.

¹¹⁰ Кривоногов В.П. Народы Таймыра: Современные этнические процессы. Красноярск: КГПУ, 2001. С. 104.

Долганы также празднуют День оленя. Он проходит обычно в марте — апреле, когда кончается полярная ночь. Из разных селений на богато украшенных оленьих упряжках на торжество съезжаются семьи оленеводов. Они одеты в праздничную национальную одежду. На празднике обязательны выступления самодеятельных коллективов и спортивные соревнования. Последние имеют прямое отношение к профессии оленевода: это метание пастушьего топора, гонки на оленьих упряжках, ходьба на лыжах, прыжки через нарты, борьба.

Музыка в жанровом и стилистическом отношении представляет собой вариант культуры северных якутов и имеет родственные связи с музыкой эвенков, эвенов, нганасан, ненцев и северосибирских русских старожилов. Из жанров выделяют эпическую, обрядовую, инструментальную и фоно-сигнальную музыку, а также песни. Песни-обращения юношей и девушек имеют важное значение в формировании семейно-брачных отношений в традиционной этнической среде. Пожилые исполняют песни-размышления о прожитой жизни, о человеке, об окружающей природе.

Распространен хороводный танец хэйро, помогающий испросить у духов плодородия, благополучия семье, размножения скота. Мужчины и женщины, взявшись за руки, становятся в круг, двигаясь то в одну, то в другую сторону и припевая в такт ударам ног. Непременный атрибут танца — вбитый в землю или лед в центре круга шест (хорей), которым погоняют оленей. Современный таймырский фольклорный ансамбль «Хэйро», исполняющий песни на долганском языке, чрезвычайно популярен на Севере.

С начала XX в. долганы играют на якутском самозвучащем щипковом *варгане* — металлической пластине с вырезанным в ней язычком, к которому крепят веревочку. Прочие музыкальные инструменты своеобразны, отражают особенности хозяйственного уклада, обрядовые традиции и специфику художественного мышления: подвеска-ботало (колокол) на рогах упряжного оленя — для отпугивания волка; погремушки-бубенчики на праздничной одежде детей; у женщин и в шаманском одеянии — подвески; колокольчики на дет-

ской колыбели и одежде; звякающие украшения-подвески на одежде. Особое место занимают шаманские атрибуты: бубен; подвески-погремушки, символизирующие кости и перья; ремень с тремя колокольчиками, за который шаман держится во время камлания — ритуала общения с духами¹¹¹.

Яркими представителями современной долганской культуры являются поэтесса О. Аксенова, ученые Г. Попов и Т. Еремина, художник Б. Молчанов. Первая книга на долганском языке (собрание стихов О. Аксеновой) вышла в 1973 г. В 1984 г. выпущен долганский букварь. Материалы на долганском языке, посвященные возрождению традиционного уклада жизни, развитию языка и культуры этноса, печатаются на страницах газеты «Таймыр» раз в неделю. 30 минут в сутки для долган на их родном языке вещает радио Дудинки.

2. Ненцы

Расселение: проживают на обширной территории от Белого моря на западе до реки Енисей на востоке.

Население 34665 человек, из них 2470 живут на Таймыре, в основном в поселках на территории Усть-Енисейского района; живущие на левом берегу Енисея кочуют в районе поселков Тухарт и Носок.

Язык относится к самодийской группе уральско-юкагирской семьи.

Название произошло от слова «ненец», что означает «человек». Это *самоназвание* и стало официальным названием данной народности. Есть и другое самоназвание — «хасава» (мужчина).

Традиционные занятия. По хозяйственно-культурному типу жизни ненцы делятся на 3 группы. Основную массу (свыше 95%) составляют так называемые тундровые ненцы. Все тундровые ненцы обладают единством культуры. Они проживают в самых северных районах. *Вторая группа* —

¹¹¹ Кривоногов В.П. Народы Таймыра: Современные этнические процессы. Красноярск: КГПУ, 2001. С. 64.

лесные ненцы, они населяют таежные части Обско-Енисейского водораздела, занимаются транспортным оленеводством, охотой, рыболовством и являются связующим звеном между самодийскими племенами Саянского нагорья и тундровыми ненцами. Третья группа — колвинцы — образовалась на Европейском Севере в районе реки Колвы в XIX в. Говорят на ижемском диалекте языка коми¹¹².

Традиционное занятие ненцев — оленеводство. Выпасают животных круглый год под надзором пастухов, которым помогают специально обученные собаки (лайки). Оленей запрягают в нарты: в легковые — по одному, в грузовые — по два. Мужские легковые нарты имеют только заднюю спинку у сиденья, женские — еще переднюю и боковую, чтобы было удобно ездить с детьми. Из 5–6 грузовых нарт составляют караван (аргиш), в котором олени соединены цепочками или ремнями. Каждый аргиш управляется седоком на легкой нарте, часто это бывает девочка-подросток, а рядом мужчины на легковых упряжках гонят стадо.

Зимой ненцы охотятся на песца, лисицу, росомаху, дикого северного оленя. Пушного зверя промышляют с помощью деревянных ловушек-пастей и железных капканов. Летом ловят рыбу.

Материальная культура. Как и другие кочевые народы, ненцы живут в разборном жилище — чуме, остов которого состоит из 25–30 жердей. Зимой чум укрывают в два слоя покрышками из шкур оленя, летом — из специально выделанной бересты. В центре чума раньше разжигали костер, сейчас растапливают железную печь.

Выделкой шкур оленей и пушных зверей, пошивом одежды, сумок, покрышек чума занимались женщины. Одежду богато украшали меховой мозаикой (из камуса белого и темного цвета), бисером, вышивкой, подшейным волосом оленя. В комплект традиционной мужской одежды входила малица с капюшоном (глухая просторная рубаха из оленьих шкур мехом внутрь), штаны, сапоги-пимы из камуса мехом наружу и чулки мехом внутрь. Для предохранения мездры поверх

¹¹² Холмиц Л.В. Ненцы. СПб.: Русский Двор, 1995. С. 205.

малицы надевали сорочку из ситца и подпоясывались сыромятным ремнем, украшенным медным ажурными бляхами или пуговицами. К ремню на цепочках прикрепляли нож в ножнах, точильный камень, а сзади — зуб медведя. В холодную погоду поверх малицы надевали сокуй — одежду с капюшоном, по покрою схожую с малицей, но сшитую мехом наружу.

Женская одежда, в отличие от мужской, распашная. В старину ее делали из шкурок лесных зверей с опушкой по подолу из собачьего меха. Позднее стали шить из оленьих шкур, с воротником из меха песца или рыжей лисицы. Полы одежды не запахивают, а завязывают ремешками из замши или тесемками. К сумочке для швейных принадлежностей, скроенной из шкурок со лбов оленей и украшенной орнаментом, прикрепляют игольник и маленький мешочек для наперстка.

Основная пища ненцев — мясо оленей (в сыром и вареном виде), рыба, хлеб. Излюбленный напиток — чай. Его, как и металлическую утварь, в старину выменивали у русских торговцев. Деревянную посуду — миски, чашки, ложки — изготавливали сами и украшали резьбой¹¹³.

Традиции и обычаи. Для ненцев характерен отцовский (патриархальный) род. Мужчины составляли военную единицу. Число родов было непостоянно. К началу XX в. у ненцев насчитывалось более 100 родов. Каждый род руководствовался строгими законами. Исследователи утверждают, что у ненцев совершенно отсутствовали убийство, воровство, отказ в помощи нуждающимся¹¹⁴.

При коллективных способах охоты и скотоводства большую роль играло стойбище — объединение семей, в котором мужчины принадлежали к одному роду, а женщины — к разным. В условиях родовой экзогамии молодой человек должен был искать будущую жену в другом роде. За этим строго следили шаманы и старики. Обычно вопрос о женить-

¹¹³ Хомич Л.В. Ненцы. М.—Л.: Наука, 1966. С. 169.

¹¹⁴ Попова М.И. Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра. Пособие для учителей и учащихся. Красноярск: Кн. изд-во, 1993. С. 35.

бе сына решал отец. Наметив невесту, засылали сватов, договаривались о размерах выкупа и приданого. Свадебный обряд включал имитацию похищения невесты.

Жена не имела права расторгнуть брак. Муж же в любое время мог сделать это. У ненцев не возбранялось многоженство. Богатый ненец мог иметь 2-3 и даже 4 жены. За каждую из них нужно было платить немалый выкуп. Калым обычно выплачивался не отцу невесты, а всему роду. За невесту нужно было отдать от 100 до 200 оленей, определенное количество песцовых и лисьих шкурок. Невеста, в свою очередь, должна была принести равноценное калыму приданое: одежду, постель, различную утварь, посуду, нарты и оленей. Олени и их приплод составляли собственность жены, и в случае развода или смерти мужа оставались у нее¹¹⁵.

Обряды захоронения. По народным представлениям жизненная сущность человека (душа) проявлялась в виде крови, дыхания, тени, образа. Смерть — потеря одной из этих субстанций или же следствие вселения в тело человека вредоносных духов. Для ненцев характерны наземные погребения, существовало несколько способов захоронения.

Первый тип захоронения: умершего в деревянном ящике хоронили на поверхности земли.

Захоронения в земле — второй тип погребения, крайне редкий, случались только летом.

Третий тип захоронения: в землю врывались 4 столба, к ним привязывали выделанную оленью шкуру с головой, ногами и даже копытами. На нее помещали тело умершего.

Могила и гроб делались очень тесными, чтобы никто больше не мог поселиться. Гроб — в виде ящика с двумя стойками по бокам и с перекладиной, к ней подвешивали колокольчик. Покойника клали так, чтобы голова приходилась на запад, а лицо обращено к земле. В гроб или яму помещали все вещи, которыми тот пользовался при жизни. Оленей, на которых привозили умершего, убивали не распрягая, а нарты ломали, опрокидывали и вместе с испорченной упряжью, оставляли на могиле. В изголовье на могиле

¹¹⁵ Попова М.И. Указ. соч. С. 36.

втыкали прут, указывающий якобы дорогу умершему в загробный мир¹¹⁶.

Род имел свое кладбище, где хоронили умерших родичей. Если даже род находился на чужой территории и кто-то из сородичей умирал, родственники старались тело умершего перевезти и захоронить на своем родовом кладбище. С XIX в. под влиянием христианства умерших стали хоронить в земле.

В религиозных верованиях ненцев господствовала вера в духов. Верховное небесное божество — Нум. Он создал землю и все, что ее окружает, управлял миром при помощи других божеств и духов. Просьбы и ответы Нума передавали небесные духи через шамана. Его жена Янебя, мать-земля, покровительница женщин, рождавшая и хранившая все живое, оберегала дом, семью и очаг.

Богов всячески ублажали, им молились, приносили жертвы. У ненцев существовали избранные места для поклонения, чаще всего в тундре, на возвышенностях. Священным деревом считали лиственницу¹¹⁷. Там молились, приносили жертвы. Жертвы были кровавыми и бескровными. Бескровные жертвы: хлеб, вино, деньги, сукно, безделушки. Кровавые приносились два раза в год, весной и в начале зимы, Нуму. В качестве жертвы брали оленя, некоторые роды — собаку.

Особо относились ненцы к домашним духам. Жертвоприношение выражалось в кормлении. Если духи просьбы не исполняли, их наказывали: ругали, переставали кормить и даже били. Если они выполняли просьбы хозяев, им шили парки. Иногда идолы имели по несколько шуб. В случае невыполнения просьбы их раздевали.

В 1824 г. ненцев крестили, но христианства они так и не приняли. Поголовное крещение фактически не изменило их религиозных воззрений. Влияние новой религии сказалось лишь в том, что к божествам прибавился еще один — Никола-угодник. Ненцы, как и своему божеству Нуму, Николаю-угоднику приносили в жертву оленя, оленьей кровью маза-

¹¹⁶ *Ворбов Г.Д.* Пережитки родового строя у ненцев. Л., 1964. С. 64.

¹¹⁷ *Хомич Л.В.* Ненцы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 292.

ли икону. Впоследствии стали признавать некоторые христианские праздники — Пасху, Ильин день¹¹⁸.

Шаманство тесно связано с древними религиозными представлениями ненцев. Обычно звание шамана передавалось мужчине или женщине по наследству. Камлание происходило в чуме шамана. В настоящее время его одежда с подвесками и железной «короной» сохранилась только на Енисее.

Особый символ шамана — бубен. Основание и каркас бубна делали из дерева, используя детали из кости. На столбики натягивали нитку из жилы или тонкие ремешки. Это делалось для того, чтобы при натягивании кожи на бубен благодаря столбикам образовывались пустоты, служившие резонаторами. Для обтяжки бубна использовали шкуру дикого самца-оленья. Колотушка представляла собою лопатку с рукояткой, на конце которой часто изображалось лицо. Широкую часть ее обычно обтягивали шкуркой.

Камлание — способ общения шамана с духами. Во время камлания шаман доводил себя до состояния экстаза, гипнотизируя зрителей. Оно обычно проходило в чуме шамана или больного. При камлании шаман задавал духам вопросы, а те отвечали на них, обо всем шаман пересказывал сородичам.

Для ненецкого фольклора характерна персонификация (олицетворение) изложения, когда наряду с героями действующим лицом является и сам сказ. Этот прием широко распространен в сказках, где одушевленное существо именуется «словечко»¹¹⁹.

Среди ненецких сказок есть сказки о животных, волшебные, легендарные и бытовые. Часто их персонажами выступают божества, духи — хозяева местностей. Они же являются главными действующими лицами и в других жанрах фольклора — преданиях, молитвах-заговорах, шаманских песнях.

¹¹⁸ *Попова М.И.* Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра... С. 47.

¹¹⁹ *Хомич Л.В.* Ненцы. М.—Л.: Наука, 1966. С. 294.

Музыкальные инструменты шумовые. Вывко (дощечка на сухожильной нитке) стал детской игрушкой. Подвески-погремушки, имеющие форму кольца с нанизанными трубочками, пришивают к детской одежде в качестве звукового оберега. По дуге над колыбелью скребут палочкой либо трубочкой, успокаивая ребенка и одновременно аккомпанируя колыбельной песне. Жужжалка и вращаемая завывалка, которые сейчас известны как детские игрушки, в прошлом являлись ритуальными инструментами.

Ненецкая письменность создана в 1932 г. на основе латинской, а в 1938 г. переведена на русскую графику. В газете «Таймыр» одна страница раз в неделю печатается на ненецком языке. На ненецком языке 5 часов в неделю ведет передачи радио Дудинки. На ненецком языке существует литература — автором нескольких книг стала ненецкая поэтесса, прозаик, журналист Л.П. Комарова-Ненянг.

3. Нганасаны

Расселение — только на Таймыре.

Население — около 820 человек.

Язык нганасанский принадлежит к *самодийским*, как и языки ненцев и селькупов. Существуют два диалекта нганасанского языка — авамский (западный) и вадеевский (восточный). Авамские нганасаны делились на 5 патрилинейных родов, вадеевские — на 6. Руководителями рода были старейшие люди. Среди членов рода и между дружественными родами распространен обычай взаимопомощи.

Народность проживает только на Таймыре, отлично приспособившись к суровым климатическим условиям. А.А. Попов считает, что «предки нганасан представляли собой часть самодийских племен, некогда обитавших на юге Сибири и в Саянах»¹²⁰.

Издавна главным занятием нганасан являлась охота на дикого оленя, сезонными промыслами — охота на гусей и рыболовство. «...в лице нганасан мы имеем дело с народнос-

¹²⁰ Попов А.А. Нганасаны. Л., 1984. С. 11.

тью, у которой охота в прошлом имела исключительное значение...»¹²¹. Предки нганасан были пешими охотниками и вели полуоседлую жизнь. Охота вплоть до XIX в. велась с помощью луков и стрел. Только в XVII в. нганасаны освоили оленеводство и очень быстро стали самыми богатыми оленеводами Таймыра. Необходимость часто менять олени пастбища заставила их кочевать: весной — на север, к тундровым просторам и холодным ветрам, где оленям не докучает мошка; осенью — на юг, в лесотундру, к кромке леса. Счет времени нганасаны вели по лунным месяцам и в течение солнечного года проживали два года — летний и зимний.

Материальная культура. Основу питания составляло оленье мясо. В пищу употребляли все части туши, сначала съедали наиболее мягкие части, чтобы остальное мясо было легче возить. Летом и осенью женщины заготавливали мясо впрок, для этого его резали на длинные ремешки и вялили на солнце (так называемая юкола). Вяленую рыбу готовили почти таким же способом, как оленье мясо, хранили в мешках. Мясо, жир, рыбу оставляли иногда осенью в тундре в ледниках. Подспорьем в питании было мясо гусей, куропадок, песцов, зайцев, снежного барана и птичьих яиц. Рыбу (чира, муксуна, сига, нельму) ели в сыром, замороженном, вяленом виде. Зимой ели строганину. Обглоданные кости дробили, из них и рыбьих отбросов вываривали жир. Смешивая размельченную юколу с жиром, получали варку. Рыбу варили редко, чаще всего в одном котле с мясом.

Вместо хлеба употребляли лепешки. Технология изготовления таких лепешек такова: замешивают на воде муку, затем «колобок расплющивают и плоской стороной ставят к огню. Когда на колобке образуется корочка, ее срезают широким острым ножом в виде тонкой лепешки и поджаривают на рыбьем жиру»¹²².

Среди любимых блюд — свежая икра, сваренная в жиру. Из привозных продуктов пользовались чаем и табаком. Чай

¹²¹ Попов А.А. Нганасаны. Л., 1984. С. 8.

¹²² Попова М.И. Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра... С. 64.

пили много, предпочитая крепкий. Старую заварку не выбрасывали, новую клали прямо в старую. Широко употребляли табак, его курили, предпочитая трубку, нюхали и клали за щеку.

Жилище. Нганасаны жили в конусообразном переносном чуме, ставили его на высоком месте, чтобы не заносило снегом. Основание чума могло быть круглым или яйцевидной формы. Шестовой нганасанский чум хорошо приспособлен к перевозкам. Он прост по своей конструкции, легок, состоит из 30–60 шестов, в зависимости от обстоятельств. Зимой чум покрывали двумя слоями ньюков: внутренний слой шерстью внутрь, наружный — шерстью наружу. Чтобы снег не приставал к нюкам, сверху их накрывали плотной тканью, чаще всего полотнищем, сшитым из мешков. Полотнище придавливалось в нескольких местах жердями. Кроме того, чум обвязывали еще и веревками, чтобы нюки не раздувало ветром. Часто готовый чум для прочности придавливали нартами. Размер чума зависел от двух основных шестов. Один главный шест на верхнем конце имел 2–3 отверстия разной величины, другой — столько же зарубок. Размер чума зависел от того, в какое из отверстий вставлялся второй шест. Обе основные жерди образовывали арку с острой вершиной. К этой-то вершине и приставляли остальные шесты. Если чум был круглой формы, в центре помещали очаг из железных листов, которые ставили на 4 полена. Над очагом на специальной горизонтальной жерди подвешивали котлы и чайники. Чум имел пол из досок справа и слева от очага.

Мужчины занимались добычей пищи, женщины — выделкой шкур, шитьем одежды. Одежду шили исключительно из оленьих шкур. По своему покрою, орнаменту, окраске одежда нганасан отличалась от одежды других народностей. Мужскую наплечную одежду *лу* — глухую, без разреза спереди — шили обычно из белых шкур молодых оленей, богато орнаментировали и отделывали на спине свисающими вниз полосками окрашенной охрой ровдуги или цветного (чаще красного и черного) сукна¹²³. По подолу шли горизон-

¹²³ Хомич Л.В. Нганасаны. СПб.: Просвещение, 2000. С. 25.

тальные полоски, а внизу — опушка из белого меха собак или песцов.

Зимой поверх лу надевали *сокуй* — глухую, без разреза, одежду из оленьих шкур с капюшоном и высоким султаном из хвоста оленя надо лбом. Это характерно тоже только для нганасан

В женский гардероб входил ровдужный комбинезон с нашитыми на груди металлическими бляхами-лунницами и распахная парка. Вместо капюшона носили шапку-капор из белой шкуры оленя с опушкой из черного собачьего меха.

Одежду украшали аппликацией в виде геометрических орнаментов, по которым определяли, к какой социальной или возрастной группе относится ее обладатель. В окраске нганасанской одежды присутствуют три цвета: белый, красный, черный. Связывают это с легендой, где говорится, что нганасаны произошли от *гагары*, в оперении которой есть эти три цвета.

Обувь нганасан не похожа ни на какую другую в мире. Считается, что известный путешественник XIII в. Плано Карпини писал именно о них: «В некоей земле над Оксаном, нашли неких чудищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий облик, но концы ног у них были как у ног быков...»¹²⁴. Обувь нганасан не имела специального кроя, шилась без выемки на подъеме из 4 прямоугольных кусков камуса и выглядела как цилиндрический чехол. Она на самом деле напоминала ноги быка или лошади. Чулки были также из оленьих шкур, такого же покроя, что и обувь, надевали их шерстью внутрь. Обувь шили из камусов, чаще всего белых. Подошву выкраивали из шкур, снятых с оленьих лбов. Нганасанские меховые сапоги длинные, выше колен, голенище вверху имеет ровдужные ремешки для привязывания обуви к кожаному поясу. К поясу на кольца также подвешивали огниво, нож в ножнах, футляр для курительной трубки, кисет¹²⁵. Женская обувь имеет более короткие голенища:

¹²⁴ Хомич Л.В. Нганасаны. СПб.: Просвещение, 2000. С. 24.

¹²⁵ Там же. С. 26.

Весной для защиты глаз от слепящего света носили на кожаных ремешках снеговые очки — косяную или металлическую пластину с прорезью. Волосы женщины и мужчины заплетали в две косы, смазывая оленьим жиром. В косы вплетали металлические подвески.

Традиции и обычаи. Нганасаны верили в добрых духов, духов болезни, духов-помощников шаманов, одноруких и одноглазых чудовищ. Все явления считались порождением матери-земли, матери-солнца, матери-луны. Землю-мать нганасаны считали прародительницей «всего, что есть на земле... солнце давало жизнь» всему¹²⁶. От них зависела жизнь человека. По их представлению, реки — это вены земли, по которым течет кровь, «вода рождает и хранит рыбу, является ее матерью»¹²⁷. Дерево, считали нганасаны, тоже матери-земли и является пищей для матери-огня. У каждого рода — свой миф о происхождении рода, связанный с тотемом рода. Так, род Окко ведет свою историю от журавля, Нгамтусуо — от ворона. Почитались родовые и семейные покровители. Это могли быть камни, скалы, деревья и т.п. У духов-покровителей испрашивали удачи на охоте, излечения от болезней. Почти у каждой кочевой группы был свой шаман.

В честь солнца нганасаны устраивали праздники. Осенью перед началом полярной ночи прощались с ним, весной — здоровались. После полярной ночи приносили в жертву белого оленя. «Шкуру с неотделенной головой и копытами вешали на дерево. Мясо этого оленя должно было быть съедено в течение одного дня, при этом ни одна кость не может быть разрублена. Желудок и тщательно собранные кости кладут под висающую шкуру»¹²⁸.

Важное место занимал праздник чистого чума, проводившийся после окончания полярной ночи и длившийся от 3 до 9 дней.

¹²⁶ Грачева Г.Н. Традиции, мировоззрения охотников Таймыра. Л., 1983. С. 2.

¹²⁷ Там же. С. 22.

¹²⁸ Попов А.А. Нганасаны. Л., 1984. С. 47.

Шаманы имели большое значение в жизни своих сородичей. Без них не проходило ни одно важное событие в жизни рода, семьи, просто человека. Шаман помогал в охоте, рыбной ловле, во время болезней, рождения и смерти. Он мог и рассердиться на сородичей, а рассердившись, мог наслать даже смерть или, как говорили нганасаны, «просто съесть человека»¹²⁹.

Шаманами могли стать только те, у кого среди предков кто-то был шаманом. И духи умершего избирали будущего шамана часто до его рождения. А.А. Попов пишет, что «знаменитого шамана Дюхадэ избрали духи на пятом месяце беременности его матери. Ребенок, получивший такое предопределение до появления на свет, обязательно рождается в сорочке»¹³⁰. Чтобы стать настоящим шаманом, нужно пройти долгий, часто длящийся многие годы путь. В это время душа будущего шамана обходит различных божеств и духов и получает от них разные дары. Шаман, принимая дары от духов, получает право общаться с ними и обращаться к ним в необходимых случаях.

Фольклор нганасан стали изучать с конца 20-х гг. XX в. В эпических сказаниях воспеваются подвиги богатырей, герои богатырского эпоса богаты и обладают сверхъестественными способностями. Все остальные повествовательные жанры фольклора прозаичны, называются «вести», «известия». В прозаических повествованиях рассказывается о хитреце Дяйку, о смешном Ибуле, о великанах-людоедах. В преданиях реальные взаимоотношения нганасан с русскими, ненцами, долганами, эвенками переплелись с мифическими рассказами о неведомых «безголовых» и «волосатых» людях.

Среди малых жанров фольклора распространены индифференциальные частушки, загадки, поговорки. Мифологические предания, как и у многих народов, почитаются достоверными рассказами, в них излагаются мифы о создании

---

¹²⁹ Грачева Г.Н. Традиции, мировоззрения охотников Таймыра. Л., 1983. С. 136.

¹³⁰ Попов А.А. Нганасаны. Л., 1984. С. 110.

мира, возникшем по воле «Матери всего, имеющего глаза» и «Бога земли», сын которых, человек-олень, становится первым обитателем земли и покровителем людей¹³¹.

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 года, нганасаны определены как народ, не имеющий письменности¹³².

4. Энцы

Расселение — Таймыр. Проживают в устье Енисея, в основном в селах Воронцово и Потапово.

Население: по последней переписи насчитывают всего 200 человек. До 1989 г. входили в число ненцев¹³³. По месту жительства и диалекту энцы делились на две группы: хантайские (тундровые) и карасинские (лесные).

«Энэтэ» означает в переводе «человек», «мужчина». Тундровые энцы называли себя сомату. Лесные не имеют своего самоназвания.

Первое упоминание о лесных энцах относится к концу XV в. В известном «Сказании о человеках, неизвестных в Восточной стране», говорится: «На восточной стране, за югорской землею, над морем живут люди семолядь зовомы»¹³⁴.

Язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи, очень сходен с ненецким и нганасанским, с последним сходен звуковым составом. Считают его родным половина энцев, остальные перешли на русский и венецкий. В XXI в., по статистике Всероссийской переписи населения 2002 г., энцы продолжают быть бесписьменным народом¹³⁵.

Религия. В христианство официально были обращены лесные энцы, но в основном у них сохранялись анимистические верования, согласно которым сотворение вселенной,

¹³¹ Попов А.А. Нганасаны. Л., 1984. С. 81

¹³² Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Госкомстат России, 2003.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Далгих Б.О. Лесные энцы. М., 1963. С. 37.

¹³⁵ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Госкомстат России, 2003.

воды, земли приписывалось духам «Верхнего мира». Иногда их главой выступал хозяин неба — Нга, его мать Дя-меню называли «Матерью земли». «Нижний мир», по их представлениям, населен злыми духами. Особое место принадлежало духам-хозяевам огня, воды, леса, гор, отдельных урочищ, сопков, деревьев¹³⁶.

Традиционные занятия — оленеводство, охота, рыболовство. К концу XX в. значение оленеводства упало.

Материальная культура. Меховая одежда в прошлом была идентична нганасанской, но постепенно заменилась ненецкой. Зимняя мужская парка, подобно нганасанской, глухого покроя, двойная. Верхнюю с капюшоном, длиной до колен, шили из летних шкур или пыжиков белого цвета, мехом наружу. Нижняя, сшитая мехом внутрь, значительно длиннее верхней. Подол двойной парки украшен опушкой из белого собачьего меха. Рукавицы из камуса наглухо пришивались к рукавам парки. Зимние штаны шили мехом внутрь, по крою они не отличались от ненецких. Носили нижние ровдужные рубахи, подобные ненецким. Летние штаны шили из ровдуги.

По крою женская парка отличалась от мужской — распашная и без капюшона. Верхнюю и нижнюю парки сшивали по вороту, опушку делали из собачьего меха. Под парку надевали пыжиковый комбинезон без рукавов с вырезами на груди и спине. Спереди его украшали медными серповидными пластинками, а на бедрах — медными трубками, кольцами, цепочками и т.д. К комбинезону пришивали игольник, мешочек для огнива и пр. Женская зимняя шапка из белых пыжиков по форме напоминала капор и была двухслойной. Внутрь зимней обуви надевали чулки. Летнюю мужскую обувь из ровдуги носили без чулок.

Жилище — конический чум, конструкция которого отличается от ненецкого. Каркас его опирался на два основных шеста. Параллельные шесты крепили к двум другим шестам, установленным внутри помещения на некотором расстоянии

¹³⁶ Кривоногов В.П. Народы Таймыра: Современные этнические процессы. — Красноярск: КГПУ, 2001. — С. 64.

от входа. В задней части чума за очагом хранили деревянные антропоморфные фигурки — изображения предков, которые при перекочевках перевозили в особой священной нарте¹³⁷.

Большинство энецких семей жили летом в чумах, зимой в балках. Жилище отличалось от ненецких своими размерами и внутренним убранством. Балок энцы заимствовали у долган. Это большой прямоугольный домик на полозьях. Его размеры: длина — 3 м, ширина — 2 м, высота — 1,5 м. Балок имеет плоскую крышу. Деревянный каркас обтягивается внутри ситцем, снаружи — оленьими шкурами и брезентом. Для обогрева используется железная печь. В отличие от чума в качестве зимнего жилища балок имеет ряд преимуществ, это более приспособленное для холодов жилище. В балке каждая вещь имеет свое место, есть дверь, окно. Справа от двери — постель, около нее стол. Слева от двери — печка, за ней обычно хранят дрова. У противоположной стены — полочка для посуды¹³⁸.

В рационе преобладают мясные и рыбные блюда, сходные с нганасанскими и ненецкими.

Семьи энцев обычно были прочными. Допускалось двоеженство, вторичное замужество или женитьба. Обычно это случалось, когда один из супругов умирал. За невесту платили калым. Существовало разделение труда между членами семьи.

Верования лесных энцев отличаются от верований нганасан и тундровых энцев. Главное место в их верованиях занимают образы сил природы: воздуха, воды, земли, огня, леса и небесных стихий. В их представлениях каждое явление природы имеет своего хозяина, чаще всего одного, в некоторых случаях двух. Почти все главные божества имели облик женщины, что свидетельствует о существовании в прошлом для энцев наличия материнско-родового общественного уклада.

¹³⁷ Грачева Г.Н. Традиции, мировоззрения охотников Таймыра. Л., 1983. С. 55.

¹³⁸ Попова М.И. Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра. Пособие для учителей и учащихся. Красноярск: Кн. изд-во, 1993. С. 55.

Наряду с божествами некоторые явления природы и социальной жизни также имели своих хозяев. Их ненцы называли амуки, от них зависели такие болезни, как корь, оспа. Энцы считали, например, что хозяин оспы — человек красного цвета.

На мировоззрение энцев большое влияние оказали ненцы и русские. Это особенно отражено в мифе о сотворении земли. Так, согласно Пальчину, землю сотворил Нум (ненецкое божество), и в то же время земля сама выросла из воды. Б.О. Долгих в своих исследованиях отмечал: «Лесные энцы — весьма своеобразная и интересная группа коренного населения Таймыра. Длительное время живя по соседству с русскими и ненцами, они восприняли различные стороны материальной культуры этих народов, но в то же время сохранили особое самосознание и язык»¹³⁹.

Хоронили умерших энцы в шалашах конической формы из стволов деревьев, куда помещался покойник. Существовал и другой тип захоронения, сходный с нганасанским: умершего зашивали в шкуры и оставляли в тундре на нарте.

Фольклор, когда-то, по всей видимости, очень богатый, в настоящее время находится в стадии угасания, лишь старики знают сказки, легенды и песни. В различных преданиях рассказывается о войнах энцев с ненцами. Большинство из них происходило на Енисее. По рассказам потаповских энцев, война велась из-за того, что якобы ненцы требовали отдать энецких девушек в жены. На берегу озера Турчедо местные жители до сих пор находят наконечники стрел.

5. Эвенки

Расселение — Таймыр.

Население — около 295 человек. Большая часть эвенков, общая численность которых сейчас составляет около 60 000, проживает за пределами России — в Северо-Восточном Китае и Монголии.

¹³⁹ Долгих Б.О. Лесные энцы. М., 1963. С. 68

Язык эвенкийский относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи.

Традиционная культура. Прародина эвенков — Китай. Они первыми приручили оленя. Именно умение оседлать оленей, а также использовать их для перевозки вьюков под грузовое седло отличает эвенков от большинства северных народов. Это позволяет им передвигаться по горной тайге в бесснежное и малоснежное время. Как и другие северные народы, эвенки занимались охотой на диких оленей и на пушного зверя. Вели полукочевой и кочевой образ жизни, перемещаясь со своими стадами. Олени стада были небольшими (от 15 до 100 голов). Забивали домашних оленей на мясо только в случае неудачного промысла или когда семье угрожал голод.

Рыболовство носило сезонный характер, лишь в ряде районов рыбу можно было ловить круглый год. У русских эвенки переняли земледелие и огородничество, выучились кузнечному делу, обработке кости, рога, шкур животных, стали делать домашнюю утварь из дерева и бересты, плести сети из крапивы. Лодки-берестянки, покрышки на чумы, седла, нарты, лыжи, ковры, переметные сумы изготавливали не только для себя, но и на продажу¹⁴⁰.

Материальная культура. Традиционное жилище — разборный конический чум с каркасом из 40 шестов, крытый зимой ровдугой, летом — берестой.

Эвенки ели мясо диких животных и рыбу, приготавливая из них довольно разнообразные блюда: вареное мясо с бульоном; обжаренные на рожнах мясо и рыбу; толченое вяленое мясо, заваренное кипятком и смешанное с голубикой; копченое — с брусникой; густой мясной суп с кровью; колбасу с жиром; суп из сушеного мяса, заправленный мукой или рисом с толчеными ягодами; мороженую рыбу; вареную рыбу, растертую с сырой икрой. Летом пили оленьё молоко, добавляли его в чай, ягоды, сбивали из него масло.

¹⁴⁰ Мазин А.И. Традиции, верования и обряды эвенков. Новосибирск, 1984. С. 20.

Зимнюю одежду шили из шкур оленя, летнюю — из ровдуги или ткани. Мужской и женский костюм включал распашные кафтаны, летний и зимний. Все кафтаны имели одинаковый покрой: сзади — две широкие складки (для удобства посадки на оленя), воротника нет, на груди — глубокий вырез, ниже — завязки. Сверху надевались нагрудники, которые завязывались сзади; женский — с прямым нижним краем, а мужской — углом. К поясу у мужчин прикреплялись ножны, а у женщин — сумочки. Снизу надевали штаны-натазники. Обувь из камуса носили короткую и длинную. Всю одежду украшали полосками меха, бахромой, конским волосом, металлическими бляшками и т.п. Характерный головной убор делали из целой шкуры с головы оленя, отверстия от глаз и рогов зашивали и орнаментировали бисером.

Традиционной прической были длинные волосы, связанные на макушке и обмотанные тесьмой, расшитой бисером. Восточные эвенки-мужчины стригли волосы, а женщины обматывали две пряди или косы вокруг головы и покрывали их платком.

Религия. Традиционное верование эвенков — шаманизм (надо заметить, что само слово «шаман» тунгусское). Эвенкийская форма шаманизма может считаться классической. Тунгусских шаманов считали самыми сильными, в сложных случаях к их помощи прибегали и другие народы.

Шаманизм, который часто называют первобытной религией, является, скорее, системой мировоззрения. В основе ее — представление о разделении Вселенной на уровни: Верхний мир, Средний и Нижний. Обычные люди в своей обычной земной жизни пребывают исключительно в рамках Среднего мира, в то время как судьба душ (а их у каждого человека несколько: душа-тело в образе птички, душа-жизнь в виде дыхания, душа-тень в облике тени) зависит от духов, добрых и злых, населяющих все уровни Вселенной. А поэтому обойтись без помощи посредника, имеющего доступ во все миры, просто невозможно. Таким посредником и является шаман, который в образе зверя или своего духа-предка совершает путешествия по всем мирам Вселенной, вступая в контакт с разнообразными духами, от которых зависит

жизнь, здоровье и благосостояние его соплеменников. У шамана имелись духи-помощники, по зову они являлись на помощь. В этом мире для них приготовлены тела — фигурки из дерева, железа или меха. Специальные атрибуты шамана: костюм с рисунками и подвесками, железная корона с рогами, бубен, колотушки. В путешествиях шаман находил духа, который представлял опасность или, наоборот, чья помощь была в данном случае необходима. Проводил соответствующий ритуал, целью которого было побороть духа (например, обманом выманить его из тела больного и уничтожить) или же, напротив, заручиться его поддержкой в каком-нибудь деле. Жили шаманы в особо устроенных чумах, с пристроенными галереями, символизировавшими разные миры¹⁴¹.

Эвенки, как и другие жители Севера, были крещены в православие, но обращение их осталось поверхностным. Русские же, поселившиеся среди аборигенов, нередко прибегают к помощи шаманов.

Первые литературные опыты авторов-эвенков относятся к началу 1930-х гг. Наиболее известны эвенкийские литераторы А.Н. Немтушкин и Н.К. Оегир. Письменность существует с 1920 г.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите малочисленные народности, проживающие в Таймырском автономном округе. Какова их численность в разрезе последней переписи населения?
2. Расскажите о разных теориях происхождения народов Таймыра.
3. Расскажите об особенностях материальной культуры малочисленных народов Таймыра.
4. Перечислите обычаи и традиции одного из народов (по выбору).
5. Попробуйте составить кроссворд из названий диких животных, рыб, географических названий на Таймыре.

---

¹⁴¹ Мазин А.И. Традиции, верования и обряды эвенков. Новосибирск, 1984. С. 22.

Литература

1. Библиотека энциклопедий для юношества, Т. I М.: Педагогика-Пресс, 2001.
2. Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев. Л., 1964.
3. Грачева Г.Н. Традиции, мировоззрения охотников Таймыра. Л., 1983.
4. Долгих Б.О. Лесные энцы. М., 1963.
5. Долгих Б.О. Происхождение долган. СЭС. М., 1962.
6. Кривоногов В.П. Народы Таймыра: Современные этнические процессы. — Красноярск: КГПУ, 2001.
7. Мазин А.И. Традиции, верования и обряды эвенков. Новосибирск, 1984..
8. Попов А.А. Долганы: Собрание трудов по этнографии. Т. II / Сост. А.А. Барболина. — СПб.: Дрофа, 2003.
9. Попов А.А. Нганасаны. — Л., 1984.
10. Попова М.И. Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра. Пособие для учителей и учащихся. Красноярск: Кн. изд-во, 1993.
11. Хомич Л.В. Нганасаны. СПб.: Просвещение, 2000.
12. Хомич Л.В. Ненцы. М.-Л.: Наука, 1966.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Андреев А.И. Труды и материалы В.Н. Татищева о Сибири // Советская этнография. 1936. № 6.
2. Анушин В.И. Очерки шаманства у енисейских остяков // Сб. МАЭ. 1914. Т. 11. Вып. 2.
3. Богораз-Тан В.Г. Распространение культуры на Земле: Основы этногеографии. М.-Л., 1928.
8. Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.
4. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1990.
5. Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.
6. Малиновский Б. Магия, религия, наука. М., 1998.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1937-1941. Т. 1-2.
8. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
9. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.
10. Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1989.
11. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследования магии и религии. М., 1998.

Справочная литература

1. Аниканов М.В., Степанов В.В., Сусоколов А.А. Титульные этносы Российской Федерации. М., 1999.
2. Библиотека энциклопедий для юношества. Т. I. М.: Изд-во «Педагогика-Пресс», 2001.
3. Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I-II. 1980.
5. Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
6. Народы России. Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М., 1994.
7. Распределение населения России по владению языками. М., 1996.
8. Свод этнографических понятий и терминов. В 4 вып. М., 1986-1991.
9. Страны и народы. Большая серия знаний: Европа и Россия. М.: Мир книги, 2003.

Обязательная литература

1. Бромлей Ю.В., Марков Г.Е. Этнография. М., 1982.
2. Кривоногов В.П. Народы Таймыра: Современные этнические процессы. — Красноярск: КГПУ, 2001.
3. Лурье С.В. Историческая этнология: Учеб. пособие для вузов. М., 1997.
4. Руководство по методологии культурно-антропологических исследований. М., 1991.
5. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978.
6. Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. М., 1999.
7. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985.
8. Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. М., 1988.
9. Этнография. Учебник для вузов / Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. М., 1994.

Дополнительная литература

1. Алексеевко Е.А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976.
2. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
3. Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
4. Блинова Г.П. Русские народные праздники: Учеб. пособие. М.: Вузовская книга, 2000.
5. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989.
6. Вахтин Н. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб., 1993.
7. Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев. Л., 1964.
8. Грачева Г.Н. Традиции, мировоззрения охотников Таймыра. Л., 1983.
9. Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.
10. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
11. Гурвич И.С. Культура северных оленеводов. М., 1997.
12. Долгих Б.О. Лесные энцы. М., 1963.
13. Емельянов Ю.Н. Основы культурной антропологии. СПб., 1994.

14. Долгих Б.О. О похоронном обряде у кетов // СА. 1961. № 3.
15. Долгих Б.О. Происхождение долган. СЭС. М., 1962.
16. Жигунова М.А. Культура русских в Сибири: Традиции и современность // Культурологические исследования в Сибири. Вып. 2. Омск, 1999.
17. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.
18. Карлов В.В. Введение в этнографию народов СССР. Ч. 1-2. М., 1990-1992.
19. Карлов В.В. Этнокультурные процессы новейшего времени. М., 1995.
20. Кладовые памяти народной: Музеи и памятники Таймыра. М.: Полиграфвидео, 1995.
21. Линденау Я.И. Описание народов Сибири. Магадан, 1983.
22. Мазин А.И. Традиции, верования и обряды эвенков. Новосибирск, 1984.
23. Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры. М., 1979.
24. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
25. Музейный вестник: Таймыр, окружение краеведческого музея. Вып. 2. Дудинка, 2002.
26. Мухачев А.Д., Лайшев К.А., Зеленский В.М. Таймыр: традиционные природопользование аборигенных народов. Новосибирск: ЦЭРИС, 2001.
27. Народы и языки Сибири. Новосибирск; 1980.
28. Народы Сибири. История и культура. Новосибирск, 1997.
29. Национальная политика в императорской России: Цивилизованные окраины. М., 1997.
30. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Госкомстат России, 2003. (Текст на диске.)
31. Острогорский М. Учебник русской истории. М.: Капитал и культура. 1995.
32. Попов А.А. Долганы: Собрание трудов по этнографии. Т. II / Сост. А.А. Барболина. СПб.: Дрофа, 2003.
33. Попов А.А. Нганасаны. Л.: «Наука», 1984.
34. Попова М.И. Основы истории культуры малочисленных народов Таймыра. Пособие для учителей и учащихся. Красноярск: Кн. изд-во, 1993.
35. Потапов Л.П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII-XIX вв.). Абакан: Хакаское обл. гос. изд-во, 1952.
36. Потапов Л.П. Народы Сибири /Под ред. М.Г. Левина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.

37. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
38. *Пучков П.И.* География религий. М., 1975.
39. Расселение народов СССР по союзным республикам по переписи на 1989 г. // *Союз.* № 32, 1990.
40. *Рогинский Я.Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1980.
41. Русские: этнотерритория, расселение, численность и исторические судьбы (XII–XX вв.). Т. I. М., 1999.
42. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологические очерки. М.: Наука, 1973.
43. Семинар по выполнению рекомендаций ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации: Сб. выступлений участников семинара. Якутск, 2003.
44. Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.
45. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 1. Гл. 3.
46. *Суханов И.В.* Обычаи, традиции, обряды как социальные явления. Горький, 1973.
47. *Тавадов Г.Т.* Этнология: Учебник для вузов. М.: Проект, 2002.
48. *Тавадов Г.Т.* Этнология: Словарь-справочник. М., 1998.
49. *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.
50. *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1987.
51. *Токарев С.А.* История первобытного общества. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.
52. *Токарев С.А.* Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира / Отв. ред. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М.: РАН, 1999.
53. Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.
54. *Тучков А.Г.* История и культура народов Сибири. Томск: ТГУ, 2003.
55. *Хакимулина О.Н.* Из истории культуры и быта народов Таймыра: Учеб. пособие. Норильск, 2002.
56. *Хомич Л.В.* Ненцы. СПб.: Русский Двор, 1995.
57. *Хомич Л.В.* Нганасаны. СПб.: Просвещение. 2000.
58. Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980.
59. Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1980.
60. Этногенез народов Сибири. Новосибирск, 1984.

КРАТКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ НАРОДОВ ТАЙМЫРА

- Аргиш** — олений обоз из нарт. Путь, расстояние.
- Аргишитъ** — перемещаться по тундре (дневной переход зимой составляет 15–20 км, летом — 10–12 км).
- Бараксан** — выражение радости, ликования.
- Барган** — долганский музыкальный инструмент.
- Голомо** — сооружение из деревянных плах, крытых корой деревьев и обложенных дерном, мхом или землей.
- Калан** — местное название озера.
- Камлание** — обряд, совершаемый шаманом.
- Камус** — мягкая полоска шкуры с ноги оленя.
- Каюр** — возница, погонщик оленей или собачьей упряжки.
- Лабаз** — деревянный короб, установленный на сваях, для хранения припасов и шкур.
- Малица** — меховая куртка с капюшоном.
- Маут** — аркан, которым ловят оленей. Представляет собой веревку, сплетенную из кожи оленя, длиной до 5 м.
- Нарта** — сани в оленьей или собачьей упряжке.
- Нюки** — оленьи шкуры, которыми покрывают чум.
- Парка** — зимняя нарядная меховая шуба глухого или распашного покроя.
- Пасть** — ловушка на песца.
- Ровдуга** — замша из оленьей или лосиной шкуры.
- Сайтаан** — камень необычной формы, который считался покровителем охотников.
- Сокуй** — глухая верхняя одежда с капюшоном мехом наружу.
- Сохатый** — лось.
- Торбоса** — высокая обувь, из оленьего камуса или ровдуги.
- Унты** — укороченная обувь из оленьих камусов, украшенная кусочками песцовых шкурок, бисером, сукном. От эвенкийского «унта» — обувь. Внутри — на меховой подкладке, подошвы — из стриженной оленьей шкуры.
- Хэйро** — народный танец.
- Хорей** — палка с костяным набалдашником, при помощи которой управляют оленями.
- Хосун** — сильный смелый человек.
- Чум** — переносное жилище конической формы, на каркасе из жердей, крытое берестой, ровдугой, шкурами и пр.
- Ягель** — северный лишайник, основной зимний корм оленей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Лекция 1. Этнография как наука и учебная дисциплина	4
1. Предмет и задачи этнографии	4
2. Связь этнографии с другими науками	8
3. Методы исследования этнографии	12
4. Развитие этнографической школы в России	16
Лекция 2. Этнический состав населения мира	24
1. Этнос и совокупность его признаков	24
2. Прогнозы специалистов: тенденция к самоопределению этносов	37
3. Гипотеза Л.Н. Гумилева о жизни этносов — этногенезе	39
Лекция 3. Становление этнографической науки в России	43
1. Первые русские этнографические описания	43
2. Программы этнографических обследований XVIII-XIX вв. в России	44
3. Этнографические исследования русских за рубежом в XIX в.	47
Лекция 4. Роль материальной культуры в этнографических исследованиях	51
1. Актуальность изучения материальной культуры в этнографии	51
2. Пища как объект этнографического изучения	54
3. Этнографическое изучение функций одежды	58
4. Сравнительно-этнографическое изучение функций жилища человека	62

Лекция 5. Известные труды в области этнографии славян	71
1. История восточных славян в «Учебнике русской истории» М. Острогорского	71
2. Языческая религия славян в «Истории России с древнейших времен» Соловьева С.М.	77
3. Обряды славян в «Истории России с древнейших времен» Соловьева С.М.	80
Лекция 6. Народы Сибири	88
1. Формирование субэтноса «сибиряки»	88
2. Классификации народов Сибири	98
3. Коренные народы юга Красноярского края — хакасы	109
4. Коренные народы Красноярского края — чулымцы	114
5. Малочисленные народы Красноярского края — кеты	117
Лекция 7. Коренные народы Таймыра	124
1. Долганы	125
2. Ненцы	133
3. Нганасаны	139
4. Эңцы	145
5. Эвенки	148
Список источников и литературы	153
Приложение. Краткий этнографический словарь народов Таймыра	157

Серия «Высшее образование»

ПОЛЯНИЧКИНА Галина Андреевна

ЭТНОГРАФИЯ

Учебное пособие

Ответственный редактор *Наталья Мажникова*
Технический редактор *Ирина Булгакова*
Корректор *Наталья Пустовойтова*
Компьютерная верстка: *Андрей Басов*
Макет обложки: *Юлия Ханукаева*

Сдано в набор 10.10.2006. Подписано в печать 29.11.2006.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 2.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 3986.

Издательство «Феникс».

344082, г. Ростов-на-Дону, пер. Халтуринский, 80.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «ИПП «Курск».
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

E-mail: kursk-2005@yandex.ru www.petit.ru

Качество печати соответствует качеству
предоставленных заказчиком диапозитивов.